ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Михаил Сухачев

ТАМ, ЗА ЧЕРТОЙ БЛОКАДЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Герои повести, ленинградские подростки Виктор Стогов, Валерка Спичкин, Эльза Пожарова, знакомы читателю по ранее изданной книге «Дети блокады». В новой повести, которая читается как самостоятельное произведение, рассказывается об их дальнейшей судьбе. Оставшись в блокаду без родителей, они обрели вторую семью в дошкольном детдоме, устроенном в их бывшей школе, и вместе с ним были эвакуированы под Томск, в сибирскую деревню. Эта книга также и о тех, кто приютил «детей блокады», помог им обжиться на новом месте, – о колхозниках-сибиряках, людях широкой души и щедрого сердца. Автор повести, бывший блокадник, будучи сам очевидцем и участником описываемых событий, рассказывает в ней о своем поколении, о том, как рано взрослели ребята военных лет, как серьезно и ответственно они относились к жизни, как мужественно и стойко переносили выпавшие на их долю тяжелые испытания. Для среднего школьного возраста.

- Михаил Павлович Сухачев
  - ○
  - ○
  - ○ Об авторе
  - ○ Там, за чертой блокады
    - ■ Пролог
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Эпилог
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12

- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33

Михаил Павлович Сухачев
Там, за чертой блокады

© Сухачев М. П., 2015
© Мазурин Г. А., иллюстрации, 2015
© Оформление серии, предисловие. ОАО «Издательство «Детская литература», 2015

* * *

Об авторе

Михаил Павлович Сухачев родился в 1929 году в Орловской области, но затем его мать, трое братьев и четыре сестры переехали жить в Ленинград. Там он поступил в школу, начал заниматься в школьном авиамодельном кружке и построил модель самолета, пролетевшего на соревнованиях ленинградских школьников самое большое расстояние. Все Сухачевы играли в струнном оркестре Ленинградского клуба железнодорожников.

Война круто изменила мирную жизнь семьи. Трое старших братьев и сестра ушли на фронт. А двенадцатилетний Миша остался с матерью и тремя сестрами в Ленинграде, который уже в сентябре 1941 года оказался в блокаде. Об этом страшном и героическом времени рассказывается в повести «Дети блокады» (первое издание книги – 1989 г.).

Вместе с дошкольным детдомом, устроенным в его бывшей школе, мальчик в 1943 году был эвакуирован в сибирскую деревню, под Томск, где он со своими друзьями стал незаменимым помощником детдомовских воспитательниц в освоении нелегкого деревенского быта. Тринадцати-четырнадцатилетним городским мальчишкам пришлось научиться пасти скот, косить траву, копать картошку, заготавливать дрова и даже самим строить баню. О времени, проведенном в эвакуации, рассказывает книга «Там, за чертой блокады».

Окончание войны совпало с завершением учебы Михаила в восьмом классе. Он поступил во Вторую ленинградскую спецшколу Военно-воздушных сил. После ее окончания Михаил Сухачев стал курсантом Борисоглебского авиационного училища имени Валерия Павловича Чкалова. О тяготах учебы в авиационном училище в трудные послевоенные годы, о поколении летчиков, завершивших эпоху поршневой авиации и открывших страницу истории реактивной авиации, Михаил Павлович правдиво и очень интересно рассказал в своей книге «Исповедь летчика-истребителя» (2011).

Закончив училище в 1951 году, молодой лейтенант Сухачев был направлен в город Винницу, где служил в 43-й воздушной армии дальней авиации. Он осваивал новую авиационную технику и летал на сверхзвуковых истребителях. В 1957 году командование армии послало капитана Сухачева в Москву, в Военно-воздушную академию имени Ю. А. Гагарина.

После завершения в 1961 году учебы в академии Михаил Павлович был оставлен там преподавателем и готовил кадры

высшего командного состава авиации нашей страны. Вскоре он защитил кандидатскую диссертацию. Потом работал в Генеральном штабе Вооруженных сил СССР.

Но, будучи военным человеком, М. П. Сухачев всегда испытывал тягу к литературному творчеству. Еще в 1974 году он написал рассказ «Мохаммад». Тема была навеяна двухгодичной служебной командировкой в Египет. Рассказ вышел в издательстве «Молодая гвардия». Затем Михаил Павлович занялся изучением личного архива советника командующего авиацией во время Гражданской войны в Испании (1936–1939) Е. С. Птухина и на основе архива написал интереснейшую повесть «Небо для смелых» (1979). В ней рассказывается о событиях войны и участии в ней советских летчиков. А вскоре появилась повесть Сухачева о Герое Советского Союза генерале Г. М. Прокофьеве – «Штурман воздушных трасс» (1981). Эту книгу автор посвятил летчикам Великой Отечественной войны.

В 2008 году М. П. Сухачев издал документально-художественную повесть «Или Цезарь, или ничто» – о разработке ракетного оружия в фашистской Германии в 1933–1945 годах, основанную на исторических фактах. В ней действуют реальные участники событий. Автор 20 лет собирал материалы для написания этой повести.

Жизнь Михаила Павловича в настоящее время представляет собой образец потрясающего трудолюбия и интереса буквально ко всему на свете: он преподает в двух институтах, пишет книги, занимается экстремальными видами спорта. Встав на горные лыжи более 40 лет назад, он и его жена до сих пор, несмотря на возраст, катаются в Альпах. Ранее они исходили горными тропами Кавказ и Тянь-Шань.

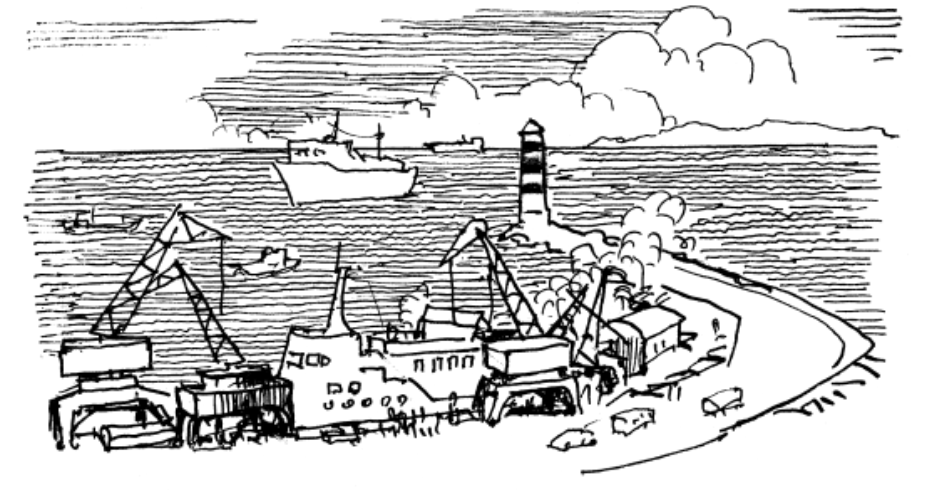
В 2009 году, в день своего 80-летия, Михаил Павлович поднялся в небо на одном из подмосковных аэродромов, управляя самолетом ЯК-52. Полет прошел успешно, был выполнен весь пилотаж: виражи, «петли», «бочки» и боевые развороты.

Известно выражение: «бывших летчиков не бывает». Михаил Павлович замечательно подтверждает это на своем примере.

От редакции

Там, за чертой блокады

Пролог



В одесский порт Валерий Сергеевич приехал заранее. С высоты Потемкинской лестницы он увидел большой красивый теплоход, медленно приближающийся к пассажирской пристани. Прослужив не один десяток лет в военном флоте, Валерий Сергеевич чаще всего видел боевые корабли, раскрашенные в унылый серо-синий цвет, нагонявший тоску. А сейчас взору представился белый, нарядный, как подвенечное платье, теплоход «Адмирал Нахимов».

Ожидая причальные буксиры, на теплоходе дали два коротких мягко-басовитых гудка. Валерий Сергеевич вспомнил, что этот лайнер достался нам в счет репарации[1] от разгромленной фашистской Германии, где под названием «Берлин» он, привлекая своим комфортом, катал респектабельную публику по северным морям. «Наверное, и гудок у него был тогда соответствующий: резкий, крикливый, угрожающий. Впрочем, за десятки лет и гудок мог постареть», – подумал он.

От этих мыслей он отвлекся, когда подошел к причаленному теплоходу, с которого начали опускать трап. Среди толпы кричащих, свистящих, машущих цветами, платками, шляпами и панамами встречающих, а также пассажиров, свесившихся по левому борту на трех палубах, было почти невозможно отыскать дочь. Поэтому Валерий Сергеевич стал рассматривать людей, спускающихся по трапу. Дочь он увидел, когда она прошла почти

половину лестницы.

– Марина! – крикнул Валерий Сергеевич, подняв букет над головой, и стал пробираться через толпу к трапу.

Скорее повинуясь родственному притяжению, чем голосу отца, девушка быстро отыскала глазами Валерия Сергеевича и с возгласом «Папа!» со второй ступеньки трапа бросилась ему на

шею, заслонив его лицо копной пышных волос.

– Ну, как впечатления от круиза? Когда вы отплыли из Стамбула? – спросил отец, опустив дочь на землю.

– Папа, впечатлений – во-о! – Марина провела ладонью выше головы. – И все-таки: «Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна…» Там хорошо, а дома лучше.

– Нам, собственно, ждать нечего. Багажа, помнится, у тебя не было. – Валерий Сергеевич оглянулся. – А где твои вещички?

– Вещички? – перепросила она и оглянулась. – А вон мои вещички.

Марина указала в сторону высокого молодого человека с двумя небольшими чемоданчиками, один из которых принадлежал ей. – Пойдем, я тебя познакомлю.

Марина твердо взяла отца за рукав и потащила к парню.

– Мой папа! – с гордостью произнесла она. – Лучший в мире человек и моряк-подводник, капитан первого ранга Спичкин Валерий Сергеевич. А это, – она повернулась к отцу, – спутник по круизу, свободно говорящий по-английски. Благодаря ему не только наша группа узнала много интересного, но и прикрепленный к нам гид, который знает английский не намного лучше выпускника средней школы.

Молодой человек смущенно протянул руку и представился:

– Арни!

– Англичанин или американец? – удивленно спросил Валерий Сергеевич.

– Нет, – улыбаясь, возразил он, – сокращенное от Арнольда. Арнольд Стогов.

Валерий Сергеевич вздрогнул, услышав фамилию старого друга детства. Взгляд невольно заскользил по внешности юноши, ища сходства. «Нет, не похож: светлые волосы, большой рост, косая сажень в плечах… Однако что за глупые сравнения – прошло больше сорока лет». Словно очнувшись ото сна, он поспешил с ответом:

– Очень приятно!

– А кто он по профессии, угадай, папа? – с хитринкой в глазах спросила дочь.

– Как – кто? Ты же сама только что подсказала – переводчик.

– Не угадал! Не угадал!

– Сдаюсь! Помоги мне!

– Арни – врач. И не просто врач, а хирург. Жаль, что отпуск у него заканчивается завтра.

– Да, я сейчас еду на вокзал и первым поездом домой, в Москву. А вы, я знаю, остаетесь здесь еще на три-четыре дня.

– Так точно. Мой бывший замполит на подводной лодке

живет здесь, просил остаться погостить, посмотреть, как он говорит, «самый красивый на земле город», насладиться жизнью на «территории анекдотов». Будете в Ленинграде – милости просим!

Он крепко пожал руку юноше и отошел в сторону, давая возможность попрощаться молодым людям.

– Арни, ну останься еще хоть на день! Ты же врач, смастери себе бюллетень, – донеслись до него слова дочери.

Толпа рассосалась, поэтому ребята достаточно быстро нашли такси. И пока они подъезжали к Валерию Сергеевичу, ожидавшему их с чемоданчиками, ему пришло в голову: может, этот Стогов как-то связан с его другом детства? А что, чем черт не шутит?

Из машины Марина вылезла расстроенная.

– Ты знаешь его отчество? – спросил отец.

– Нет, а что?

– Быстрее спроси, пока он не отъехал.

Валерий Сергеевич ринулся вслед за ней.

– Викторович! – крикнула Марина, стоя возле открытой двери такси.

– Стойте! Стойте! – задыхаясь, закричал Валерий Сергеевич.

Напуганный криком и вопросами, из кабины вылез Арни.

– Арни, твой отец, видимо, блокадник…

– Да! Я знаю, что вы тоже блокадник, мне Марина рассказывала. А что, вы знали моего отца?

– «Знали» – это мягко сказано. Мы были больше чем братья. Неужели он не рассказывал о своих друзьях: Валерке Спичкине, Борьке Уголькове?..

– Да-да, – перебил Арни, – еще говорил о какой-то девочке с «огнеопасной» фамилией. Папа редко рассказывает о блокаде: у него от этих воспоминаний давление подскакивает.

– Девочку с «огнеопасной» фамилией звали Эльза Пожарова – это моя жена и ее мама. – Валерий Сергеевич кивнул в сторону Марины. – Вот что, Арни, нам с твоим отцом друг друга больше терять нельзя. Виктору, то есть папе своему, о нас ни слова! Мы с Мариной сейчас собираемся в Москву. Завтра-послезавтра встретимся у вас. Давайте адрес.

Проводив Арни, Валерий Сергеевич с сияющей от радости Мариной тут же в порту отыскал кассу Аэрофлота.

Заполучив билеты на самолет Ту-104 рейсом Одесса – Москва, они вместе составили телеграмму домой: «Четверг выезжай Москву Красной стрелой сообщи вагон будем встречать целуем Марина Валера».

Наспех поцеловав удивленную жену, отец и дочь потащили ее с вокзала на стоянку такси, не дав вымолвить ни слова.

– Эльза, я, кажется, нашел важного для нас человека. Только ты не волнуйся, не спрашивай. Это сюрприз.

Через двадцать минут они вышли из машины у дома на Фрунзенской набережной и поднялись на второй этаж.

– Еще раз прошу тебя: не волнуйся, – сказал Валерий Сергеевич и нажал кнопку звонка.

Минуту спустя им открыл дверь седой генерал авиации, видно собравшийся уходить. Он опирался на палку. Взаимное удивление длилось недолго.

– Боже мой!.. – простонала женщина, и Валерий Сергеевич почувствовал, как ослабла рука жены, оседавшей в обмороке.

Генерал тотчас вспомнил, что такой особенностью терять сознание от сильного волнения обладал единственный человек на свете, друг далекого блокадного детства – Эльза Пожарова.

– Нина! – громко крикнул он в глубь квартиры. – Эльзе плохо! – и поспешил на помощь гостям.

– Ничего, Виктор, ты же знаешь, это быстро пройдет, – ответил Валерий Сергеевич.

– Валерка?! – Генерал пристально взглянул на говорившего. – Теперь бы мне не грохнуться в обморок!..

Эльза пришла в себя, и, пока она отдыхала, общаясь с женой генерала, знавшей по рассказам мужа о его детской влюбленности в Эльзу Пожарову, мужчины засы́пали друг друга вопросами.

– Где же вы пропадали, черти? Я после войны несколько раз о вас наводил справки в Ленинграде. О Пожаровых Горсправка однозначно отвечала: «Адресат выбыл 15.08.1944 г.». Всё! Куда? Почему? Никаких добавлений! О тебе, Валера, вообще полный мрак: «По указанному Вами адресу – Воронежская, дом 55 – Спичкин Валерий не проживает с 15 мая 1942 г.».

– Виктор, только сейчас можно понять, в каких условиях тогда работала справочная служба. Полный хаос не только в Ленинграде, но и во всей стране. Вместе с домами от бомбежек и обстрелов горели и домовые книги. Что касается меня, прости, я долго ни с кем не хотел встречаться. Рад был, что и меня никто не ищет. На то были причины. Ты помнишь, отец еще зимой сорок первого ушел добровольцем на фронт. Мама умерла в январе сорок второго.

От отца письма с фронта перестали приходить с весны сорок второго. А он, как оказалось, был в плену до самого окончания войны. Домой приехал за неделю до нашего возвращения из Сибири. Соседи говорили, что сутками сидел на Варшавском

вокзале, ожидая прибытия нашего эшелона. За три дня до моего приезда его арестовали. Прямо днем, на глазах у соседей. Пытались выяснить, кто еще есть из его родных. А он со слезами на глазах упрашивал оставить его до возвращения сына.

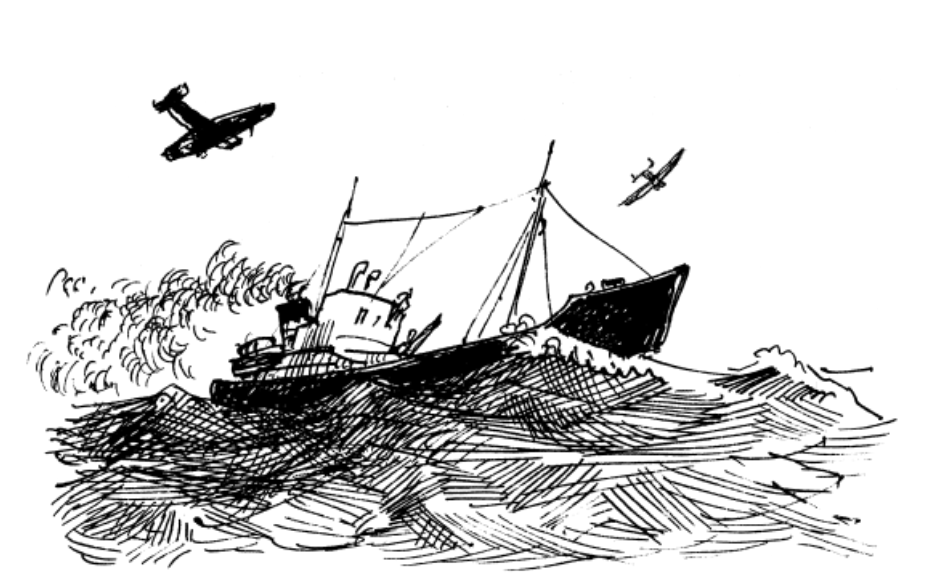
Когда я приехал, соседи посоветовали скрыться подальше от дома. Я подался в Рыбацкое, к тете Дарье. Ты помнишь, мы ездили туда смотреть на воздушные бои наших летчиков с немецкими, а потом собирали пулеметные гильзы. Барака тети Дарьи не было: сгорел. Познакомился с местными ребятами-беспризорниками. Остался у них жить в большой землянке, видимо штабной, потому что стены и потолок были обшиты толстыми досками, с большой железной печью, от которой было тепло даже в сильные морозы. Остался полевой телефон, по которому мы в шутку заказывали в самых дорогих ресторанах что-нибудь поесть, и лампа-коптилка, сделанная из артиллерийского патрона.

Слушая Валерия Сергеевича, Виктор Павлович внимательно рассматривал друга детства, до неузнаваемости изменившегося за десятки лет. Возможно, это была его первая подробная исповедь. Видно было, что тот никак не мог успокоиться и от волнения крутил в дрожащих руках портсигар.

– В школу пойти не мог, – продолжал Валерий Сергеевич, – детдомовская одежда и ботинки порвались вдрызг. Попросился в ремесленное училище, где дали форму, постель в общежитии, хоть и скудно, но кормили. Чтобы подзаработать, вечером, а иногда и ночью работал грузчиком в магазинах, порту, даже санитаром в морге. На постоянную работу не брали: лет мало. Словом, хлебнул шилом патоки. После ремеслухи[2] с трудом удалось поступить в «Дзержинку»[3]. Эльза с отцом после войны жили в Севастополе. Там я и встретил ее во время учебного плавания. Только потеряв надежду найти тебя, в пятьдесят втором она согласилась стать моей женой. А теперь, после моего увольнения, живем в Ленинграде.

…Белая пелена тумана над Москвой-рекой постепенно опускалась, заволакивая уставшую от дневной суеты набережную. На другом берегу реки, над деревьями парка имени Горького, уже зарозовел восток, предвещая скорое наступление дня. А на втором этаже, в доме на Фрунзенской набережной, не ложились спать, не гасили свет. Здесь вспоминали события далекого детства более чем сорокалетней давности.

Глава 1
Путь в неизвестность



Несильный, но какой-то плотный ветер с Ладоги, казалось, пронизывал каждого в огромной толпе людей, собравшихся у ветхой деревянной пристани, примыкавшей к деревне Осиновец.

Вход на нее, перегороженный толстой цепью, охранялся двумя матросами без оружия. Страдая от холодного ветра, люди топтались на месте, стараясь согреться, и не спускали глаз с пароходика, мотавшегося на волнах за злополучной цепью.

– Граждане ленинградцы! – прозвучал голос с пароходика, усиленный мегафоном. – Сейчас будет посадка! Первыми садятся дети двадцать первого дошкольного детского дома. Прошу, умоляю вас: сохраняйте порядок! Сегодня все будете на той стороне Ладоги. Следом за нами подойдет «Чапаев»!

Последние слова потонули в нарастающем людском гомоне.

Наученные горьким опытом матросы едва успели отбросить цепь в сторону. Толпа хлынула на пристань. Изможденные голодом люди тратили последние силы, стремясь скорее уйти от того страшного, что осталось в осажденном городе.

– Граждане! Товарищи! Пропустите детей! Вы же слышали, первыми садятся дети детского дома! – Нелли Ивановна, директор детдома, несмотря на довольно хрупкое телосложение, подобно ледоколу, прокладывала путь следующим за ней детям и обслуживающему персоналу.

– Вероника Петровна, вы что остановились, ей-богу! – крикнула она старой воспитательнице. – Товарищ матрос, помогите детям и пожилой женщине! Наших должно быть сто двадцать четыре!

Вместе с детьми карабкались по хлипкому трапу и взрослые, в отчаянии бросая в воду мешающий нехитрый скарб, обессиленно, но по-ленинградски вежливо прося матросов о помощи.

Похоже, их не остановило бы даже известие, что из-за перегрузки пароходик начал тонуть. И команда «Прекратить посадку! Убрать сходни!» только подхлестнула всеобщий напор. Лишь образовавшийся просвет между деревянным настилом причала и бортом пароходика остановил толпу.

– Ты слышал? – обратился Виктор Стогов к своему дружку Валерке Спичкину. – Остальные поедут на «Чапаеве». Везет же людям! Это не то что наша калоша! Какой-то «Вилсанди». Ну и названьице! Тьфу! Стыдно сказать, на чем плыли. Наверняка «Чапаев» нас обгонит.

Он посмотрел на друга, ожидая возражения.

– Не-е, я слышал, что «Чапаев» еще на Большой земле. Матросы между собой говорили: «Зря капитан врет. „Чапаев“ после налета ремонтируется». И, скорее всего, наш, как его, «Вилсанди», сегодня же вернется назад за остальными. Пойдем посмотрим наш плавающий лапоть, – предложил он Виктору.

Несмотря на то что оставшиеся на берегу люди слились в почти неразличимую массу, а крики их тонули в шуме отбрасываемой за бортом воды, толпа стоящих у борта эвакуируемых с устремленными на берег Ладоги взорами не уменьшалась. Слышались всхлипывания, причитания, молитвы.

– Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Всевышний! – причитала, истово крестясь, стоящая рядом с ребятами бабушка. – Слава Тебе, что не допустил голодной смерти! Хочу прийти в царствие Твое с думой о святости, а не о хлебе…

Она хотела продолжить, но рядом с ней другая женщина, высокая, одетая в черное старомодное пальто с фиолетовой атласной отделкой воротника и обшлагов, начала странный монолог:

– Прощай, дорогой, любимый город, часть моей души и плоти! Прощайте и простите слабость мою, родные, за то, что покидаю ваши могилы не по доброй воле! Не судьба мне разделить последнюю сажень земли с вами, не покидавшими берега Невы в самые тяжкие годы вашей жизни…

– Что уж ты, матушка, так, словно на чужбину едешь? К сытости везут нас от голода, а ты голосишь, словно на каторгу

собралась. Грешно гневить Бога, – вмешалась бабуля, которая возносила хвалу Всевышнему. – Я вот ижорская, всю жисть прожила рядом с заводом, тоже немолодая, а еду с радостью. Хочу вдосталь наесться хлебушка. Будет, наголодалась за зиму, только во сне и ела досыта. А жить и работать везде можно. Расея – она большая и вся своя. Привыкнешь и ты на новом месте…

– Привыкнуть можно. Жить будет тяжко. Здесь похоронены прадеды, деды, родители, муж и дочь.

Виктор с любопытством слушал разговор двух пожилых женщин и невольно представил себе свою мать, тоже верующую, для которой могилы родных, похороненных на Волковом кладбище, также были святы и дороги.

– Чо ты уши развесил? – дернул его Валерка. – Пойдем смотреть пароход, пока нас не хватились.

Они двинулись вдоль борта и только сейчас обратили внимание, что усилилась качка. Пароход бросало с борта на борт, а его нос то устремлялся в пучину, то вздыбливался так высоко, что впереди не было видно воды.

Истощенные, измученные люди терзались морской болезнью. Бледные, с выпученными глазами пассажиры страдали от приступов тошноты.

– Ой, мамочки! Ой, дурно мне! – раздавались со всех сторон голоса при каждом новом броске суденышка.

Предвидя качку, матросы сразу разместили детей в темном трюме, где качка ощущалась не так мучительно. И все равно многих рвало.

Желание мальчишек осмотреть пароходик неуклонно падало с каждым новым броском в пучину и подъемом на гребень волны.

Витьку мутило, но не очень. Валерке было хуже. При каждом броске он, словно рыба на берегу, широко открывал рот, жадно хватал воздух и закатывал глаза. Какой-то мужчина, видя Валеркины муки, сказал, что ему надо спуститься в трюм – там легче.

Они спустились. Осторожно ступая между детишками, Витька пробрался к Эльзе, уткнувшейся лицом в подол платья.

– Ну, ты чего? – тронул он ее за плечо.

Эльза подняла на него глаза, полные страдания, и, прикрыв ладонью рот, тихо, но властно сказала: «Уйди!» – и снова скорчилась от приступа тошноты.

Витька не обиделся на такое обращение, понимая, каково ей.

А с некоторых пор он вообще стал испытывать к своей бывшей однокласснице чувство почти родственной привязанности.

Это произошло после того, как Витька разыскал на ладожской

пристани отца Эльзы, инженера, начальника энергоблока, до той поры уверенного в том, что его жена и дочь умерли от голода.

Витька вместе со всеми детдомовскими со слезами на глазах наблюдал за их встречей, а сказанные Сергеем Яковлевичем при расставании слова о том, что у него никого нет теперь дороже Эльзы и Виктора, взволновали его до глубины души, вызвав чувство ответственности за девочку. Возникнув, это чувство уже не покидало его.

Оглянувшись, Виктор увидел, что Валерка стоит рядом на коленях и, упершись головой в угол переборки и обшивки парохода, судорожно вздрагивает всем телом. Между приступами он с трудом произнес:

– Мне плохо!

– Пойдем наверх, там свежий воздух, и вообще… – Виктор помог другу подняться. – А то не успеем посмотреть пароход.

При каждом крене шарахаясь из стороны в сторону, они медленно поднялись по крутой железной лестнице на палубу. Здесь же стоять, не держась за что-нибудь, было невозможно. Витька потянул друга к следующей лестнице, ведущей на корабельную надстройку.

За маленькой, легко открывшейся дверью оказалось помещение, где почти не было слышно шума волн и не ощущалось дрожания работающей паровой машины. Здесь люди говорили спокойным голосом, без суеты, смотря то на бушующие волны, то на приборы у переднего стекла. Витька завороженно уставился на человека, вращающего огромное колесо штурвала. Он показался ему здесь самым главным, потому что напоминал капитанов парусных кораблей из прочитанных книг о морских пиратах. Он и сам, когда они плавали на самодельных плотах по многочисленным озерам под Ленинградом, предпочитал занять место у прикрепленного тележного колеса, чем толкать плот палками.

– Слева по борту тральщик! – прозвучала команда матроса, стоящего с биноклем у окна.

– Вижу. Это «сотка» Каргина, – почти беззаботно

прокомментировал человек в бушлате, сидевший на высокой тумбе рядом с рулевым. Он был без курительной трубки и потому казался Витьке мало похожим на настоящего капитана.

– Прямо по курсу самолеты!

Это уже был тревожный крик рулевого. Едва глянув в бинокль, человек в бушлате скомандовал:

– Боевая тревога! Воздух! «Юнкерсы»!

Громко забил колокол. Один из находившихся здесь людей кинулся к двери, у которой, крепко держась за нее, стояли Витька и Валерка.

– Вы что здесь делаете? А ну, марш вниз, в трюм!

Он опередил их и, закинув ноги на перила, мигом скатился по узкой лестнице. В тот момент, когда ребята начали спускаться, раздалась пулеметная дробь и вдоль борта на мокрой палубе мелькнула череда фонтанчиков от пуль. Над пароходиком, едва не задевая мачту, промчался фашистский самолет, и вслед за этим раздался сильный взрыв от разорвавшейся бомбы.

Пароход не только поднялся из воды, но, казалось, сдвинулся назад, отчего на палубе попадали даже матросы. Огромная стена воды обрушилась на пассажиров, заглушая крики и стоны. Разделившись на два потока, волна промчалась вдоль бортов и выплеснулась за кормой, увлекая за собой ящики, бочки, судовой инвентарь и несколько пассажиров.

Два судовых пулемета и зенитная пушка, словно соревнуясь между собой, неистово, почти не умолкая, били то короткими, то длинными очередями. Трудно было понять, сколько вражеских самолетов совершают налет на кораблик-поплавок, прыгающий среди волн. Огромные фонтаны воды поднимались со всех сторон – то далеко, то настолько близко, что пароходик, словно футбольный мяч, подлетал вверх и плюхался с такой силой, что, казалось, из образовавшейся пропасти ему уже не выбраться на поверхность. Между разрывами бомб иногда по палубе прокатывалась дробь пуль, но она не производила такого страшного впечатления, как водяные «смерчи».

Витька с Валеркой не помнили, как оказались под железной лестницей, по которой только что спустились. Прижавшись друг к другу, они крепко держались за ее металлические прутья. В какой-то момент Витька поднял голову и увидел, что они находятся перед дверью. Он нажал на ручку и, едва она приоткрылась, толкнул друга в темный проем, устремившись следом за ним.

От страха ни тот, ни другой не ощутили боли, скатываясь по лестнице в какую-то кромешную тьму. Только спустя минуту они стали различать огромный механизм машины, работающей в

напряженном режиме, запах горелого масла, угля и свирепое шипение пара. В тусклом свете керосиновой лампы помещение напоминало цех Кировского завода, куда они забегали к Валеркиному отцу до того, как он ушел на фронт. Двое голых по пояс людей с лоснящейся от пота кожей ловко перемещались между механизмами, словно им были неведомы качка и напор волн, создаваемые разрывами бомб. Здесь, казалось, ничто не напоминало о том, что происходит снаружи. Но это только казалось. В монотонное пыхтение машины внезапно ворвался треск разрываемого металла. Машинное отделение резко накренилось влево, и широкая, прозрачная, как стекло, струя воды перегородила проход между бортом и машиной. На дне стала быстро прибывать вода.

Ребята ринулись наверх, услышав, как один из матросов прокричал:

– Командир! В машинном пробоина под ватерлинией! Пришли людей завести пластырь!

Это была последняя бомба в налете, но последствия взрыва ее были ужасные. Вперемешку с мокрыми вещами, одеждой, бочками и ящиками лежали люди. Трудно было определить, кто из них ранен, кто мертвый: все шевелились под влиянием качки. Во многих местах стояли лужи крови, разбавленные водой. Небольшая команда матросов спешно убирала последствия налета.

«Внимание! – раздалась команда по радио. – Лиц медицинского персонала прошу подняться на палубу для оказания помощи пострадавшим!»

Подходили к берегу. Здесь волн таких не было. Матросы спешили навести порядок. Никто из них не возразил, когда им стали помогать пассажиры. В меру сил старались и Витька с Валеркой. Растаскивая разбросанные по палубе вещи, Витька искоса посмотрел на правый борт, где рядком укладывали погибших. Трупы уже не вызывали панического страха, как это было до войны, когда в пионерском лагере ребята рассказывали о них страшные истории перед сном. Привыкнув к трупам за время страшной блокадной зимы, Виктор был уверен, что их здесь, на пароходике, надо укладывать именно рядком. Детдомовских среди погибших не было, все чужие. Но один труп он узнал. Это была женщина в старомодном пальто, все родные и близкие которой похоронены в Ленинграде. Возле нее стояла бабуля из Ижоры и громко причитала:

– Горемычная! Давно ли прощалась со своими усопшими родными, вот и сама преставилась, не уехала далече. Знать, судьба…

…В Кобоне, на восточном берегу Ладоги, картина человеческой суеты повторилась, только в обратной последовательности: люди торопились высадиться на берег, словно забыли, что четыре часа назад брали пароход штурмом.

Почти все ребята сами не могли спуститься по трапу: доконала качка. При выгрузке их из трюма обнаружилось, что трехлетняя Аня, которой по настоянию Эльзы дали фамилию Пожарова, умерла. Она была из группы, к которой еще в Ленинграде прикрепили Эльзу. В полумраке трюма никто не заметил, как это случилось. Возможно, она даже и не стонала. Хотя плохо тогда было многим, и, скорей всего, Анин голосок затерялся среди стонов других детей и взрослых.

Обнаружила мертвую малышку Эльза, когда хотела вынести девочку из трюма. Несмотря на требование директора без паники сообщать о смерти детей только ей и врачу, Эльза уткнулась Нелли Ивановне головой в живот и забилась в истерике, громко повторяя:

– А-а-а-ня-а-а!

Произнеся малопонятную фразу, Эльза беспомощно опустилась на палубу и, как это было с ней всегда при сильных потрясениях, потеряла сознания.

При осмотре трупика врач не нашла других отклонений, кроме вывалившейся прямой кишки. Этим недугом страдали почти все истощенные дети, и умение вправлять ее вменялось в обязанность каждого сотрудника персонала и даже старших ребят, которые и сами мучились от этого, но не признавались, тайком вправляя ее себе так, как их учили делать маленьким детям.

– Болевой шок от ущемления прямой кишки, спровоцированного морской болезнью, – быстро осмотрев трупик Ани, засвидетельствовала смерть врач эвакоприемника, торопясь к другим пострадавшим.

Эльзу привели в чувство, и Витька с Валеркой помогли ей спуститься с парохода. Она еле тащила ноги и, громко всхлипывая, повторяла:

– Я-я-я ее лю-ю-би-и-ла, как ро-о-о-дную…

Витька, не стесняясь Валерки, тоже плакал. Эту девочку они с Эльзой нашли вдвоем у насыпи Витебской железной дороги, когда ходили на квартиру к Эльзе узнать, нет ли каких вестей от отца. После смерти матери Эльза одна домой ходить боялась. Ей все чудилось, что обезумевшая от голода, сгорбившаяся, косматая и страшная мать сидит возле «буржуйки»[4], рвет и кидает в топку книги из богатой отцовской библиотеки. Незадолго перед смертью она совсем помешалась и выгнала дочь из дома.

Выскочив из квартиры, они поспешили в детдом и, чтобы сократить путь, пошли через насыпь железной дороги. Перейдя полотно, Эльза увидела лежащую внизу женщину, а рядом детские деревянные санки с укутанным ребенком.

Это было в первых числах апреля. Началась оттепель. Там, где снега уже не было, проклюнулись первые ростки мать-и-мачехи. Воздух был наполнен запахом нечистот и разлагающихся трупов, привезенных к насыпи с ближайших улиц.

– Обойдем стороной. – Виктор тронул Эльзу за рукав. – Сейчас скажем в нашем жэке. Придут, заберут.

Но Эльза потянула его в сторону женщины. Та лежала на боку, сжимая в руке несколько цветочных головок. К тонким иссохшим синим губам прилипли желтые лепестки.

Витька отвернулся. Но Эльза подошла к санкам, осторожно отвернула края нескольких теплых платков и увидела худое синюшное личико. От внезапного яркого света веки ребенка вздрогнули.

– Он жив, Витька! Ребенок жив! Потрогай его!

– Ну да. Еще чего… – пробурчал Стогов. – Жив – не жив, давай отвезем его к нам в детдом. Погляди, нет ли в карманах у женщины каких-либо документов[5].

Эльза внимательно проверила все карманы.

– Нет ничего. Пойдем скорее, а то и ребенок помрет.

Это была девочка, и Эльза помогла ее помыть, потом покормила с ложечки, проявив при этом прямо-таки материнскую заботу. Она же через неделю добилась от девочки первого слова. Это было ее имя – Аня. Больше от девочки узнать ничего не удалось. Воспитательница хотела присвоить ей фамилию Боровая, по названию той улицы, где ее нашли. Но Эльза настояла, чтобы ее записали Пожаровой.

…О чем думала Эльза, в слезах спускаясь по трапу? Может быть, в смерти Ани узрела какой-то рок, нависший над фамилией Пожаровых, и корила себя за то, что, назови она Аню Боровой, девочка осталась бы жива?

По три-четыре хрупких, истощенных человечка матросы сажали на носилки и доставляли их с парохода к большому бараку приемного пункта, где на длинных столах, прямо под открытым небом, были приготовлены железные тарелки и кружки. Воздух здесь благоухал умопомрачительным запахом пшенной каши со свиной тушенкой.

Несмотря на приглашение помыть руки перед едой, большинство прибывших боялись отойти от столов, жадными глазами следя за девушками, приносившими большие бачки с кашей и подносы с кусками черного хлеба.

За раскладыванием каши следила врач, в каждом отдельном случае определяя размер порции. Большой опыт и чувство ответственности сделали ее привычной к разным реакциям наголодавшихся людей.

– Доктор, что вы делаете, почему мне только половину поварешки? Умоляю вас! – Пожилой мужчина, несмотря на тепло, одетый в старое демисезонное пальто, крепко вцепился в рукав халата женщины-врача. – Последние дни я почти ничего не ел. Понимаете, умерла жена, а за рытье могилы, похороны и прочее пришлось расплачиваться хлебом. Я художник, есть интересные идеи, надо срочно восстановить силы, чтобы успеть реализовать замыслы.

Он пытался сказать что-то еще убедительное, но врач вежливо освободила свою руку.

– Конечно, я вас понимаю, но вам сейчас нельзя сразу много пищи. Это никакой пользы не принесет, только навредит. Все будет нормально, но нужна постепенность…

Пожилая женщина с Ижорского завода оказалась следующей за столом и сама опередила врача.

– Э-э, дочка, он интеллигент. – Она кивнула в сторону художника. – Ему, может, и вредно много пищи, а мы люди рабочие, всегда ели много, впрок. Мне не страшно, ты уж не скупись!

Она обеими руками, чтобы, не дай бог, не уронить, протянула миску.

Но врач огорчила и ее.

Глядя с испугом и возмущением на свою порцию, она со всей пролетарской прямотой накинулась на врача:

– Что ж ты делаешь, а? Зачем я сюда ехала? На мне экономишь?! Сама небось ешь досыта! Говорили, здесь накормят! Как же! Меньше, чем в городе! Буду жаловаться!..

За другими столами раздавались почти такие же возгласы, но в более мягкой, умоляющей форме. Дети детдома просили тихо, жалобно, со слезами.

Обед прервала воздушная тревога.

– Граждане! Быстро в щели! – командовали те же девушки, которые только что раздавали кашу. Они хватали детей и устремлялись к траншеям, выкопанным вдоль кустарника в сотне метров от «столовой».

Большинство людей бежали, унося свои миски и хлеб. Таща закрепленных за ним детей, Виктор увидел, как его обогнала Ижорская. Достигнув конца стола, она на секунду задержалась, затем запустила миску в оставленный бачок с кашей и помчалась дальше.

Немцы начали бомбить пристань, потом переключились на железнодорожную станцию. Бомбы ложились все ближе к эшелону, в котором предстояло эвакуироваться прибывшим ленинградцам. Кто-то из «стервятников» взял на прицел и «столовую».

Виктор понял, что взрывы приближаются к траншеям. Несколько комков земли упали на него. Он всем телом навалился на двух своих подопечных малышей, прижав их к земле, и накрыл руками ребячьи головы.

Приученные к взрывам, малыши не кричали и даже не плакали. Один из них держал кусок хлеба. Худенькие синие пальчики глубоко вонзились в мякиш, словно боясь, что прилетевшие фашисты отберут драгоценный ломоть. Это была рука ребенка блокады, и в ней угадывался весь ужас пережитого года.

«Вот тебе и Большая земля! – подумал Стогов. – Здесь нисколько не лучше, чем в городе. Бомбят, как и там. Еще могут и убить. Зря я уехал из…»

Совсем рядом вдруг поднялась черная стена земли. И тотчас Виктор почувствовал, как голову ото лба к затылку пронзила резкая боль. Когда земля стала опускаться, она приобрела какой-то розовый оттенок с переливами, словно облако, подсвеченное солнцем перед закатом. Показалось, что и он сам, вслед за облаком, стал куда-то опускаться, проваливаться. Это напоминало голодные обмороки, которые часто случались прошедшей зимой. Правда, боли тогда не было.

Приступ наступившей слабости парализовал все тело. Виктор лежал уткнувшись лицом в землю, ощущая лбом и носом что-то теплое и липкое. Попытка поднять голову, чтобы посмотреть на прижатых им ребятишек, не увенчалась успехом. Сопротивляясь обмороку, он пытался, как это делал в Ленинграде, что-то вспомнить. Что? В угасающем сознании стали быстро мелькать образы матери, ушедшей за водой и не вернувшейся, Эльзы, закутанной в тряпки, возле санок с бидонами воды, мертвой женщины на пароходе, которой так и не удалось покинуть ленинградскую землю… Наконец вспомнил, о чем думал перед тем, как потерять сознание: «Зря я уехал из Ленинграда…»

Сознание возвращалось одновременно с ощущением резкого запаха нашатырного спирта. Это состояние было знакомо по пробуждению после голодного обморока. Лежа с закрытыми глазами, он на миг перенесся в темное ленинградское утро, когда его будил раздававшийся из черной тарелки репродуктора голос диктора Ленинградского радио Меламеда: «Говорит Ленинград!» А это означало, что независимо от самочувствия надо

просыпаться и в кромешной мгле тащиться в булочную, вставать в очередь и ждать, когда подойдет мать, которая в это время занимала очередь в продуктовый магазин в надежде чем-то отовариться по продовольственным карточкам.

Медленно поднимаясь, он чувствовал, что сил едва хватает только на то, чтобы пощупать хлебные карточки, пришпиленные во внутреннем кармане пальто. Этот карман ему пришила мать, полагая, что вряд ли кому-то взбредет в голову ограбить ребенка. Превозмогая слабость, он действительно дотянулся рукой до того места, где должен быть карман. Но его не было! Стало быть, не было и драгоценных карточек. От испуга Виктор застонал и открыл глаза.

Первое, что он увидел, – это совершенно белый потолок и низко висящую лампочку без абажура. Он попытался повернуть голову, но почувствовал, что она чем-то сильно сдавлена. Виктор застонал.

– Ну, слава богу! – послышался тихий голос, по которому он безошибочно определил директора детдома Нелли Ивановну.

– Да я вам говорила, рана сама по себе не опасная, если не произойдет заражения, – сказала женщина, голос которой Стогову не был знаком.

– Не скажите… Такое ранение при сильном истощении организма! Все можно ожидать.

По характерному грассирующему произношению Виктор узнал детдомовскую врачиху Изабеллу Юрьевну.

– Я здесь только с такими и имею дело, – тихо, но твердо заверила незнакомая женщина.

– Он не такой, как все, – не унималась Изабелла Юрьевна. – Судьба его достаточно испытала: голод, возвращение к жизни после катастрофического переохлаждения, когда его, как замерзший труп, подобрали дружинницы. О, это целая история, как его, «ледяного мальчика», выхаживали в медицинском институте. Было бы обидно потерять его здесь, на Большой земле.

– Где я? – тихо спросил Виктор.

– В лазарете. Немного царапнуло тебя осколком по голове, или, как говорит твой друг Валерка, по «кумполу». – Нелли Ивановна улыбалась. – Ничего страшного, до свадьбы заживет!

«По кумполу!» – Виктор смотрел на любимую, добрую Нелли Ивановну, которая искренне и легко, когда надо, переходила с официального языка на их, ребячий, жаргон. Она что-то еще говорила, но Виктор не вслушивался, пытаясь вспомнить, что произошло.

– Кого-нибудь убило?

– Нет, из наших ты пострадал да еще из группы Вероники

Петровны двое маленьких, незначительно.

– А мои? Ну те двое, что со мной были?

– Слегка контужены. Но, в общем, все в норме.

– А когда поедем?

– Не знаю. Наш эшелон разбит.

– А без меня не уедете?

По тому, как Нелли Ивановна задержалась с ответом, Виктор понял, что такой случай не исключен.

– Не бросайте меня, Нелли Ивановна. А то я убегу!

– О-о, в этом может кто-то и сомневается, а я – нет. Ты меня убедил еще в Ленинграде побегом на фронт. Давай-ка быстрее поправляйся, а там посмотрим, – уклонилась директор от ответа.

– А где Валерка, Эльза, Гешка?

– В бараках, помогают устраивать детей.

«Беги, беги в щель, пацан! – кричала Ижорская. – Да захвати своих детишек-то, дуралей!»

Виктор оглянулся и увидел, как она горстями хватала пшенную кашу со свиной тушенкой из его миски, потом из мисок ребят, которых он тащил с собой.

«Не смей!» – что есть мочи крикнул он и… проснулся.

– Эй, малец! Ты что? Небось что-то страшное, ленинградское увидел?

Перед ним стояла пожилая женщина в белом засаленном халате, только лицо ее было полнее, чем у только что приснившейся Ижорской, и добрее глаза.

– Хорошо, что ты проснулся. На-ка, поешь манной каши на молоке. Врачиха сказала, что ты ел еще на той стороне Ладоги. Потому тебе и каши малость дают, как котенку.

Она поставила на стул перед ним железную миску с действительно кошачьей порцией каши. «Моя порция пшенки, оставшаяся во сне, которую, наверное, съела „ижорская“ обжора, была значительно больше», – подумал он.

Несмотря на голод, в голове вертелась более важная мысль:

– Теть, а где бараки с нашим детдомом?

– Да недалече, на торфоразработках.

– А как туда добраться?

– Да ты что, идти туда удумал? Выкинь из головы! Врачиха приказала лежать, потому как сотрясение мозга у тебя.

– Да нет. Я к тому, что могут ребята навестить, так чтоб не заблудились. А я что, я лежу и буду лежать, пока не поправлюсь.

– Не заблудятся твои ребята. Сюда никого не пускают. Карантин объявили по дизентерии. Уже который раз.

– А станция где?

– Какая станция?

– Ну та, с которой отправляют эшелоны эвакуированных.

– Да никакой станции нет, тупик тут, вона за окном. – Она отодвинула занавеску. – Батюшки! Кажись, началась посадка ленинградцев. Ах ты господи! Мне ж надо собрать… Да ты ешь быстрее, а то остынет!

Она заторопилась к двери, на ходу объясняя, что ей надо собрать. Но Виктор уже не слушал. Он, как мог, стремительно поднялся, отдернул занавеску и… вместо уличного пейзажа увидел Валерку Спичкина, прижавшегося к стеклу так, что из-за приплюснутого носа сделался похожим на поросенка.

– Витька, открой!

Виктор больше догадался, чем услышал приглушенный стеклами голос друга. Он с трудом поднял шпингалеты оконных рам.

– Мы уезжаем! – затараторил Валерка, едва приоткрылось окно. – Тебя оставляют здесь. Говорят, у вас в лазарете у кого-то понос, значит, всех надо проверить. К тебе не пускают. Я пролез. За уборной есть дырка в проволоке. Ты как? – Валерка пытливо и с надеждой смотрел на Стогова. – Эльза плачет. Ходила к директорше, а та сказала, что сама сожалеет, но не имеет права. Я на всякий случай взял у Гешки портки, футболку. А на башку Эльза дала тебе платок, чтоб бинты не видны были.

Одевание заняло считаные минуты. Виктор кинулся к окну, потом вернулся к стулу и, как когда-то сделала Ижорская, горстями в два приема съел кашу, запил холодным сладким чаем, а кусочек белого хлеба положил за ворот рубашки.

К эшелону Валерка вел Виктора стороной, за кустами, высаженными вдоль насыпи. Остановившись, он посчитал вагоны и уверенно сказал:

– Вот начинаются наши. Мы с тобой в шестом, а Эльза с девчонками – в следующем. Стой здесь. Я посмотрю, нет ли кого, кто может выдать нас.

Он шмыгнул в заросли. Уже через минуту, присев между колесами, радостно заорал:

– Витька, мотай сюда, здесь никого нет!

Виктор пролез под вагонами и огляделся.

Первое, что бросилось в глаза, – это крупно написанное мелом на раздвижной двери:

ДЕТДОМ № 21, ВАГОН 6.

С помощью Валерки и раздетого Гешки Виктор с большим трудом влез в чрево вагона-товарняка. В нос ударил едкий запах человеческого пота, хлорки и столовских помоев. Слева и справа

от входа из досок были сделаны двухэтажные нары, уже застеленные постельным бельем, с лесенками на верхнюю полку. У противоположной двери стояли грубо сколоченный стол с лавками, железный питьевой бак и ведро. Витька подумал, что в телятнике[6] ездить еще не приходилось. В пионерский лагерь возили в пассажирских вагонах.

– А где все? – спросил Виктор.

– Обедают. Сейчас придут, – ответил Гешка. Потом, как будто извиняясь, попросил: – Витька, отдай штаны. Мы с Валеркой смотаемся, сами пошамаем и тебе чего-нибудь принесем.

Виктор остался в одних трусах и Эльзином платке. Он закрыл дверь, залез на вторую полку и забился в угол. Оставшись один, он предался воспоминаниям. С теплотой вспомнилась профессорша Вера Георгиевна, приютившая его после того, как он «оттаял» из состояния «свежезамороженной кильки» – так она говорила о нем врачам в госпитале. Она очень хотела, чтобы он жил у нее. Сейчас стало жалко и стыдно, что тайком удрал на фронт. Все равно из этого ничего не вышло, только хуже обернулось: попал в детдом да еще дошкольный, а потом загремел в эвакуацию. Правда, Вера Георгиевна тоже собиралась отправить его на Урал, к своей матери и сыну.

Воспоминания прервались приближением множества детских голосов. Дверь отодвинулась, и Валерка скомандовал:

– Гешка, залезай, будешь принимать сопл ячков!

Виктор слез с полки, чтобы помочь Геше.

– Ура-а! Витька вернулся! – завизжали «соплячки» его группы.

– Цыц! – гаркнул Валерка. – Если кто-нибудь проговорится воспитательницам о Витьке, выброшу из вагона! Поняли все? Витька будет пока сидеть на верхней полке в углу, и никто не должен знать об этом. Пока не тронется поезд, к нему не подходить!

– А почему-у? – прогнусавил с обидой один из малышей, Саша Балтийский.

– А потому! Много будешь знать – скоро состаришься, – объяснил Валерка, но, чувствуя, что связь между словами «знать» и «состариться» ему и самому не понятна, уточнил: – Витьку могут увести на перевязку. Витька, покажи бинты! – обратился он к Стогову. – А поезд ждать не будет. Теперь ясно?

Когда все дети оказались в вагоне, Валерка развернул газетный пакет.

– На, одевай! – подал он Стогову темно-синие штаны и клетчатую серую рубашку. – Пока Гешка выпрашивал тебе порцию еды, я искал одежду.

– Где искал?

– А там, на пристани, сарай, на дверях которого написано: «Склад потерянных вещей». Там чего только нет, и взять можно было бы что-то получше, но я спешил, схватил первое, что под руку попалось, пока никого не было. Еще три панамы: мне, тебе и Гешке.

– Ребята! – раздался голос воспитательницы Александры Гавриловны. – Принимайте посуду и бачки с ужином. Да помогите мне забраться! Нелли Ивановна приказала, когда тронется поезд, дверь закрыть. Но небольшую щель надо оставить, а то мы задохнемся, да и света будет побольше. Нам теперь будет труднее без Виктора.

В полутемном вагоне она еще не присмотрелась к углам, в одном из которых, на верхней полке, сидел Стогов.

– А может, его отпустят? – робко спросил Геша.

– Нет. Врач сказала, если анализ на дизентерийную палочку не подтвердится, его отправят следующим эшелоном. А вот когда и куда, неизвестно.

Почти одновременно с длинным, протяжным гудком лязгнула сцепка. Вагон подался назад, а потом рывком двинулся вперед. В оставленную щель стала видна ползущая назад земля. Все оживились. Валерка с Гешей подошли к щели в двери, но Александра Гавриловна испуганно крикнула:

– К двери не подходить! Не подавайте плохой пример детям!

– Валерка, ты сказал, пока не тронется поезд, о Витьке говорить нельзя, а сейчас можно? – громко спросил Саша Балтийский, который так и не понял, почему нельзя сказать воспитательнице о том, что с ними едет Стогов.

Александра Гавриловна насторожилась.

– Валера, почему ты детям запретил говорить о Викторе?

Спичкин от неожиданности растерялся. Он перевел взгляд с воспитательницы на наивно смотрящего на него мальчика и не находил объяснения.

– Александра Гавриловна, я здесь! – громко объявил Стогов, выбираясь из своего угла.

Ребята радостно завизжали, воспринимая это как хитро задуманную игру.

Испуганно глядя на Стогова, Александра Гавриловна медленно опустилась на нары.

– Ты… ты как сюда попал? Ты же должен лежать, проверяться. Надо немедленно остановить поезд. Надо доложить Нелли Ивановне! Господи! Я не знаю, что делать!

– А ничего не надо делать. Я с другими не поеду! Башка уже не болит, и поноса у меня нет. А к Нелли Ивановне на остановке пойду сам.

…Поезд начал энергично тормозить, и потому директор развернула схему, полученную в штабе эвакопункта о пути их следования и остановках.

– Это остановка? – спросила Изабелла Юрьевна и, не дождавшись ответа, продолжила: – Это хорошо. Мне бы надо пройтись по группам, то есть по вагонам. Проверить, нет ли у кого-нибудь расстройства желудка и вообще, возможно, уже горшки переполнились.

– А черт ее знает! – ответила директор, выглянув из вагона. – Остановка должна быть на станции Остров, а тут не то что острова – семафора даже не видно. Наверное, так и поедем: расписание само по себе, а поезд сам по себе. У каждого приличного столба – остановка. Давайте-ка я пробегусь. Вам труднее забираться.

Нелли Ивановна спрыгнула на насыпь и чуть не столкнулась со Стоговым.

– Нелли Ивановна, я к вам, – широко улыбаясь, остановился Виктор. – Я хотел…

– Ты как здесь оказался? Удрал?! Тебя там искать будут!

– Ну и пусть! А я с другими не поеду!

– Господи, за что мне такое наказание! Я предчувствовала, что ты выкинешь коленце, хотела предупредить там, да замоталась. Пойдем! – Директор пропустила его вперед, боясь, что он сейчас нырнет под вагон – и пятки не успеешь разглядеть.

– Почему же Александра Гавриловна не доложила мне, что ты объявился?

– Она не знала. Я спрятался на верхних нарах и вылез, когда поезд тронулся.

– Изабелла Юрьевна, выгляните из вагона, я хочу вам подарочек сделать! – громко сказала директор. – Вот, полюбуйтесь!

Врач посмотрела не в лицо Виктору, а на голову.

– Какие грязные бинты! Надо немедленно сделать перевязку.

– И вас не удивляет, как появился здесь этот обладатель грязных бинтов?

– Боже, так это Виктор Стогов! Он же лежит, то есть лежал, в лазарете!

– Вот именно, *лежал*. Ну-ка, счастливое явление из нашего прошлого, забирайся в вагон на перевязку!.. Я ведь чего боялась, – продолжила Нелли Ивановна, обращаясь к врачу, – если его оставят там, в Кобоне, то сбегут и его дружки-приятели, и Эльза с ними. А в сухом остатке будут чистый дошкольный детдом и большая куча неприятностей за нашу с вами педагогическую близорукость.

Очень скоро проявилась принципиальная разница перевозки в товарных вагонах скота и детей. К стойкой духоте, пропитанной мочой животных, прибавился «аромат» от батареи детских горшков, на которых, независимо от обстоятельств, всегда кто-то сидел, не считаясь с работой «столовой», отделенной от «туалета» пространством в полтора-два метра. Запах пищи – завтрака, обеда или ужина – перебивался запахом из маленьких зеленых емкостей с ручками.

Туалетное ведро для перс

онала и старших ребят старались немедленно выплескивать из вагона. Все соглашались с тем, что запах пищи не способен конкурировать с устоявшейся атмосферой вагона и не возбуждает аппетит, и ели лишь потому, что это нужно. Спасти положение

могла только широко открытая дверь, но все понимали, что во время движения это опасно.

– Нелли Ивановна, нам нужны рейки, ножовка, гвозди и молоток. – Стогов показал бумажку с изображением решетки, прибитой к двери. – Когда дверь полузакрыта, решетка дает большой проем, в который малыши не пролезут. Мы с Валеркой обещаем сделать это во всех вагонах. Только вот у нас просьба… – Виктор смутился. – Пусть Александра Гавриловна едет в другом вагоне…

– Чем же она вам не угодила?

– Ну, понимаете… нам неприятно при ней садиться на ведро, а она, когда ей нужно, просит нас отойти к другой стенке. Да вы не беспокойтесь: за малышами мы сами присмотрим. А на завтрак, обед, ужин пусть приходит. В вагоне с мальчишками могут справиться Гешка, Семка и Антон.

Нелли Ивановна сама смутилась оттого, что не предусмотрела такой пикантной подробности. Она думала еще категориями блокады, когда голод уравнивал всех и о стеснительности вопрос не стоял. Вместе с сытостью вернулось и чувство стыда.

С этого момента вагоны поделили на «мужские» и «женские» с правом свободного взаимного посещения по необходимости.

На одной из станций они остановились напротив воинского эшелона. Нелли Ивановна подошла к вагону красноармейцев. О чем она говорила с молодыми парнями, неизвестно. Скорее всего, просто сказала, что это дети из блокадного Ленинграда. Эти слова магически действовали на всех, и люди безотказно шли на помощь. Довольно быстро у военных нашлись топоры, ножовки, доски, и через час Витькина идея о решетке была воплощена в действительность. Конструкция военных оказалась даже совершеннее, чем предложил Стогов, потому что, когда надо было закрыть дверь полностью, доски поднимались вертикально и держались на крючках.

Витька решил солдатскую благосклонность использовать до конца.

– Дядя командир, – обратился он к старшему, который руководил работой, – нам бы топорик и еще что-нибудь из инструмента, чего не жалко, а то доро́гой все может случиться.

– И то правда, Михеев, отдай ребятам инструмент, пару-тройку досок и отсыпь гвоздей! – приказал он тому, кто работал в Витькином вагоне.

Решетка позволяла детям подходить к раскрытой двери и смотреть сквозь широкие щели на проплывающие мимо леса, кустарники, речки, облака, вызывая радость, удивление, смех,

сотни вопросов.

Поезд шел медленно, не по графику, который был у директора, и часто останавливался. Все с нетерпением ждали прибытия в Кострому, а когда поезд остановился на станции, оказалось, что это Вологда. Одно оставалось неизменным – направление на восток.

Вагонная жизнь становилась привычной. Стук колес, из-за которого некоторые сотрудницы страдали бессонницей, уже не раздражал. Наоборот, воспринимался почти как колыбельная песня, означая, что все идет нормально, поезд следует в нужном направлении, к нужной станции. «Нор-маль-но, нор-маль-но», – выстукивали колесные пары.

По уточненному маршруту движения эшелона на одной из станций предполагалась смена постельного белья. Когда поезд остановился, директор выскочила из вагона, готовая бежать организовывать это мероприятие, но, увидев спешащую ей навстречу женщину с красной повязкой на рукаве, остановилась.

– Мне очень нужен ваш директор, – обратилась она к Нелли Ивановне, с трудом переводя дыхание.

– Это я, – с удивлением ответила директор. – Вы по поводу смены белья?

– Нет, это не по моей части. Мне приказано сообщить вам, что ваш эшелон переводится на другой путь, а паровоз ваш забирают для поезда раненых.

– А когда нам дадут паровоз?

– Не знаю. Паровозов свободных нет. Обеспечиваем отправку эшелонов по степени важности. Ваш состав уступает путь санитарному. Но у вас дети. Поэтому, скорее всего, подцепим ваши вагоны к прибывающему через час эшелону. Надо подождать часа два, а может, и больше.

– Что же так долго?

– На железной дороге ничего быстро не делается. Надо расформировать ваш эшелон, «выдернуть» детдомовские вагоны, подцепить к другому эшелону.

Директор собрала небольшое совещание, чтобы распределить обязанности. Мальчишки должны были обеспечить все вагоны водой из паровозозаправочных колонок.

Для замены белья директор взяла с собой почти весь персонал, в том числе и старших ребят. Нагруженные тюками с простынями, пододеяльниками, наволочками, полотенцами, словно караван верблюдов, все шли цепочкой за Нелли Ивановной на вокзал, к пункту обмена. Как оказалось, чистое белье подвезут минут через сорок.

– Пойдемте глянем на рынок, – предложила воспитательница Вероника Петровна. – Ужас как хочется малосольного огурчика. Последнюю кофту отдам за него!

– Да она у вас и так, наверное, последняя, – с усмешкой заметила директор. – Идите, я останусь ждать!

Чем дальше на восток продвигался поезд, тем беднее становился гардероб воспитательниц, менявших на вареную картошку, капусту, соленые огурцы те немногие вещи, которые удалось захватить из Ленинграда. Избалованные пассажирами проходящих поездов, торговки на станциях с недовольными физиономиями крутили, мяли, просматривали на свет каждую вещь, прежде чем объявить ее картофельно-огурцовый эквивалент.

Виктору, Валерке, Эльзе менять было нечего. Они шли между рядами, вдыхая аппетитные запахи квашеной капусты, свежих овощей, отварной картошки, уложенной в кулечки. Никто из них не придал значения возникшему шуму. Почти тотчас мимо них промчались двое мальчишек примерно их возраста, один из которых сунул Витьке в руки большой кусок сала. Прежде чем Стогов успел что-либо понять, громадного роста мужик с искаженным от гнева лицом вцепился в него железной хваткой.

– Стой, ворюга! – взревел он. – Я тя-я враз отучу воровать!

Он широкой, как совковая лопата, ладонью огрел Витьку по затылку. Его примеру последовал другой мужчина, крепко схвативший за ухо Спичкина.

– Вы что делаете! Ненормальный! Ему же больно! – закричала Эльза и укусила того, кто вцепился в Валеркино ухо.

– Ах ты, коза паршивая! – завопил мужик и, отпустив Валерку, пытался схватить за ухо Эльзу. – Это целая шайка! Бейте их, люди!

Но люди, обступившие кольцом эту дикую сцену расправы, не спешили присоединиться.

– Не тронь ее! – закричал Виктор и, изловчившись, с силой швырнул сало в лицо обидчику Эльзы.

Удар пришелся по переносице. Мужик закрыл руками глаза и завопил вперемешку с матерными словами. Видимо, в глаза ему попала соль.

– Держите его! – призывал он людей.

Здоровенный мужик снова схватил Валерку.

Спичкин, как мог, пытался уклониться от ударов, прикрывая голову руками.

– Помогите! – Отчаянный крик Эльзы разнесся над рынком.

Валерка еще держал руки над головой, но удары уже прекратились, и послышались громкие выкрики:

– Бандит! Хулиган! Матерщинник! – Это были знакомые голоса Вероники Петровны и Александры Гавриловны.

Валерка увидел, как две женщины молотят мужика, а тот отмахивается от них, как от разъяренных пчел. При этом Вероника Петровна пыталась ухватить его за волосы.

Что-то произошло с толпой. Видимо, стоявшие рядом люди уловили гневные выкрики двух по-городскому одетых женщин. Возможно, оценили и тот факт, что «ворюги» не убегали, а пытались защищать друг друга. Это было совсем не похоже на поведение настоящих воров.

От толпы отделились двое. Один из них, схватив Валеркиного мучителя за руки, предупредил:

– Эй, дядя, заткнись, пока мы тебе пар не выпустили! Сейчас разберемся.

– Ты что у него украл? – обратился другой к Виктору, осторожно потиравшему больное место на затылке.

– Я ничего не крал, я его даже не видел!

– Да? А шмат сала, которым ты залепил в глаз Гавриле?

– Мне его сунул в руки один из бежавших ребят.

– Врет он! Врет! – завопил тот, который тер воспалившиеся глаза.

– Вы откуда, из ремеслухи?

– Нет, мы эвакуированные из Ленинграда, – выступила Вероника Петровна. – У нас здесь остановка.

– Правду говорит, – заметила женщина из толпы, – на четвертом пути стоит ленинградский поезд. Ах ты, кулак! Жлоб чертов! – Она смачно плюнула в лицо тому, который до сих пор тер глаза. – Нашел, кого бить! Их немец бил, морил голодом, а тут свои – хуже фашистов! Руки чешутся – попросись на фронт! Чего сидишь здесь, гнида?! – Она приблизилась к тому, который бил Валерку и влепила ему полновесную затрещину. – Люди! Что стоите? Бить их надо, негодяев! Отожрали рыла на базаре! Об такие хари немецкие танки расшибутся!

Первыми в «бой» ринулись женщины, видимо, в обиде за то, что их мужья дерутся на фронте, а эти два верзилы воюют с детьми.

Взяв ребят за руки, Вероника Петровна потащила их из толпы, хотя Виктору и Валерке очень хотелось если не поучаствовать, то хоть посмотреть на процесс восстановления справедливости.

Они уже отошли на почтительное расстояние, когда сзади стали раздаваться милицейские свистки.

Встретившей их Нелли Ивановне Вероника Петровна вкратце рассказала о случившемся.

– Как вас угораздило влипнуть в эту историю? Виктор, я уже начинаю жалеть, что не вернула тебя в Кобону. Посмотри на Валеркино отвисшее как у слона ухо! Полюбуйся в зеркало на свою расквашенную физиономию! А ты?! – обратилась директор к Эльзе. – Куда тебя-то понесло? Если бы тебя не было, они могли бы убежать…

– Ну да, чтобы подумали, что мы воры! – перебил Виктор, придерживая мокрую тряпку на затылке.

– Виктор прав. Что вы говорите, Нелли Ивановна! – вмешалась Вероника Петровна. – Они уподобились бы тем ребятам, которые…

– Прав, прав! – перебила ее директор. – А ведь их могли изувечить! Это же изверги, кулачье проклятое! Впредь я запрещаю вам, черти полосатые, делать хоть шаг без разрешения воспитательницы! Как приедем на место, буду настаивать о переводе вас в школьный детдом. Хочу умереть от старости, а не от инфаркта…

Ругая ребят, директор назвала их «черти полосатые», а это означало, по давнему Ленинградскому опыту, что серьезных последствий уже не будет.

…Поезд долго шел по местности, почти лишенной человеческого жилья, – мимо невозделанных полей, дремучих лесов, пустынных перелесков.

Но вдруг началось довольно энергичное торможение. Все прильнули к открытым дверям.

Более красивого места еще не было. Сразу от насыпи железной дороги начиналась широкая полоса густой травы, за которой, через редкий кустарник, просматривалось большое озеро с очень низкими берегами, словно огромное блюдце, наполненное до краев водой. А на противоположном берегу, почти у самой воды, стояла плотная стена лиственного леса. И никаких признаков цивилизации… Чтобы полюбоваться пейзажем, воспитательницы стали выпрыгивать из вагонов, разминая руки и ноги.

– Нелли Ивановна, мы сбегаем к паровозу, узнаем, надолго ли. – Виктор и Валера предупредили желание директора.

– Хорошо, только нигде не задерживайтесь!

Ребята вернулись быстро.

– Машинист сказал, что где-то лопнул тормозной шланг. Когда исправят, дадут длинный гудок. Он добавил, что мы успеем искупаться.

– Как это кстати, – вмешалась Изабелла Юрьевна, – две недели немытые, кошмар!

Ребята побежали к озеру, успев раздеться на ходу, и кинулись

в воду почти все одновременно. Хотя вода была довольно прохладная, это все равно было лучше, чем мытье из вагонного рукомойника. Виктор вынырнул и увидел, что Эльза стоит в платье по щиколотку в воде.

– Ты чего? Вода мировецкая, давай! – Он кинулся к ней, пытаясь схватить за руку.

– Нет, Витька, я не могу: у меня нет купальника.

Виктор смутился, вспомнив, что в последние перед войной каникулы в пионерском лагере Эльза купалась уже в купальнике.

– Надень мою рубашку, вон за кустом переоденься. Не упускать же такой случай!

Все барахтались в воде, забыв о времени. Поэтому многие не обратили внимания на то, что паровоз прогудел уже не один раз.

– Быстро все по вагонам! – тревожно закричала Нелли Ивановна. – Изабелла Юрьевна, бросьте свое переодевание, бегите!

Поезд тронулся, и ребята на ходу подсаживали своих воспитательниц. Веронику Петровну заталкивали уже на бегу в последний детдомовский вагон. В следующих, недетдомовских, двери были либо уже закрыты полностью, либо настолько, что посадочная скоба приходилась на голую стенку двери и схватиться руками было не за что.

Виктор заволновался, потому что поезд набирал скорость. За последним вагоном катилась открытая платформа с ящиками, которую прицепили на предыдущей станции.

– Валерка, прыгаем! – скомандовал Стогов и схватился за задний борт платформы.

Это напомнило ему любимое в Ленинграде занятие – запрыгивать на подножку или на сцепку последнего вагона трамвая. У них даже во дворе между ребятами проводились

соревнования: кто на большей скорости спрыгнет или заскочит в трамвай.

Оказавшись на полу платформы, он помог Валерке перевалиться через борт.

– Гляди! – Валерка показал на бегущих к насыпи и отчаянно машущих руками людей из других вагонов. – Невезуха… теперь им придется пешком чапать до ближайшей станции.

– А мы что будем делать? Ехать на платформе до ближайшей остановки? А где она?

– Витька, Нелли Ивановна, наверное, с ума сходит, – сочувственно заметил Валерка. – Давай побежим по крышам. Только как узнать наши вагоны, ну хотя бы примерно?

Виктор подошел к краю платформы. Проем между вагоном и платформой показался великоватым. А внизу лязгала сцепка и до жути быстро мелькали шпалы. Он почувствовал страх, но показать другу, что испугался, не мог.

– Давай попробуем! – неуверенно предложил он.

Стогов осторожно стал на сцепку, держась за борт, потом, развернувшись, схватился за железную лестницу на стенке последнего вагона, забрался на крышу и, свесив голову, прокричал:

– Валяй сюда, нестрашно!

Валерка заполз на крышу и так и остался лежать на животе.

– Давай отдохнем малость, – предложил он.

Но Витьку что-то подстегивало. Он и себе не смел признаться, что рискует ради того, чтобы покричать с крыши в слуховое окно вагона, в котором едет Эльза. Подошел к краю. Опять пугали расстояние между вагонами и высота до мелькающей внизу земли. С крыши поезд казался гигантской извивающейся ящерицей.

То же самое испытывал и Валерка.

– Может, не стоит, а? – предложил он.

– А чего бояться? По крышам сараев прыгали, а там расстояния были больше.

– Да, так то ж сараи.

Витька отошел на пять шагов, разбежался, и… Приземлился он на много дальше, чем нужно.

– Порядок! – радостно крикнул он. – Валерка, давай, я подстрахую!

Страшно прыгать было только на первый вагон, потом они прыгали с вагона на вагон, не задерживаясь.

Стогов остановился, попытался подсчитать оставшиеся впереди вагоны.

– Кажется, здесь. Сейчас выясним.

Он лег поперек вагона, подполз к краю, свесил голову и крикнул:

– Нелли Ивановна!

– Виктор, это ты? – раздался голос Изабеллы Юрьевны. – Как тебя туда занесло? – задала она нелепый вопрос, как будто забыла, что всего десять – пятнадцать минут назад с его помощью карабкалась в теплушку, причитая: «Ох, миленькие, помогите! Ой, страшно!» – Нелли Ивановна в вагоне впереди нас! Но ты ляг на крышу и не шевелись, пока не остановится поезд.

Стогов уже не слушал. Он вскочил и побежал на крышу следующего вагона.

– Нелли Ивановна!

Через несколько секунд в слуховом окошке показалась запрокинутая голова директора. Над собой она увидела склонившуюся голову Стогова.

– Ты с ума сошел! Сейчас же отползи на середину крыши!..

– Не беспокойтесь! – перебил ее Виктор. – Я держусь крепко. Со мной Валерка, мы помогли сесть всем нашим! А некоторые, не наши, там остались…

– Ладно, ладно! Но ты, ради бога, отползи от края!

– Витька! – раздался голос Эльзы из соседнего окна.

Он повернул голову и увидел ее машущую руку.

Подходил к концу месяц колесной жизни. Остались позади Киров, Пермь, Свердловск, Тюмень, Омск – предполагавшиеся места окончательного пристанища. Бегая на станциях в эвакопункты каждого из этих городов, Нелли Ивановна возвращалась оттуда с унылым видом.

– Не принимают. Говорят, что норма приема эвакуированных перевыполнена. Полстраны проехали, а все никак не приткнемся…

– Неужели для одного детдома места не найдется? – не то упрекая, не то удивляясь, заметила Вероника Петровна. – Может, вы не очень настойчиво просите, а?

– Вот вы в следующем городе сходите и попросите более настойчиво, Вероника Петровна. – Нелли Ивановна с нескрываемой обидой глянула на старшую воспитательницу. – Кулаком постучите по столу, пригрозите чем-нибудь, может, нас и приютят.

…Судя по зареву огней, поезд приближался к крупному городу. Отвыкшие за время блокады от обилия света, зачарованные этим зрелищем, взрослые и дети прильнули к решетке открытой двери. Поезд втягивался в паутину рельсов все дальше и дальше от перрона. Но им все-таки удалось разглядеть

на высоком здании вокзала крупные синие светящиеся буквы: НОВОСИБИРСК.

– Ну что ж, Вероника Петровна, как говорится, с Богом! – обратилась к ней директор. – Может быть, у меня уже на лице печать неудачницы, располагающая к отказу, а вам повезет. Вот наши документы.

Старая воспитательница растерялась, полагая, что директор тогда погорячилась, но Нелли Ивановна протянула ей знакомую клеенчатую папку. Возражать она не стала и, заметно волнуясь, начала собираться.

Весь путь до вокзала Вероника Петровна сочиняла свой монолог, выстраивала цепочку убеждающих фактов, начиная с блокадной зимы, ужасов ладожской бомбежки и заканчивая муками месячного томления в теплушках «на просторах Родины чудесной». В конце концов твердо решила, что ляжет под дверью и не поднимется, пока не устроят детдом.

Но все это оказалось ненужным. Вернувшись в вагон, она рассказала, как обходительно ее приняли, заверив, что сейчас же начнут собирать транспорт для перевозки детдома в город.

– Мне даже стыдно, что я начала свое выступление перед этими внимательными, чуткими людьми с обвинения, – закончила она. – Давайте собираться!

Но к вечеру их отыскал представитель горисполкома и вручил предписание следовать дальше, до Томска, заверив, что там все приготовлено для размещения детдома.

Истерика Вероники Петровны была пугающая. Громкие рыдания сменялись тихими всхлипываниями, и все это сопровождалось многократными повторениями:

– Какая непорядочность! Какой обман меня, старого человека! – Ее интеллигентность не допускала произнести более точное определение поступка местных властей – «подлость».

Больше всех переживала о случившемся Нелли Ивановна, говоря окружающим:

– Я искренне надеялась на ее везение, профессиональный опыт, такт…

Однако среди сотрудниц детдома крепло убеждение, что чем дальше от Ленинграда, тем меньше интеллигентности, порядочности, такта у местных руководителей. В Томске прямо и категорично заявили:

– В городе не оставим: от своих лихо. Вагоны вашего детского дома подцепят к составу, идущему в районный центр Асино. Это на север, недалеко, но зато там тайга настоящая! – Как бы желая подсластить свое сообщение, городской представитель добавил: – А река Чулым! Это же голубой сапфир Сибири. Ее не сравнишь с

Невой…

– Вы вот что, не трогайте Неву. Поищите для сравнения какую-нибудь лужицу, – ответила Вероника Петровна. – Нас уже не удивит, если в следующем пункте обмана предложат Игарку или льдину Папанина.

– Извините! – спохватился представитель города. – Еще должен вам сказать, что поезда в Асино идут через день, поэтому потерпите до завтра.

Весь персонал, начиная с директора и включая старших ребят, молча и обреченно выслушали этот приговор.

…Наступил тихий теплый вечер. Ночное сибирское небо светилось крупными незнакомыми звездами. Взрослые слегка расслабились. Никуда не надо бежать, спешить забираться в телятник, пересчитывать детей. Из вагонов вытащили продуктовые ящики, поставили их полукругом, а в середине, на перевернутый ночной горшок, водрузили керосиновую лампу.

Вскоре к одному из вагонов подошла женщина и спросила, не из Ленинграда ли они? Узнав, что дошкольный детский дом из Ленинграда, она как будто бы огорчилась, но тем не менее попросила:

– Расскажите, как там сейчас? Говорят, прибавили хлеба, других продуктов. В бараке, где я живу, нет радио, а газета «Томские новости» выходит раз в неделю, да в ней всё о Томске пишут, на Ленинград, видно, не остается места. Вот и прихожу к каждому поезду, чтобы что-нибудь узнать о родном городе.

– А вы сами из Ленинграда? – спросила Александра Гавриловна.

– Да, милая. Привезли сюда совсем одну: ни родных, ни знакомых.

Кто-то из женщин спросил ее адрес.

– Да с Воронежской я, при школе жила и работала там. Может, слышали, девяносто девятая образцовая, известная на весь Московский район…

Услышав это, подключилась и Нелли Ивановна:

– Так мы тоже оттуда, детский дом на базе школы был создан, знаете об этом?

– Нешто не знаю! Я работала в нем…

– Да кто вы? Вроде мы всех своих забрали.

– Стогова я, техничкой работала…

Нелли Ивановна поспешно встала, подошла близко к женщине.

– Алексеевна?! Не может быть! Нам же официально сообщили, что вы, то есть вас… словом, дружинницы передали ваш паспорт…

– Да, возле колонки с водой я и еще одна женщина из очереди потеряли сознание. В дворницкой нас хотели отогреть, привести в чувство, сняли пальто. Меня откачали, накрыли, перепутав ее пальто с моим, и отвезли в железнодорожную больницу, что на Расстанной, – знаете небось, – а ее, царствие ей небесное, погрузили на полуторку и отвезли, значит, на Волковку[7]. Пальто-то мое ей уже не нужно было, его и оставили в дворницкой. В нем и нашли мой паспорт. Пока лежала в больнице, за ради Христа упросила няню сходить ко мне домой. Дети у меня там остались. Оказалось, их всех эвакуировали. Что мне делать? Четверо на фронте, трое не знаю где. Согласилась и я на эвакуацию. Может, Господь даст, найду их.

– Алексеевна, дорогая, да вы уже нашли! Сядьте и ждите!

Нелли Ивановна настойчиво посадила ее на свое место и быстро скрылась в темноте.

– Виктор, ну-ка, вылези ко мне! – крикнула директор в чрево вагона.

– А его нет! – ответил детский голос. – Они с Валеркой удрали!

– Как – удрали?! Куда?! – Мысли, одна тревожнее другой, будоражили сознание Нелли Ивановны: «Куда же запропастились эти паршивцы? Витю же мать ждет! Надо срочно найти! Может, Эльза знает?»

Директор помчалась вперед. Не добегая до своего вагона, где должна находиться Эльза, она услышала девчоночий смех вперемежку с мальчишескими голосами.

В раскрытую дверь видно было, что вся компания старших детей сидит вокруг «летучей мыши»[8], а Валерка стоит на ящике в белом халате и колпаке, передразнивая Изабеллу Юрьевну:

– Ну-ка, дружок, раздвинь ягодицы, нет ли у тебя ущемления прямой кишочки?

– Виктор, быстро спустись! – Нелли Ивановна устало прислонилась к вагону. – Пойдем со мной!

– А мы? – спросила Эльза.

– Вы? Немного позже.

Витя послушно выпрыгнул из теплушки.

Она крепко сжала его локоть.

– Ты можешь вести себя по-мужски, ну, скажем так, стать примером выдержки для других?

– Нелли Ивановна, я ничего не понимаю, что-нибудь случилось?

– Да, да, я сама волнуюсь, говорю что-то не то. Словом, мама твоя жива.

– Как – жива? Я в дворницкой держал ее пальто, в кармане

нашел паспорт и бумажку с адресом, написанную мной. И дворничиха сказала, что сама помогала дружинницам погрузить ее, мертвую, на полуторку.

– Виктор, все не так, и мама твоя жива, сидит здесь и ждет тебя! – замотала головой директор.

…Они подходили к сидящим. Нелли Ивановна почувствовала, как Виктор стал замедлять шаг, все сильнее сжимая ее руку, пока не остановился в двух метрах от женщины.

Директор подтолкнула Виктора вперед, к матери.

– Ну вот, Алексеевна, принимайте сыночка, здорового и невредимого, – нарочито весело объявила она.

Немая сцена узнавания длилась какие-то секунды.

– Ма-а!

Виктор кинулся к матери и, уткнувшись ей в грудь, зарыдал.

Плакали все окружающие, не сдерживая слёз и всхлипываний. Плакали и подбежавшие ребята, не ставшие ждать директорского «немного позже».

Далеко за полночь с разрешения Нелли Ивановны Виктор пошел к матери домой.

…Рано утром мать с сыном подошли к вагонам.

– Подождем, – тихо сказала мать, – пусть поспят. Из-за меня поздно легли.

Дверь первого вагона стала медленно отодвигаться, и в проеме показалась директор.

– Я давно не сплю: от забот трещит голова. Ты как, Алексеевна, с нами поедешь или заберешь Виктора?

– Куда ж я денусь от вас, вы же теперь для меня самые родные!

Станция Асино оказалась железнодорожным тупиком. Это значило, что перецеплять вагоны, переформировывать поезд просто бессмысленно. Кончилась вагонная эпопея, вымотавшая взрослых и детей. Только сейчас по-настоящему пришло осознание необъятности матушки России, месяц мелькавшей в проеме двери под стук вагонных колес. А нынешнее состояние радовало возможностью ходить, бегать, сидеть, лежать, не ощущая вздрагивания на стыках рельсов.

Маленький маневренный паровозик «Овечка» подтолкнул четыре вагона ленинградского детдома номер 21 до тупика, где рельсы «загибались в небо». И тотчас к прибывшим подошла женщина средних лет.

– Могу я увидеть директора детского дома? – спросила она у Нелли Ивановны.

Опыт, полученный директором во время многочисленных встреч с чиновниками разного пола и возраста, заставил ее

насторожиться. Поэтому она сухо ответила:

– Я и есть директор, Лялина Нелли Ивановна.

– Председатель исполкома Асиновского района Овчинникова Галина Андреевна. – Слегка улыбнувшись, женщина подала руку: – Будем знакомы!

Они не спешили отпускать руки, словно пытаясь через рукопожатие изучить друг друга и предугадать, как будут складываться их отношения: сугубо формально или на основе симпатии и взаимопонимания.

– Представляю, как вы устали от дороги. Мне это понятно: я сюда приехала из Одессы, – сказала Галина Андреевна.

– Ну тогда нам легче будет понимать друг друга, – тоже улыбнувшись, заметила Нелли Ивановна. – С чего начнем? Где наша обитель?

– Вы знаете, Томский облоно[9] дал распоряжение объединить вас с Воронопашенским детдомом. Там живут местные беспризорные дети, в возрасте от трех до шестнадцати лет. Старшие ребята настоящие воры, хулиганы. Они сбиваются в шайки, терроризируют местное население, дерутся между собой и с местными ребятами. Воспитатели их боятся, да они их и в грош не ставят. Страшно подумать, что будет с вами. Скорее всего, они даже не знают, что такое блокада Ленинграда. Я сама приняла решение разместить вас в школе в деревне Ягодное, что в сорока километрах отсюда, ближе деревни нет. Конечно, хорошо бы оставить вас здесь, все-таки районный центр. Но вчера у нас отобрали еще одно здание школы под артиллерийские курсы. Потом, у вас маленькие дети, им лучше, здоровее в деревне, чем здесь. Посмотрите, все здесь загажено паровозной гарью. Детей даже некуда будет вывести на прогулку. Сегодня все переберетесь в райисполком, переночуете, а утром придет обоз в пятнадцать телег. Я распорядилась, чтобы вас в Ягодном встретил председатель колхоза и помог устроиться.

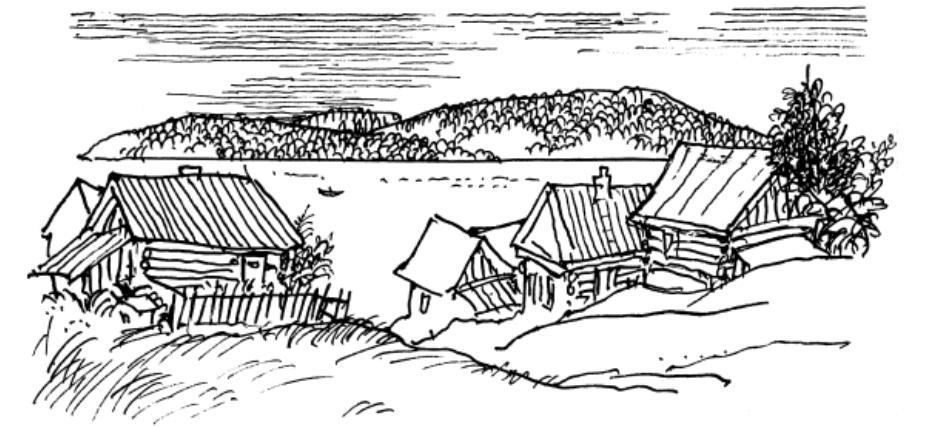
Маленькие дети на все происходящее смотрели с удивлением. Большинство из них лошадку видели только на картинке, а тут вон их сколько, и все они что-то жуют, машут хвостами, фыркают! И пахнут как-то незнакомо, по-особому. А когда обоз тронулся, малыши завизжали так, словно их посадили на карусели в ленинградском ЦПКиО имени С. М. Кирова.

Вскоре повозки втянулись в чащу леса, и взрослые и дети с трепетом рассматривали огромные стволы кедров, пихт, лиственниц, елей. Это была настоящая сибирская тайга, о которой они читали, не осознавая на самом деле ее размеров и величия. Глядя на хвойные деревья и их кроны, уходящие высоко

вверх, ленинградцы ощущали себя лилипутами, затерявшимися у подножия этих гигантов.

Весь путь сопровождался дурманящим запахом кедровой смолы.

Глава 2
Освоение нового мира



Несмотря на солидные размеры одноэтажной бревенчатой школы, всех детей разместить в ней не удалось. Директор с надеждой смотрела на председателя колхоза. Тот задумчиво молчал. Потом, махнув рукой, скомандовал:

– А, заселяй соседний дом! Это изба печника-скитальца, которого видели здесь еще до начала войны. Может, помер – ему лет, поди, за девяносто, – а может, волки съели где-нибудь на таежной тропе, при переходе из одной деревни в другую.

Дом заселили старшие ребята. Им это очень понравилось: подальше от начальства, слабее контроль, да мало ли что – поспорили, подрались. Зачем вмешиваться воспитателям, когда самим можно разобраться.

Но директор была другого мнения.

– Нехорошо, Савелий Никитич, – сетовала она, – далеко ото всех, трудно следить за порядком.

– Какой тебе еще порядок? – удивился тот. – Ты что, лоботрясов из них хочешь сделать? У них должен быть один порядок: поднялись с первыми петухами – и за работу. Делов-то у вас невпроворот. На днях дам лошадей, коров и прочую живность. Сена нужно тьма…

– Зачем нам тьма? – перебила директор. – Подушки и матрасы уже набили соломой…

– Так чем же ты скотину кормить-то будешь? – удивился председатель. – Макаронами, что ли?

– Право, я не знаю… – растерялась Нелли Ивановна. – Я,

честно сказать, лошадь-то и близко не видела.

– Ох, нахлебаешься ты горя, Ивановна!.. Неужели у тебя все такие? И прислать тебе в подмогу некого. Нет мужиков-то: все на фронте. Я один, и то – во, видишь. – Он показал левую короткую высохшую руку. – Потому меня Косоруким кличут. Да и баб здоровых не шибко много. Свалилась ты на мою голову!

На следующий день директор собрала весь персонал.

– Кто из вас знаком с сельским хозяйством?

В наступившем всеобщем молчании Витькина мать, Александра Алексеевна, постеснялась признаться, хотя уж она-то хлебнула сельского труда вволю.

– А зачем это нужно? Мы же приехали сюда не сельским хозяйством заниматься, а воспитывать детей, – уточнила воспитательница старшей группы Александра Гавриловна.

– Да, ты права, но здесь только воспитывать детей – недостаточно. Нам надо научиться выращивать овощи, косить траву для скота, заготавливать дрова, доить коров, ухаживать за животными…

Девушка прыснула от смеха:

– Как это – ухаживать? Это за возлюбленными ухаживают.

– Эх ты, «возлюбленная»!.. Может, думаешь, что хлеб растет буханками?

– Может, – призналась молодая воспитательница, – я не знаю, не видела.

– Вот то-то же. Он растет колосом, но какой из них пшеничный, а какой ржаной или овсяный, я тоже не знаю. А узнать придется. Для этого надо выбросить из головы свою городскую спесь. Председатель мне сказал, что вся надежда у нас на своих старших ребят, их сверстники в колхозе составляют мужской костяк. Мы тоже сделаем из них сельхозбригаду, а ты, Александра Гавриловна, будешь у них и воспитателем, и бригадиром. – Но, увидев, что воспитательница наклонила голову и заплакала, Нелли Ивановна добавила: – Это пока, а потом переведем тебя в группу дошколят.

Утром, во время завтрака, кто-то выглянул во двор и громко крикнул:

– Лошадей привели!

Все, дети и взрослые, бросив еду, ринулись во двор.

Выпрыгивая из-за стола, Виктор мгновенно представил себя в образе Чапаева на красавце скакуне.

Привели не только лошадей, но еще и пять коров, десять овец, двух свиней, которые разбрелись по невытоптанной траве большого школьного двора.

Животных с опаской и любопытством рассматривали и дети, и воспитательницы.

– Это нам? – спросила одна из них сидящего на лошади мальчика лет двенадцати, пригнавшего стадо.

– Ага! Батя, то есть председатель, прислал, – ответил тот. Он лихо перебросил через холку лошади босую, грязную, покрытую цыпками ногу, спрыгнул и добавил: – Батя завтра еще дормез вам притащит.

– А они смирные? – спросила Вероника Петровна.

– Как это – смирные? – удивленно переспросил мальчик.

– Ну, они не кусаются? – уточнила воспитательница.

– Чего они, собаки, что ли?

И, демонстрируя полную лошадиную безобидность, отогнул ее верхнюю губу и показал большие зубы с серым налетом, как у курильщика.

Подойдя к лошадям, Виктор с разочарованием увидел, что животные, стоявшие перед крыльцом, мало похожи на коней, скачущих под кавалеристами чапаевской дивизии. Ту, что за повод держал деревенский мальчик, стояла широко расставив ноги, напоминая школьного коня для прыжков в спортивном зале. Темно-коричневая шерсть клочьями висела на худых ребрах, брюхо и левый бок были покрыты коркой высохшего навоза. Глаза, облепленные синими мухами, выражали глубокую лошадиную тоску.

– Цыганка. – Мальчик похлопал по острой разбитой холке лошади. – А это Осел, – указал он на вторую лошадь, понуро стоявшую с низко опущенной большой головой.

– В самом деле осел? – удивился Виктор.

– Да не-е, кличка у него такая.

– Жеребец, что ли? – уточнила Нелли Ивановна.

– Не-е, он облегченный[10].

Нелли Ивановна согласно кивнула, боясь показаться невеждой.

Своей таинственной «облегченностью» Осел привлек всеобщее внимание. Несмотря на пятна прилипшей грязи, в нем четко просматривалась вороная масть. Он был выше Цыганки и потому казался еще более тощим. Круп, как и у Цыганки, венчала большая ссадина, облепленная синими мухами.

– Что это у него? – показал Валерка на болячку.

– Это сороки раздолбали. Они чуют, когда скотина больная и не может хвостом отбиваться от них. Когда поправится, он не даст сорокам садиться на холку.

– Тебя как звать? – спросил Виктор.

– Пашка, а что?

– А меня Витька. Может, я сяду, а? – Он показал на Осла.

– Не, он упадет.

– Как это – упадет? – удивился Стогов.

– Ты чо-о, не видишь? Он еле стоит. На Цыганку можно: она покрепче.

– Так я сяду? – не унимался Стогов.

– А мне чо-о, садись – лошади ваши. Чо-о хошь, то и делай.

– А как? С крыльца или, может, принести табуретку?

– Зачем? Прыгай пузом на хребтину, а потом развернешься. Во, смотри!

Пашка мигом оказался на лошади и, снова перекинув ногу, съехал по ребрам Цыганки на землю.

– Давай я тебе подмогну, – предложил мальчик. – Берись за холку, согни коленку. Оп-па! – Он подтолкнул Виктора.

Когда Стогов оказался верхом, в его сознании тотчас всплыл образ любимого Чапаева и он с трудом сдержался, чтобы не крикнуть: «За мной! В атаку!»

Но тут на крыльце появилась директор:

– Виктор! Боже мой! Осторожно! Лошадь может сбросить, встать на дыбы!

Пашка откровенно засмеялся:

– Теть, какие дыбы! Ты видишь, она еле стоит.

– Почему они такие худые? – сокрушенно спросила Нелли Ивановна. – Зачем они нам?

– Они из Воронопашенского детдома, сегодня привели их. Запустили скотину, лиходеи! Вона, чесотка всю шкуру съела. Председатель сказал, что завтра придет и обкурит их серой. Щас все лошади чесоточные. Откóрмите – все пройдет. Однако мне пора: батя ждет.

– Что делать-то с ними? – переспросила директор.

– Отведите их к реке. Пущай пасутся. Все одно запрягать их нельзя.

– А если они убегут?

– Куда убегут? Они стоят-то в раскорячку. Даже путы[11] им надевать не надо.

– А остальную живность куда девать? – Директор жестом показала на стадо, мирно пасущееся во дворе.

– Да можно и в хлев загнать. – Мальчик показал на большой сарай, приткнувшийся к изгороди в углу двора. – Вона какой хлев

остался от сторожа школы. Погиб он, похоронку весной прислали.

– Сделай милость, Павлик, отведи лошадей сам да загони остальных животных в хлев. Сейчас дети должны выйти гулять.

Пашке нравилось ласковое обращение, тем более что Павликом его сроду никто не называл. И положение человека, которого просят о помощи эти такие культурные, но такие беспомощные взрослые люди, льстило его самолюбию. Уходить ему расхотелось, и он с готовностью принялся выполнять просьбу директора.

Повернувшись к лошади, он огрел ее хлыстом и гаркнул:

– Ну, пошла, дохлая!

– Какая жестокость! – тихо заметила Вероника Петровна.

Директор повернулась к ней и твердо сказала:

– Идите к своим детям, Вероника Петровна, вам перевоспитывать его не придется. Скажите тете Поле, пусть покормит обедом и нашего гостя.

Потом обратилась к мальчику:

– Ты сказал, «батя», то есть председатель, привезет дормез. Поясни, пожалуйста, что такое дормез? Я знаю, у французов – это большая карета для дорожных путешествий. Зачем нам карета?

– Не, это не карета. Это длинная телега, на ней можно слеги возить.

– А что такое слеги?

– Ну, жерди, что ли, для изгороди или там еще для чего. А вы, теть, директорша, значит, Ивановна?

– Да, директор, только почему Ивановна? У меня имя есть, Нелли Ивановна.

– Батя дома говорил, что вы баба толковая, а имя у вас собачье. У нас собака была по кличке Неля. Ее в прошлую зиму волки выманили на огороды и задрали. Тоже умная была, а вот, поди ж ты, попалась.

Мальчик говорил серьезно, с сожалением, не обратив внимания на улыбку директора.

На крыльце показалась Изабелла Юрьевна с тарелкой, на которой стоял стакан киселя и лежала горстка самодельного печенья, которое испекли детям на третье.

– Это тебе, малыш, – протянула она Пашке тарелку. – Может, помоешь руки?

– Не, – ответил мальчик, мотнув головой, и взялся за угощение.

Изабелла Юрьевна, опережая вопросы директора, взяла ее за локоть и отвела в сторону.

– Это я запретила приводить мальчика на кухню. Что вы, ей-богу, бдительность потеряли? А если у него глисты,

дизентерийная палочка или еще что. Гляньте-ка на его руки!

Но директор смотрела в сторону лошадей. Там Эльза пыталась напоить Осла киселем из глиняной тарелки.

– Не, он это есть не будет, – заметил Пашка и выждал, когда девочка убедилась в этом сама, поднеся кисель к губам Осла.

– А это будет? – спросила Эльза, достав из кармана печенинку.

– Может, будет, а может, нет.

Мальчик взял печенье, разломил пополам и поднес половинку к губам лошади.

Осел осторожно снял угощение с ладони и, подвигав челюстями, вывалил кусочки печенья изо рта.

– Я же говорил, – сказал Пашка. – Оно на масле. Кабы не на масле, может, и съел бы.

С этими словами он выпил из тарелки кисель и закусил оставшейся половинкой печенья.

– Что я вам говорила? – зашептала врач, сжимая локоть Нелли Ивановны. – При таком опрощении не только лямблии или аскариды – солитёры заведутся у детей.

На другой день председатель приехал рано утром. Под самыми окнами директорского кабинета-спальни он громко стал останавливать лошадь: «Тп-рр-уу!»

Нелли Ивановна проснулась и поспешила во двор.

– Э-э, Ивановна, а ты говорила, у тебя нет людей, понимающих в сельском хозяйстве. Погляди-ка! – Он хлыстом показал на лужайку за оградой двора.

Там, широко замахиваясь, косила траву женщина, с каждым шагом все дальше уходя к реке. Косила уже давно, потому что ровные рядки скошенной травы красивым широким ковром устилали луг.

– У нас не каждый мужик мог так чисто скашивать ряды. Кто она?

– Александра Алексеевна, – тихо с восхищением произнесла директор. – Ишь ты! Кто бы мог подумать!

Они подошли, когда Витькина мать докосила ряд и стала протирать травой лезвие косы.

– Александра Алексеевна, вот председатель восхищается вашим умением косить. А вы, значит, решили вспомнить молодость?

– Да нет, не об этом я думала. Скотина со вчерашнего дня в загоне. Там же нет ни травинки. Вот и решила накосить, а собрать и перенести могут ребята. Это им не в тягость. Пастух нам нужен, вот что! Лужайку скоро скошу, скотину надо будет выгонять дальше, где хорошая трава.

Они втроем подошли к хлеву, откуда все беспокойнее и дружнее раздавалось мычание коров, блеяние овец и хрюканье свиней.

– Голодные буренушки наши, – ласково заметила Нелли Ивановна.

– Не столько голодные, сколько недоеные. Их ведь вчера не доили? – обратилась Алексеевна к председателю.

– Нет, конечно. Сейчас исправим.

Он направился к изгороди соседней усадьбы.

– Матвеевна! А ну, кликни Козлиху, и идите сюда с ведрами для дойки!

Едва женщины показались в калитке, он накинулся на ту, что звалась Матвеевной:

– Что ж ты, язва сибирская, слышишь, как мается недоеная скотина, и не предложишь помощь?! Иль у тебя нет совсем совести?

– Слышала, да боялась. Беспризорные ведь, от них что хошь ожидать можно. Анфиса моя в Воронопашенском детдоме работала, говорит, как в волчьей стае побыла, прости господи!

– Э-э, сама ты беспризорная! У нас же дети из Ленинграда! – почти с гордостью заметил он.

Они говорили громко, не стесняясь в выражениях. Несмотря на нелестные слова о детдомовских детях, Нелли Ивановна не обиделась. Это был разговор по-сибирски прямой, честный. Матвеевна и председатель говорили открыто вслух о том, что думали, и это пришлось ей по душе: работать с такими людьми будет легко.

Несмотря на уговоры Нелли Ивановны, пастухом становиться никто из ребят не хотел. Доводы, что в нашей стране любой труд в почете, не действовали. А все потому, что кроме лошадей, коров и овец в стаде были и свиньи, пасти которых ребятам казалось чем-то недостойным и постыдным. Слово «свинопас» было почему-то для них почти ругательным.

Но хитрая Нелли Ивановна очень быстро нашла выход из положения, обращаясь к Стогову:

– Виктор, покажи пример! Со временем тебе придется стать моим помощником по хозчасти и заниматься всеми вопросами.

От такой перспективы, высказанной директором при всех, у Стогова «в зобу дыханье сперло». Неформально он и так верховодил старшими ребятами, которые нередко его приказы встречали в штыки и даже угрожали побить за привычку командовать.

В первый день пасти стадо с Виктором согласился и Валерка. Поэтому повариха с вечера приготовила сумку для еды на двоих.

Пашка дал длинный, искусно сделанный бич с кисточкой на конце, из-за чего удар получался громкий, как выстрел, и весьма болезненный.

Но рано утром, когда повариха пыталась их разбудить, Валерка валился на бок, не открывая глаз.

– А ну его! – остановил Виктор повариху. – Пусть дрыхнет.

Возле хлева его встретила мать, уже подоившая коров.

– Далеко не отходи, чтобы к полудню вернуться на дойку. Ну, с Богом!

Она перекрестила сына.

Виктор отворил засов хлева. Из образовавшейся щели ударил густой, удушливый запах скотины.

– Ну, пошли! – скомандовал он, легонько постукивая рукояткой хлыста по спинам коров.

Деревня спала. Это было то время, когда просыпаются самые ранние петухи. Их голоса одиноко раздавались на далеком расстоянии друг от друга. Сверкающие капли нетронутой росы переливались в утреннем свете первых лучей солнца. Виктор с сожалением смотрел, как коровьи копыта крушили этот драгоценный «ковер».

От матери он слышал, что утренняя роса целебна, поэтому разулся и босиком пошел по траве, наслаждаясь прохладой и свежестью. У околицы сдвинул ветхие жерди, перекрывавшие дорогу, и погнал стадо направо, в низину, к реке, где трава была гуще и сочнее.

От противоположного берега наплывала и одновременно поднималась тонкая пелена тумана, отчего казалось, что животные что-то ищут в молочном озере. Виктор залюбовался зрелищем, которого раньше никогда не видел. В полной тишине слышались только хруст обрываемой коровами травы да редкое чихание овец.

Виктор выбрал местечко посуше и, бросив ватник, лег, положив руки под голову. Ему стало нравиться пасти скот.

По мере того как поднималось солнце, туман стал рассеиваться. «Заговорил» на противоположном берегу лес. Пернатые «обменивались» новостями. Неизвестно откуда в небе появились облачка. С пионерских времен Виктор любил наблюдать за ними, всегда находя в очертаниях облаков сходство с животными, птицами, людьми. Вот два облака, похожие на лица, слились, словно в поцелуе, потом медленно стали отдаляться друг от друга. Одно из них постепенно стало видоизменяться, превращаясь в ворону, севшую на кучу мусора, другое превратилось в медвежонка, который погнался за

зверьком, похожим на барсука.

Чем выше поднималось солнце, тем становилось жарче. Чаще начали мотаться коровьи хвосты, отгоняя злющих, оголодавших за ночь слепней, оводов и прочую летающую, кусающую тварь. От этой напасти оказался незащищен и Виктор: крупные кровососы добирались до тела даже через грубую ткань штанов. Количество их росло с неимоверной скоростью.

Доведенные до отчаяния коровы, ища спасения от жужжащих кровопийц, дружно ринулись в кусты, увлекая за собой всю остальную живность. Ни угрожающие крики, ни удары бича не помогали собрать стадо. Чуть не плача, выбиваясь из сил, Виктор гонялся то за одной, то за другой коровой, которые теперь шарахались от него, как от назойливого гнуса. Так продолжалось до самого вечера.

Домой Виктор пригнал стадо измученный, опухший, исцарапанный.

– Хватит, – твердо заявил он директору, – пусть другие побегают. Лучше я без молока останусь.

Увидев исцарапанное, искусанное лицо Витьки, председатель сжалился и сказал Нелли Ивановне, что, пока не начался учебный год, пасти скотину будет Пашка, который знает, чем надо мазаться, чтобы отпугивать кровососов. Обрадованная директор пообещала платить Пашке деньгами.

– На кой ему деньги? Их здесь тратить негде. Пусть лучше с твоими ребятами вожжается, умнее будет.

Пашка стал своим парнем. Иногда, заболтавшись с ребятами, он не шел домой, а ночевал на большой, в полкомнаты, печи в доме старшей группы.

Председатель заглядывал в детдом почти каждый день. На чахлой кобыленке, без седла, он мелкой трусцой подъезжал к кухонному крыльцу и, невзирая на сердитые взгляды поварихи Полины, выразительно поглядывающей на его густо заляпанные

грязью сапоги, входил в кухню, садился на табурет возле разделочного стола и ожидал директора. В другие помещения Никитич не входил, ссылаясь именно на грязные сапоги. Полина видела в этом неуважительное отношение к ней как к поварихе. На предложение перекусить всегда отвечал отказом. В свою очередь Полине не нравилась его манера откровенно высказываться о сотрудницах и старших ребятах, часто награждая их обидными ярлыками.

Из женщин Никитич с особым уважением относился к директору и Витькиной матери, Александре Алексеевне, иногда обсуждая с ней хозяйственные вопросы не только детдома, но и колхоза. Из ребят выделял Витьку и Валерку за сметливость и усердие, говоря: «Вот поди ж ты, без году неделя как приехали, а уже все умеют, во всем разбираются». Остальных ребят, в том числе и сына Полины, Аркашу, он не знал и называл их «пеньками», иногда добавляя определение «осиновыми».

Полина не скрывала своего неудовольствия, когда Нелли Ивановна садилась на кухне вместе с председателем обсуждать хозяйственные дела, демонстрируя всем своим поведением, что кухня не самое удобное место для деловых разговоров.

На одной из таких встреч директор заикнулась о теплых туалетах. Председатель удивленно посмотрел на нее:

– О чем ты говоришь, Ивановна? Какие теплые уборные в доме? Ты их видела в деревне? Их нет даже в райцентре! Как до ветру сходить зимой? Вона у тебя две большие уборные, еще с довоенных времен. В морозец – так это одно удовольствие! И детишкам! Те, что постарше, ничего, пущай привыкают. Совсем маленьких бабы твои на руках подержат! А когда переполнится яма под домом, что с ней делать? Дом переносить? Те уборные, что в стороне, можно перенести на другое место, закопать старые ямы, земле от этого хуже не будет. А школу я поганить уборной не дам! – сказал так, что у директора отпало желание возвращаться к этому вопросу.

На попытку Изабеллы Юрьевны поднять снова вопрос о теплых туалетах Нелли Ивановна пересказала услышанную от Никитича технологию отправления естественных потребностей, закончив словами председателя: «На морозце – так это одно удовольствие!» – и добавила от себя: «Как в блокаду, только не выливать с крыльца».

А вот к другой ее просьбе Никитич отнесся с пониманием. Как-то Нелли Ивановна посетовала, что мыть детей в палатах очень неудобно: колодезной воды едва хватает на пищу, а таскать из речки тяжело и далеко. В тот раз председатель пропустил ее слова мимо ушей, но спустя какое-то время сам завел об этом

разговор.

– Понятное дело, что тебе, Ивановна, баня нужна. Негоже в доме устраивать парилку: сгниет все быстро. Кликни своих ребят, покумекаем, что и как.

«Кумекать» пришлось на крыльце. Польди, как величали повариху воспитательницы, не вытерпела. Она стеной встала перед дверью на кухню, заявив директору и председателю: «Вы мне здесь еще колхозное собрание устройте – с окурками да плевками!»

Никитич как будто понял. Он сел на порожек, скрутил из газеты большую «козью ножку», всыпал в нее пригоршню табака-самосада, достал трут[12], кусочек кремня, аккуратно сложил их и стальным зубом от косилки высек искру с первого раза. Затем поднес трут к губам и подул. Изумленные ребята увидели струйку дыма. Вся деревня так добывала огонь, потому что спички, наверное, были только в детском доме. Когда клубы едкого дыма окутали мужчину, лицо его просветлело и хитрая улыбка застряла в щетине усов и бороды.

– Значит, баню будем строить?! – не то спросил, не то подтвердил председатель.

– Ага! Да! Здóрово! – поддакнули ребята.

– Так, а кто из вас, ребята, топором орудовать умеет?

– А чего уметь-то! Мы без взрослых уже кучу дров заготовили для кухни и палат, – напористо ответил Валерка.

– Дрова рубить – не дом строить. Знаешь, чем отличается лесоруб от плотника?

Валерка не знал.

– Ну-ка давай посмотрим, как ты плотничаешь. Принеси сюда полено! – скомандовал председатель.

Кто-то кинулся к сараю и притащил березовый кругляк.

Никитич вытащил из кармана огрызок карандаша и провел по кругляку продольную линию, точно, как по линейке. Потом из-за спины извлек топор, с которым никогда не расставался, как боец с винтовкой, провел большим шершавым пальцем по лезвию и, удовлетворенно чмокнув, протянул Валерке.

– Оттеши! – показал он на линию.

Валерка взял топор и, как показалось Витьке, несколько самоуверенно начал орудовать. Когда упала последняя щепка, он воткнул топор в пень и вызывающе посмотрел на председателя. Линия превратилась в пунктир, а к концу вообще исчезла.

– Ты видел, как идет сильно выпивший человек по снегу? Вот за ним такой след остается. – Никитич с хитроватой улыбкой посмотрел на Валерку. – Кто еще хочет показать свое плотницкое мастерство?

Председатель глянул на Витьку. Тот потупил взор.

– А теперь глядите, как надо!

Он больной левой рукой прижал полено к колену и правой стал творить «чудо»: топор шел точно по линии, снимая одинаковой толщины щепу. Поверхность получилась гладкой, словно по ней прошелся рубанок.

– Сегодня поду́читесь – завтра проверю!

Баню решили строить на берегу реки. Никитич отобрал на другом берегу сосны и пихты, приказал их спилить и стволы сплавить к месту стройки. Сам Никитич мог работать одной рукой и недолго, а потому только показывал, как надо делать, сдерживая энтузиазм ребят.

Первый венец сруба председатель подгонял сам, а ребята смотрели и поворачивали бревна. Потом он только подсказывал, покрикивал, иногда давал легкий «воспитательный» подзатыльник. Подогнанные бревна метил и заставлял откладывать их по четырем сторонам.

Приходили смотреть воспитательницы, старшие девочки, директор. Но смотреть было не на что. Ребята теряли интерес к своей стройке. Дни шли, а выше первого венца ничего не поднималось, хотя председатель и называл бревна то «верхний венец», то «стропила», то «крыша».

– Ничего себе «крыша»! Упадешь с нее – не разобьешься, – съязвил Виктор и спрыгнул с бревен, которые Никитич только что назвал крышей.

Валерка предложил завтра не выходить на работу, а пойти в тайгу за кедровыми шишками.

Не прошло и недели как председатель наконец велел положить топоры и взяться за бревна. Он ходил вокруг сруба и командовал, куда и какое бревно класть, показывал девочкам, как прокладывать бревна мохом. Дом стал расти на глазах. Азарт охватил ребят. Последние бревна уже затаскивали на веревках, когда появилась Изабелла Юрьевна и в панике закричала:

– Ребята, сейчас же спускайтесь! Вы разобьетесь!

Ее не смутил дружный хохот мальчишек, пока к ней не подскочил Никитич. Он не помнил, как ее зовут, но знал, что она врач.

– Ты вот что, не стрекочи здесь, сорока белая! Обойдемся без твоих градусников и пилюль!

Но обойтись без врачебной помощи не удалось. Геша, спускаясь сверху по наклонной доске, не удержал равновесие и упал, ободрав ногу. Обильно выступившая кровь напугала ребят, особенно девочек. Все с надеждой глянули на Изабеллу Юрьевну. Но ее опередил Никитич.

– Погодь, дохтур! – остановил он врача. Потом, оглядевшись, выбрал самую свежую коровью лепешку и, зачерпнув из нее навоза, на глазах обомлевших свидетелей густо смазал им кровоточащую рану. – Посиди малость, пусть подсохнет, – успокоил он Гешу. – Верное средство. В нем все целебные травы. Ни один дохтур такого лекарства не состряпает. Исстари им врачуется народ.

Но Изабелла Юрьевна в миг превратилась из «белой сороки» в пятнистую тигрицу. Она металась вокруг Никитича, осыпая его обвинениями в дикости, невежестве, угрожая привлечь к уголовной ответственности.

Но едва она попыталась забрать мальчика с собой, Никитич грозно прикрикнул:

– Кыш отсюда, курица бесхвостая!

Врач поняла, что дальше препираться с председателем опасно, и, выкрикивая угрозы, помчалась назад. Все ждали, что вернется она с директором, но никто больше не пришел.

Рана действительно вскоре зажила без всяких осложнений.

Неожиданно и кстати объявился печник – хозяин дома, отданного председателем для ребят старшей группы. Рано утром Никитич привез его к бане, помог сойти с телеги, подняться по ступеням в дом.

Стогов и Спичкин с удивлением и настороженно смотрели на смирного старца, знакомство с которым три дня назад едва не закончилось для друзей трагически.

…Рыба не клевала. Уже и солнце поднялось высоко. Ребята сменили десяток мест, но предсказание Никитича о богатом улове не сбывалось, словно река не хотела делиться своими щуками, окунями, налимами с неопытными рыбаками, сберегая свои богатства для местных. Они прошли по течению больше двух километров – и ни единой поклевки.

Валерка заныл:

– Витька, брось, пойдем, есть хочется, а идти-то домой о-го-го сколько!

– Я не один трепался, что принесем свежей рыбы на всех. – Витька скривил физиономию, изображая, как Валерка клялся директору: «Нелли Ивановна, честное слово, наловим много! Только отпустите!»

– Ну и что! Нет клева. Бывает! Нас поймут! Нам что, ходить до вечера? Ты есть не хочешь?

– Хочу! Но я дал слово! – твердо сказал Стогов.

Виктор упорно закидывал удочку, чуть ли не каждый раз меняя на крючке наживку, забрасывая то хлеб, то червя, то зерно. Обходя с заброшенной леской очередной куст, они обнаружили

небольшую лодку, дно которой было устлано слоем травы. Виктор сдвинул удилищем траву и увидел богатый улов щук, окуней и плотвы. Оба замерли от неожиданности.

– Витька, может, возьмем, а? Как-то неловко прийти без улова.

Стогов молча оглядывался по сторонам.

– Не знаю… Вроде это воровство. Был бы хозяин – попросили, может, и дал бы.

– Как бы, был бы, дал бы! Нет его, хозяина! Возьмем не всё, а часть – и смываемся! Если придем с пустыми руками, в следующий раз не пустят.

– Ладно, давай! – нехотя согласился Стогов. – Стой на шухере, я срежу ивовый прут и нанижу штук пять щук.

Витька так и сделал. Валерка прикрыл оставшуюся рыбу травой и последовал за другом.

Они и шагу не сделали, как вдруг в Витькину грудь уперся ствол ружья.

– Стой, варнаки треклятые!

Раздвигая ветки, подобно лешему, из куста вылез старик с ослепительно белыми бородой, усами и волосами, жидкими прядями свисающими из-под непонятного покроя шапки. Под

мохнатыми, как у пуделя, бровями зло поблескивали глубоко посаженные глаза.

– Скидавай рыбу, вражина! – скомандовал дед.

Виктор снял с плеча щук, разглядывая щуплого, сухого, как прошлогодний репей, старикашку, который выглядел так, словно сошел со страниц сказов Бажова. Поверх синей полотняной рубахи, подпоясанной куском веревки, на плечах болтался серый залатанный армяк. Грязные, неопределенного цвета штаны были заправлены в высокие резиновые боты, какие носили еще до революции.

– Сними щуренка с прута! – приказал дед, размахивая стволом.

Виктор сдернул скользкую рыбину.

– Ешь, песий сын!

Стогов испуганно глянул на деда:

– Как – ешь? Она же сырая.

– Ешь, тебе говорят! – Дед поднял ружье к самому лбу Виктора. – Раз украл – ешь!

Стогов осторожно поднес щуренка ко рту. Запах свежей рыбы неприятно ударил в нос.

– Дедушка! – взмолился Валерка, ощущая подкатывающую тошноту от того, что Витька начнет кусать свежую рыбу. – Мы не украли! Честное слово! Мы искали хозяина, чтобы попросить несколько рыбешек. Нам надо показать, что мы можем наловить, иначе Нелли Ивановна не пустит больше на рыбалку!

– Какая Нелли Ивановна? Кто такая?

– Директор нашего детдома.

– Что ты брешешь! Я вашего директора знаю! Такой же сучий сын, как и вы все!

– Нет, у нас директор женщина.

– Вы откуда? – Дед опустил ружье. – Из Воронопашина?

– Нет, из Ягодного. Мы приехали из Ленинграда…

– Из Ленинграда? Из Петербурга, значит, вывезли ворье сюда?

– Мы не ворье. Извините, так получилось. Мы сейчас положим всё назад. – Валерка поднял лозу, взял щуренка из рук остолбеневшего Витьки и стал его насаживать на прут.

– Постой! А что она, злющая ваша, как ее… директорша?

– Нелли Ивановна? Нет. Просто строгая, но справедливая.

– Ишь ты, справедливая! – Дед повернулся к Стогову. – Что стоишь, как соляной столб? Не воруй! На-ка, подержи!

Он сунул ему в руки ружье, потом выдернул из-за спины большой нож, срубил еще один прут ивы, довольно проворно спустился к лодке и, нанизав еще несколько штук рыбин,

протянул Валерке.

– Слышал я, в Петербурге голод был?

– Был, и очень сильный.

Стогов отходил от пережитого страха.

– Небось ворон, собачек, кошек поели?

– Откуда они, собачки, кошки? Я с началом блокады их не видел. Правда, Валерка? А почему вы Ленинград называете Петербургом?

– Ну, для тебя Ленинград, а для меня он был Петербург, Петербургом и останется.

– А вы были в Ленингр… Петербурге?

– Много будешь знать – долго не проживешь. Забирайте рыбу и пошли вон отсюда, пока не передумал. А где вы живете?

– Младшие в школе, а старшая группа в доме какого-то печника.

– Как это – какого-то?! Кто же вас туда пустил? Это мой дом!

– Нам дал его председатель колхоза.

– Это Косорукий? Да я ж его убью! Чтоб завтра вашего духа там не было! Приду, перестреляю всех!

По дороге домой друзья решили о встрече с дедом никому не говорить.

– Может, он пошумел и не придет. Не было его несколько лет, значит, дом ему не очень-то нужен, – убеждал Валерка.

– А если придет? Он же грозил убить Никитича. Может и в самом деле ухлопать, каторжник же. Ухлопает и скроется в тайге. Кто его искать будет? – возразил Виктор.

Решили, что председателя предупредить надо.

Никитич очень удивился, узнав, что на берегу Яи[13] объявился печник.

– Ты ж смотри, жив еще «царский гриб»! А я думал, волки его давно прибрали. Ан нет, дух от него такой, что волкам противно.

– Он же с ружьем, – возразил Стогов.

– Это ружье уже сто лет не заряжалось. В стволах небось оводы гнездятся.

– Странный он какой-то, Ленинград называет Петербургом, говорит, иным город и не знал.

– Может, и не знал. О нем легенды ходят. Сказывают, он сюда царем был сослан за то, что умыкнул жену какого-то губернатора. Он и сам вроде княжеских кровей. Ему и при советской власти срок добавляли за то, что укрывал беглых.

– Какой же он князь, если печки складывает? Врут всё, наверное.

– Может, и врут, но вот сам видел, как лет двадцать назад из Асина оперуполномоченный привез какую-то бумагу, написанную

по-французски. Так он ее читал вслух, что ты – свой букварь. А уж ежели иностранный так выучил, то печи складывать для него не наука. Вы кликните меня, если объявится.

…Сейчас перед удивленными ребятами и взрослыми стоял знакомый Витьке и Валерке старичок, которого Никитич называл странным именем Кибитка.

Вдвоем с председателем они осмотрели помещение бани, после чего Никитич объявил ребятам, чтобы они беспрекословно делали то, что скажет Кибитка, добавив при этом несколько слов о его крутом нраве.

Что такое крутой нрав Кибитки, Виктор снова узнал, пытаясь выразить свое мнение по поводу печной конфорки. Даже не дослушав его, Кибитка зачерпнул мастерком большую порцию раствора глины с песком и молча швырнул его в лицо Стогову. Это стало причиной их взаимной неприязни. Однако Виктор не давал воли этому чувству. Его удерживало любопытство и желание понять, за что так ценят этого несносного старого «пуделя». Ведь печь, которую старик обещает построить, рассуждал Стогов, это та же самая «буржуйка», которая заглатывала в блокаду все, что в нее ни бросали, – дрова, поломанные школьные шкафы, парты, скамейки, стулья, учебники. Все мгновенно превращалось в головешки и вылетало через примитивную трубу в форточку.

Печь Кибитки, занимавшая почти половину предбанника, завораживала своей мудреной архитектурой. Прежде чем добраться до трубы, дым множество раз проходил по хитроумному лабиринту, каждый изгиб которого «царский гриб» проверял зажженной бумажкой.

Когда печь была готова, ребята с волнением закладывали дрова в топку, сомневаясь, «найдет» ли дым хитрый путь к свободе и не повернет ли обратно в предбанник. Услышав сомнения мальчишек, Кибитка цыкнул на них и, перекрестясь, сам положил подожженную бересту под дрова. Сухие березовые поленья занялись ярким пламенем, и вскоре в предбаннике запахло сохнущей глиной и легким дымком горящих березовых дров.

Кибитка действительно оказался мастером своего дела. Расположение и конструкция печи обеспечивали теплом и парную, и предбанник. Казалось, он и сам был доволен успехом. Придвинув полено к топке, он сел, протянув ладони к дверце. Ребята сделали то же самое, образовав полукруг возле него. Эльза, оказавшаяся рядом с печником, непроизвольно провела пальцем по его сухой, жилистой, шершавой руке.

– Что, как рашпиль? – с несвойственной ему мягкостью в

голосе спросил дед.

– Нет, это руки, дающие тепло…

– Ишь ты! Прямо стихи! – Кибитка поднял натруженные ладони, медленно вращая их в отблесках пламени.

Стогов заметил, что по лицу старика пробежала легкая судорога, а в уголках глаз появилось множество мелких морщинок – так бывает, когда человек пытается удержать либо слезы, либо улыбку.

– Эти руки знали многое, чего тебе и не снилось и, не дай бог, приснится, – задумчиво произнес старик.

Стогову показалось, что дед сейчас может рассказать о своей таинственной жизни, чем-то похожей на судьбу графа Монте-Кристо из романа, прочитанного им до войны. Любопытство не давало покоя.

– Сколько вам лет? – задал он, казалось, безобидный вопрос.

– Сколько? – Печник лукаво улыбнулся. – Ровесник отмены крепостного права. Смекнул сколько?

Стогов не смекнул, потому что не знал, когда было отменено крепостное право. Он не сомневался, что ни Валерка, ни Гешка этого тоже не знают. Может быть, Эльза в своей интеллигентной семье об этом слышала, а вот в их пролетарском доме всем, что было до 1917 года, особо не интересовались, считая, что при царе не могло быть ничего хорошего. Поэтому Витька многозначительно присвистнул, давая понять ребятам, что оценил почтенный возраст старика.

– А вы раньше жили в Ленингр… то есть в Петербурге?

– Я и служил в Петербурге. Все оттуда и началось.

Дед замолчал, устремив взор на топку, словно пытался разглядеть мелькавшие в языках пламени картины собственной непутевой жизни.

Витька рисковал, настырно задавая все более каверзные вопросы:

– А что оттуда началось?

– Что началось-то? Грех и падение в преисподнюю.

– А как это вы упали в преисподнюю?

– Человека убил, – тихо, обыденно произнес печник. – Да не простого человека, а графа. Из ревности. Сам царь Александр Третий судил меня как офицера лейб-гвардии его императорского величества Преображенского полка. Его и приговор был: ссылка навечно. Лет мне тогда отроду было двадцать семь. Вот с тех пор и каторжаню. Подавал два прошения Николаю Второму. На первое царь не ответил. Второе возвратилось уже после революции с резолюцией ВЧК[14] о помиловании, но я уже воевал в банде генерала Семенова. Вместо помилования получил второй

срок уже от большевиков. Сколько раз убегал, не помню, сколько раз добавляли срок, тоже не помню. Потом перестали меня ловить. А та жизнь в Петербурге часто кажется мне выдуманной сказкой…

– А вы так и не были с тех пор в Ленинграде?

– Да что там делать? Один политический петербуржец со мной отбывал срок, хорошо знал Фонтанку. Он говорил, что наш родовой особняк занят под типографию – не то «Знамя коммунизма», не то «Светоч коммунизма», пес его знает, уже запамятовал…

Стогову вдруг стало жалко деда, хоть он и был контрой, которую в школе, книгах и кино учили ненавидеть. Близко общаться с людьми из далекого царского прошлого, не скрывающими своего аристократического происхождения, Виктору не приходилось. Конечно, такие были в Ленинграде. Добрая половина старых учителей его 99-й образцовой школы были, как их называли, «осколками царской империи». Это были учителя дореволюционных гимназий, кадетских корпусов, очень грамотные, говорившие на нескольких языках, лояльные к советской власти.

Стогов собирался задать деду еще много вопросов о дореволюционной офицерской жизни. В книгах, которые читал Витька, офицеры выглядели пьяницами и дуэлянтами. Но пришла Александра Гавриловна звать ребят на ужин и прервала, возможно, первую в жизни Кибитки исповедь. Он заругался на нее, мгновенно приняв свой прежний облик – несносного старика с крутым, неуживчивым нравом.

Баня, а главное, печь, выдержали испытание, и Козлиха, теперь работавшая в детском доме, рано утром с помощью малышей вымела все щепки, вымыла пол и затопила печь. Баня заполнилась теплом и приятным запахом хвойной смолы.

Нелли Ивановна, войдя в предбанник, с умиротворением замерла, вдыхая хвойный аромат, исходящий от нагревшихся стен. Потом объявила, что до прихода председателя надо успеть помыть детей, помыться воспитательницам и старшим ребятам. Но Козлиха предупредила, что если первыми помоются женщины, то председатель в баню не войдет. Таков обычай.

Удовлетворенные баней Никитич и Кибитка сели на оставшиеся от стройки бревна, обкуривая друг друга зловонным дымом самосада. Трудно было поверить, что «царский гриб» способен без скандала спокойно разговаривать с кем-то. Распираемые любопытством, старшие ребята подсели к мужчинам в надежде услышать продолжение вчерашней задушевной беседы.

– А ты, Савелий, значит, похоронил меня, коль стал раздавать мое добро?

– Так ведь раздавать, а не продавать. Дарю-то кому? Безродным детишкам. Если потребуешь, верну тебе твой дом, а свой дом отдам им.

– Да леший с ним, с домом! Намедни директорша подходила, спрашивала, не соглашусь ли я остаться и учить печному мастерству ее обормотов. Хитрая баба! Говорит, что бесценный опыт печного дела надо передавать, а не уносить с собой. Не сказала куда, как-будто я не понимаю – куда. Я уже пробовал передать опыт воронопашинским стервятникам, так они обобрали меня подчистую. Даже крест нательный срезали во время сна. Я одного, что понахальнее, сгреб, приставил нож к его глотке и сказал, что, если сейчас же не принесут мастерок, молоток и отвес, перережу глотку. Принесли, треклятые. Правда, обещали меня прибить. Но я уже в те края не хожу. Тайга, она в Воронопашино не упирается. Ваши-то как? Не падки на чужое?

– Ну что ты, Варфоломеич! Наши на это не способны.

– Ну, слава богу!

Хитро прищурившись, Кибитка посмотрел на Стогова и Спичкина.

Нелли Ивановна с воодушевлением восприняла согласие Кибитки дать уроки мастерства печного дела, а старшие ребята между собой пожелали «новому учителю» провалиться сквозь землю. Но Кибитка сам с первыми петухами исчез.

Встретив председателя, директор спросила, когда же Владимир Варфоломеевич начнет обучать ребят? Не обманул ли?

– А кто ж его знает! Я первый раз видел, как он с тобой разговаривал человеческим языком, а то либо ругается на чем свет стоит, либо грозит убить. Видишь, он тебе одной сказал, что его зовут Владимиром Варфоломеевичем, а у нас никто этого не знал. Кроме как «царский гриб» да Кибитка его здесь и не величают. Видать, учуял в тебе интеллигента, а с нами только собачится, как бешеный кобель. Так и остерегайся, чтоб не укусил. И то правда, при вас, ленинградских, совестно так ругаться. Не то что с нашими бабами: ты им слово, а они тебе десять, да каких!

Пока мылись старшие ребята, Александра Гавриловна решила поменять постельное белье. Снимая простыню с постели Сережи Реброва, она обнаружила бумажный пакет, в котором лежали засохшие кусочки и корки черного хлеба. Женщина медленно опустилась на кровать, уставившись на пакет, который воскресил воспоминания о горьком, страшном и не таком уж далеком прошлом. «Знать, этот страх перед голодом останется на всю

жизнь, коль при реальной сытости он не покидает ребенка», – подумала Александра Гавриловна. Она нашла еще три «склада» с корками хлеба, кусочками печенья и сахара у других ребят и решила никому не говорить о находках. Но тайна продержалась недолго.

…Председатель сказал, что нынче богатый урожай черной смородины, растущей вдоль берега реки Яя. Банки с крупной ягодой уже приносили ребята. Их рассказы о бесконечных зарослях смородинных кустов особенно поражали воображение Изабеллы Юрьевны, мечтающей об изобилии витаминов. Но Нелли Ивановна скептически отнеслась к сообщению председателя, тем более ребят.

– Ну сколько можно набрать ягод? – допытывалась директор у Никитича. – Ведро-два?

– Что ты, Ивановна, тьма ее! Собирать некому. Я ведь баб не пущу на такое баловство, когда важных делов в колхозе невпроворот. Так, по пути на сенокос или еще куда, наедятся, и всё. Кабы был сахар, так и варенье заготовить можно. А мы сахаром-то и до войны не шибко баловались, потому и не собирали ягоду.

– Прямо не верится, что витамина так много и так близко.

– А что верить-то? Погрузи свой курятник на телеги, вывези, пущай клюют. Тебе ведь тоже заготавливать ягоду впрок ни к чему: сахаром и вас не балуют.

На следующий день всех ребят от шести и старше плотно усадили на телегу. Другая телега была загружена кастрюлями, бидонами, банками разного калибра. Визгливо-веселый «табор» двинулся к реке.

Старшие ребята и взрослые должны были идти пешком два километра. Проводником Нелли Ивановна назначила Павлика, хотя свои ребята уже давно знали дорогу к реке. Это задело их самолюбие. А Пашка, похоже, несколько преувеличил свои полномочия. Войдя в группу, он скомандовал:

– Ну вы, улитки, долго будете копаться?! Ждать вас не будем!

– А ты кто такой?! Вали отсюда, а то сам станешь улиткой! – взорвался оскорбленный Стогов.

Пашка схватил с первой попавшейся кровати подушку, набитую соломой, и запустил в Виктора. Тот увернулся от подушки, но от пакета, лежавшего под подушкой и тоже брошенного Пашкой, увернуться не успел. Пакет Сережи Реброва, ударившийся о Витькину бровь, упал на пол и рассыпался в виде корок и сухих кусочков хлеба. Этого Сережа не выдержал. Схватив табуретку, он выставил ее перед собой и ринулся на Пашку, которого уже атаковали другие ребята. Началась потасовка, в

которой слышались возгласы на местном диалекте.

– Прекратить! Немедленно! Вы что, с ума сошли, петухи паршивые! – В дверях стояла Александра Гавриловна. – Марш все на улицу, потом разберемся!

Всю дорогу до реки Александра Гавриловна зорко следила за тем, чтобы вновь не вспыхнула драка. Всех старших, под предлогом наблюдения за малышами, она распределила по телегам. При этом к первой телеге она приставила ребят, не участвовавших в драке с Павликом, который шел впереди повозок. А Стогова и Спичкина назначила замыкающими всего «табора».

У кустов смородины, покрытых крупной черной ягодой, взрослые и дети замерли в изумлении. В лесах под Ленинградом они такого не видели. Сбор смородины начался с поедания. Никто не думал о том, что она немытая. Даже Изабелла Юрьевна забыла о главном требовании гигиены, отправляя в рот горстями сорванную ягоду. В этом неистовом сборе смородины явно проглядывала незабытая блокадная страсть к запасам съестного.

– Господи! Впервые немытые ягоды ем! – сказала Вероника Петровна обирающей рядом куст Нелли Ивановне.

– А немытые еще вкуснее, – пошутила директор. – Попробуйте запретить ребятам есть сейчас и ждать, когда их помоют!

Виктор собирал смородину вместе с Эльзой. Они сидели под большим кустом, усыпанным крупными ягодами, и, наполняя посуду, обменивались новостями. Эльза пересказывала содержание редких писем отца, которые знала наизусть.

Теперь они с Виктором виделись редко, урывками. Витька весь погрузился в разрастающееся хозяйство детдома. Заметив в Эльзе трепетную заботу о малышах, Нелли Ивановна назначила ее воспитательницей, выделив ей группу дошколят.

Виктор обратил внимание на то, что Эльза изменилась, повзрослела, стала более сдержанной, без «чертиков в глазах», которые так нравились ему раньше. Похоже, Сибирь пошла ей на пользу: прекратились мучившие ее обмороки, она расцвела,

похорошела. Из-за жары она скинула кофточку, осталась в простеньком ситцевом платьице, плотно облегавшем плавные контуры тела.

– Витька! Ты обещал взять меня в тайгу за кедровыми шишками. Не забыл? – обратилась к нему Эльза.

Нет, он не забыл, хотя брать не хотел, понимая, что Эльза не представляет себе, что такое настоящая тайга с ее непролазным буреломом, где и мальчишки с трудом перебираются через поваленные вековые стволы хвойных деревьев. Он старался отговорить ее, запугивая волками.

– Хватит врать-то! – возмутилась она. – Волки летом не нападают на людей. Об этом Никитич сказал Нелли Ивановне.

Когда наполнилась посуда, они стали кормить друг друга ягодами. Дурачась, Виктор стал раздавливать ягоду перед самым ртом Эльзы, пытаясь нарисовать ей усы. Едва они показались на людях, все покатились со смеху, глядя на нее.

…О драке узнали все. Поэтому Нелли Ивановна решила собрать первый здесь, в Сибири, педсовет, чтобы обсудить совместное воспитание ленинградских детей и детей, начинающих поступать от областных и районных органов опеки. На днях детдом пополнился четырнадцатилетними близнецами – братом и сестрой Сутягиными, потерявшими родителей на сплаве леса.

– Пока они тихие, подавленные свалившимся на них несчастьем, – говорила Нелли Ивановна, – но где гарантия, что спустя какое-то время не проявится вот такой прямой сибирский прием отстаивания своих позиций, который показал нам Павлик?

– И видимо, это время не за горами, Нелли Ивановна, – вставила Изабелла Юрьевна. – Я попросила Лену Сутягину раздеться, чтобы посмотреть, нет ли у нее чесотки или каких-то других кожный заболеваний. Она сказала: «Нет!» – да так, что у меня отпало желание настаивать.

– Мне вчера рассказал Стогов, – продолжила директор, – что когда ты, Аля, приказала прекратить драку, Павлик от злости начал топтать ногами корки хлеба, которые хранил Сережа. На Сережу страшно было смотреть. Он, всхлипывая, впился пальцами в подушку. Стогов говорит, что только гнев на твоем лице удержал его от того, чтобы не кинуться на Павлика. И не из-за оцарапанной коркой брови, а оттого, что тот хлеб бросил, приравняв его к камню. На всех наших ребят это произвело тяжелое впечатление. Ты говоришь, что еще у троих есть такие запасы. Вечером ко мне подошли две девочки и признались, что тоже собирают не съеденный малышами хлеб. Так что нам делать? Запретить? Вряд ли это поможет. Будут тщательнее

прятать. Мы имеем дело не с обычными довоенными детьми, а с детьми, «меченными блокадой». Что вы скажете, Вероника Петровна?

– Скажу, что я тоже собираю остатки хлеба, сушу, складываю в мешочек, на «черный день», который, надеюсь, и не наступит. Просто удивительно, что у нас пока не было серьезных сбоев в работе. Раньше ведь топтание хлеба, что продемонстрировал Пашка, не являлось таким уж вопиющим безобразием. Война, блокада вынуждают нас иначе взглянуть на воспитание детей. Сейчас, я уверена, мерилом нравственности надо считать отношение человека к хлебу, потому что хлеб – это жизнь! Мы это знаем лучше всех! И наши дети, коль плачут и готовы драться за пренебрежение к хлебу, сами сделали переоценку ценностей!

Вероника Петровна помолчала, силясь сдержать волнение. Потом, глубоко вздохнув, продолжила:

– Хлеб для нас, перенесших первую, самую тяжелую блокадную зиму, был не менее важен, чем воздух. Сколько мы потеряли наших родных и близких! Господи! Моя внученька Светочка! Ведь я почти всю норму хлеба отдавала ей, а спасти не смогла. И слово последнее было у нее не «мама», не «бабушка», а «хлебушко»…

Прижав платок к лицу, Вероника Петровна разрыдалась, медленно оседая на табуретку. Несколько секунд она сидела, не отрывая платок от лица.

Никто не пытался нарушить молчание, вспоминая, что пережила эта женщина, отыскав среди груды расстрелянных сотрудников госпиталя в захваченной немцами Нарве своего сына – военврача, невестку и раненую четырехлетнюю внучку. Сколько натерпелась горя, пока пробиралась с внучкой лесными тропами в осажденный Ленинград. Сколько приняла мук, видя, как гибнет на глазах последний росток ее прошлого, настоящего и будущего!

– Простите, мне иногда кажется, что сухарики я собираю для внучки, – тихо промолвила старшая воспитательница.

Все женщины сидели, тихо всхлипывая. Это была минута общей скорби, общего воспоминания о тех, кто, уходя из жизни, не знал большей драгоценности, чем хлеб.

– Еще раз простите. – Вероника Петровна расстегнула верхнюю пуговицу на блузке. – Я продолжу. У нас дети не просто безродные, а верящие, что их папы живы и бьют фашистов. Посмотрите на их рисунки: все они изображают войну. Папы в атаке на самолете, на коне, впереди всех. Блокада, голод оставили глубокий след. Попросите нарисовать, как они жили в ту зиму. Мурашки по коже бегут, настолько реалистично. У меня Наташа Невская нарисовала, как она жила с бабушкой последние

дни перед тем, как ее привезли в детдом. Я спросила: что это за мышка сидит на щеке у бабушки? Она сказала, что это крыса, которая съела у бабушки нос. Не знаю, удастся ли вытеснить кошмарное прошлое из детской памяти сибирской природой, нормальным питанием и тишиной, не нарушаемой взрывами и пожарами. Мои дорогие! Я старше вас всех, у меня за спиной педагогический стаж больше, чем возраст каждой из вас, но настоящим педагогом я становлюсь только теперь, потому что уразумела две великие истины, которым буду учить детей, – хлеб и мир, мир и хлеб! Усвоив цену им, ребята будут расти благородными, сильными, справедливыми. А в отношении «хлебных запасов», создаваемых самими детьми, вы правы, Нелли Ивановна, запрет здесь не поможет. Мне вот что подсказывает интуиция: давайте закажем простенькие шкафчики на каждого ребенка, ведь такие шкафчики есть в каждом детском саду. Но в них должна быть полочка для сушеного хлеба. Может быть, когда полочка переполнится, ребенок сам придет к выводу, что запасы делать не надо.

Отвыкшие за время блокады от учебы, дети нехотя пошли в деревенскую школу, которая теперь помещалась в большой, ранее брошенной избе. Все старшие, восемь человек, составили основу пятого класса. В шестой пошли Виктор, Валерий и Эльза.

Местная молодая учительница, Анфиса Семеновна, дочь соседки Матвеевны, хватившая горя от ребят Воронопашинского детдома, вела себя робко, настороженно, видимо ожидая подвоха от новых «беспризорных» детей. Она соглашалась со всеми просьбами и предложениями учеников. Приученная в прежнем детдоме спасаться от мести ребят из-за оценок, она и здесь не жалела четверок и пятерок. Поэтому учиться у нее было легко, даже не открывая учебник.

Так продолжалось почти всю четверть, пока на урок не пришла Нелли Ивановна. Она появилась в классе, когда Витька напросился выйти к столу учительницы подурачиться. Не будь здесь в данный момент директора, он начал бы так: «„Зимний вечер“, стихотворение Некрасова». Все бы засмеялись. Скорее всего, Анфиса Семеновна не поправила бы на Пушкина. Чтобы получить четверку, ему достаточно было правильно произнести первую строку: «Буря мглою небо кроет». Дальше, скорее всего, для смеха он бы изменил конец четверостишия: «Вихри мусора крутя, то, как волк, она завоет, то заплачет, как дитя». С учетом инициативы в пятерке можно было не сомневаться. Но сейчас, в присутствии директора, надо было читать четверостишие не только правильно, но и с выражением. И он с этим справился.

А дальше вышла заминка, потому что полностью стихотворение он не учил, рассчитывая, что Анфиса Семеновна прервет, желая прослушать остальных. Но учительница молчала, выжидающе глядя на директора детдома. Виктор наморщил лоб, силясь припомнить, как Пушкин в стихотворении соединял в рифму «лачужку», «кружку» и «старушку».

Стогов глянул на Валерку. Но тот сидел низко опустив голову, стараясь быть незаметным, – он был не готов к уроку. Эльза лихорадочно листала «Хрестоматию для шестого класса». Пауза затягивалась.

– Да-а, – послышался голос Нелли Ивановны, – от таких знаний сначала заплачешь, как дитя, а потом, как зверь, завоешь. А как остальные? Спичкин, выручай друга: тонет! Брось спасательный круг!

Валерка встал, словно для казни, с низко опущенной головой.

– Значит, знаешь, но молчишь из-за солидарности! Пожарова, а ты как?

Эльза с места, заглядывая в учебник, кое-как прочитала до конца.

– Ну а когда и кому было посвящено это стихотворение, кто-нибудь может сказать?

Нелли Ивановна поднялась и медленно прошла к столу учительницы, которая тотчас уступила ей место.

Класс ответил дружным молчанием. Тогда Нелли Ивановна стала рассказывать о Пушкине, каждую мысль сопровождая отрывками из стихов и поэм. Ребятам трудно было представить себе, что так много интересного можно знать о Пушкине. Они сидели, ошеломленные услышанным.

Отныне было приказано готовить уроки всем троим вместе и под руководством воспитательницы. Но выполнялось это приказание недолго, потому что подошла пора выкапывать картошку на участке, выделенном детдому председателем

колхоза.

– Ивановна, поле я тебе дал, но выкапывать будете сами. У меня бабы не то что колхозную, свою убрать на огородах не могут. Хоть озолоти, никто к вам не придет!

– Савелий Никитич, у нас лопат нет, да мы и не знаем, как это делается.

– Какие лопаты? Это же не огород. Лопатами вы и до Рождества не уберете. А как это делается, спроси Алексеевну, она вас научит. Ты завтра пришли на подводе Витьку и Валерку к кузнице, там мы разберемся.

Утром председатель показал ребятам, какой плуг надо погрузить на телегу. Втроем они подъехали к картофельному полю, перепрягли Цыганку на плуг. Никитич показал Стогову, как держать глубину плуга, чтобы не резать картошку, а Валерке – как вести лошадь по борозде.

– Ну, давай! – скомандовал председатель и пошел рядом с шарахающимся из стороны в сторону Виктором, подсказывая, как удерживать плуг, чтобы не выйти из борозды.

Труд этот оказался очень тяжелым. Виктор весь покрылся испариной, удерживая этот проклятый агрегат, который норовил то уклониться в сторону, то зарыться на такую глубину, что Цыганка с трудом вытаскивала его оттуда. К концу борозды Стогов почувствовал, что сил нет держаться на ногах. Поворачивая плуг, он упал и от обиды заплакал.

Председатель подумал, что он ушибся, но, видя, как с трудом Стогов поднимается, понял, что слезы эти от бессилия.

– Ничего, Витька, осилишь. Поначалу и Пашка мой тоже ревел, пока не приспособился. А что делать? Мне-то с одной рукой не справиться. Я бы прислал Пашку помочь, да он ввечеру уехал в Воронопашино за фельдшером: корова у нас заболела. Боюсь ящура.

– А коровы разве болеют? – удивился Валерка.

– Еще как! Жалко смотреть на нее: слезы в глазах и мычит не переставая.

Они сидели на борозде, отдыхали, переговаривались и не заметили, как подошла Витина мать.

– Во, Алексеевна! Ты откуда взялась? – удивился председатель.

– Так мы приехали собирать картошку. Вон, две телеги ребят, даже малыши.

Она глянула на сына и поняла, что за плугом шел он.

– Никитич, давай-ка я встану вместо сына: мал он еще, слаб…

Витька тотчас сообразил, как тяжело будет матери идти за плугом и перетаскивать его с борозды на борозду. Он

запротестовал:

– Ма, ты что, какой я слабый! Спроси Никитича, как я управлялся с плугом! Потом еще подучусь, совсем станет легко, как Пашке! Правда, Никитич?

– Правда, правда, Алексеевна! – Председатель лукаво улыбнулся. – Он у тебя ловкий, смышленый. Не волнуйся, справится!

Когда кончилась борозда и Виктор хотел перебросить плуг, подошла Эльза. Глядя на его взмокшую рубашку и покрытый крупными каплями пота лоб, она сняла с головы косынку и стала вытирать ему лицо, приговаривая:

– Бедненький, устал, наверное… Как мне жалко смотреть на твои мучения!

Это было уже слишком – при всех его называли «бедненьким».

– Ничего я не устал! – Виктор сердито посмотрел на девочку.

Но, словно откликнувшись на слова Эльзы, Никитич объявил перерыв.

Оставив в борозде плуг, Витька набрал большую охапку травы, бросил ее под куст и в своей грубоватой манере сказал Эльзе:

– Ну, чо стоишь? Это тебе, садись, отдыхай! – И, застеснявшись, отошел в сторону и лег на собранную картофельную ботву.

– Нет, Витька, я хочу, чтобы вы с Валеркой сели рядом со мной!

В голосе Эльзы прозвучали властные нотки.

Валерка словно ждал этой команды и сразу плюхнулся на траву.

Витьке его стремительность не понравилась: «Расселся, словно для него приготовили!»

– А ну вас, я лучше пойду, искупаюсь.

Про Кибитку уже забыли, словно его и не было. Но спустя несколько дней он, словно домовой из печки, снова неожиданно появился у входа в кухню.

Польди отворила дверь, чтобы вылить остатки чая на землю. Но, увидев на ступенях Кибитку, замерла от неожиданности.

– Чем накормишь? – не здороваясь, спросил старик.

– Да ничем. Еще ничего не готовила, – ответила повариха.

– Драники[15] умеешь печь?

– Нет, – удивилась повариха.

– А суп «О'пуасон»[16] сваришь? – уже с издевкой спросил он.

– Нет, а что это такое?

– Какая же ты стряпуха! Гнать тебя надо!

– Ах ты, старый козел, я тебе такую стряпуху покажу, помоям рад будешь!

Кибитка не ожидал, что где-то, от кого-то может получить серьезный отпор.

Детей он не любил. Они его раздражали не только вопросами, любопытными взглядами, но и просто гомоном. «Как вороньё на погосте, прости господи! – возмущался он. – „Кыш“ крикнуть грешно, а слышать их гомон невтерпеж».

На правах хозяина дома он потребовал себе топчан и поставил его так, что трудно было входить в большую комнату. На просьбу Александры Гавриловны убирать его хотя бы днем Кибитка ответил злым взглядом и руганью. Днем он уходил в деревню чинить печи и требовал, чтобы ребята, отданные ему в подмастерья, помогали: месили глину, чистили старый кирпич, держали отвес.

На работе он был просто несносен. За неверно положенный кирпич он влепил Геше подзатыльник, за плохо прилаженный отвес обругал Виктора последними словами. Ребята обратили внимание на то, что Кибитка был более терпелив к Валерке, хотя тот несколько раз ронял кирпич едва ли не на ногу деду.

С хозяевами дома, где чинил печь, Кибитка обращался как помещик с крепостными, словно это не он нанимался к ним на работу за пропитание, а они просили и почитали за счастье кормить его. После обеда печник тут же ложился отдохнуть, правда, не на постель, а на широкую лавку, не требуя никаких подстилок. При этом детдомовцев, равно как и домочадцев, он выгонял за дверь.

Возвращался в детдом Кибитка, как правило, поздно. Часто заваливался спать чуть ли не с полудня. И, не дай бог, кто-то заденет его ложе. Он не по возрасту резво вскакивал, хватал свой бот и старался попасть им в голову нарушителя его покоя.

– Опять улегся, трухлявый пень! – громко возмутился Витька, увидев прикорнувшего днем печника.

Он взялся руками за топчан и легко сдвинул его в сторону. Кибитка вскочил, но боты оказались в стороне, и, пока он дотянулся до них, Стогов выскочил на улицу.

Вечером Виктора остановил Никитич:

– Чем ты обозлил Кибитку? Он сказал: «Убью этого гаденыша!» Смотри, может, и не убьет – ружья у него нет, – но мастерком или молотком изувечить может. Не попадайся ему на глаза! Это закон тайги.

– Никитич, что вы все время: «Закон тайги, закон тайги»… А милиция зачем? Что она, не может справиться с каким-то старикашкой? А если еще вор или бандит?

– А ты видел где-нибудь милиционера? Разве ты не заметил, что на дверях домов замков нет? Так, крючки, щеколды… Воров тоже нет. Заходи в дом, попроси, что тебе надо, дадут, не откажут. Это тоже закон тайги.

С этого момента Виктор перестал ходить «на учебу» к этому «исчадию ада», как окрестила Кибитку повариха.

В отличие от долгой ленинградской осени, дождливой и слякотной, сибирская перешла в зиму скоро и незаметно. Всего неделю крепчал мороз, сковывая грязь в колеях разбитых деревенских дорог. За одну ночь снег покрыл землю белым ковром. Утром все выглядело чистенько, пушисто, первозданно.

– С первым снегом! – Никитич отворил дверь на кухню, но, уже приученный Польди к аккуратности, сбил снег с сапог, прежде чем сесть на табуретку. – Кликни Ивановну! – попросил он.

– Ты пешком, что ли? – удивилась раннему гостю повариха.

– Пешком, пешком, «переобуваю» коняку, потому и к вам пришел пораньше.

Повариха непонимающе поглядела на председателя и пошла звать директора.

– Ивановна, снег-то видела? Я ведь пришел пораньше, чтобы предупредить: на лошадях сейчас ездить нельзя. Переобуть их надо, ну, подковать, стало быть. Пусть ребята под уздцы, не верхом, отведут лошадей в кузницу. Я с кузнецом договорился.

Кузнец, здоровый бородатый старик, завел Осла в стойло, привязал узду к перекладине и, слегка похлопав по передней ноге лошади, попросил:

– Ну, ну, дай ногу!

Конь, словно все понимая, согнул ногу. Кузнец большим рашпилем стал строгать подошву.

Ребята с ужасом смотрели на эту процедуру, ожидая, что лошадь сейчас начнет биться от боли и угрожающе ржать. Но конь стоял спокойно. А когда кузнец гвоздями стал прибивать подкову к копыту, дети не выдержали.

– Дядь, что вы делаете, ему же больно! – закричал Валерка.

– Он тебе пожаловался? – спокойно спросил кузнец. – Ты что, орешь, когда тебе подстригают ногти?

Через час обе лошади, с удовольствием постукивая подковами по дощатому полу, вышли на снег.

– А верхом можно? – спросил Валерка.

– Можно, если задницу себе уже набил, – улыбаясь, ответил кузнец.

Задницы они набили давно. Как только лошади окрепли,

Виктор с Валерой, подражая местным ребятам, стали ездить верхом.

Сёдел не было ни в колхозе, ни в детском доме. Уже в первый же день от острого хребта лошади на ягодицах появились такие ссадины, что ходить можно было только широко расставив ноги. Чтобы не вызывать смех и ненужные вопросы, ребята спрятались в бане. Оба считали невозможным обратиться за помощью к Изабелле Юрьевне. Виктор вспомнил, что в Ленинграде, в своем дворе, они все болячки лечили листьями подорожника, отмытого от пыли слюной. Друзья набрали листиков, помыли и приложили их к ссадинам. От прохладной влаги исчезли боль и жжение. На ночь процедуру повторили и улеглись раньше других.

Утром ни Стогов, ни Спичкин ходить не могли. Присохшие листья так царапали болячки, что казалось, будто между ягодицами сидит еж. Терпеть дальше было невозможно, и вспоминать, как они попали в объятия Изабеллы Юрьевны, не хотелось. Словом, неделю они только смотрели на лошадей. Потом довольно быстро кожа загрубела, и езда не приносила страдания.

Поэтому сейчас, чтобы удивить кузнеца, они ловко вскочили на лошадей и с места рванули крупной рысью.

Попытки Нелли Ивановны наладить учебу старших ребят срывались из-за неотложных хозяйственных работ, таких, в которых нельзя было заменить Стогова и Спичкина мальчишками помоложе. Когда кончались дрова, без Витьки с Валеркой было не обойтись. И это директор хорошо понимала. Заготовленные еще осенью бревна были сложены в штабеля в лесу, в десяти – двенадцати километрах от детдома. Расстраиваясь, что сын пропускает много занятий, Алексеевна предложила директору свою помощь. Нелли Ивановна сначала согласилась, но потом, вспомнив слова Никитича о том, что в лес зимой в одиночку, особенно женщинам, ходить не следует, отказалась. Скрепя сердце она, как бы советуясь с ребятами, попросила помочь выйти из положения.

– А чего думать-то, – засиял Валерка, – мы завтра с Витькой с утречка на двух розвальнях сгоняем.

– Может, после занятий? Тогда в помощь Гешу возьмете или еще кого из ребят, – робко предложила директор.

– Не-е, – возразил Валерка, – день короткий, мало ли что, а вместо Геши мы лучше пару лишних бревен привезем. Правда, Витька?!

Валеркино восторженное согласие понимал только Стогов, знавший, что завтра на первом уроке должна быть контрольная

по физике. Он без оптимизма кивнул, потому что сам контрольной по физике не боялся, даже жалел о пропуске урока. Физику он любил и с уважением относился к учителю.

Физику в семье Стоговых любили все. До войны, живя при школе, старшие братья обслуживали всю школу по части электричества: меняли проводку, электропробки, устанавливали электрозвонки и светильники. Крутясь возле них, Виктор многое перенял. В шесть лет самостоятельно сделал проводку и установил штепсель для электроплитки соседке – учительнице географии. Полученные за работу три рубля он с гордостью отдал матери.

Учивший их здесь эстонец Вольдемар Георгиевич Прок не только раскрывал тайны физических явлений, но и в самом себе заключал некую тайну – был такой «вещью в себе», замкнутой и неделимой, словно атом. Естественно, никто не знал, как, когда и за что он оказался в Сибири, отбыл срок или сбежал из лагеря, поселившись в Ягодном на положении сибалонца[17]. Он говорил по-русски с акцентом, довольно своеобразно, «оглушая» звонкие согласные, превращая их в глухие. Так, в его речи «друг» звучал, как «трух».

Прок не требовал зубрежки определений законов и терминов, а очень доходчиво объяснял суть физических явлений, добиваясь их понимания.

Убедившись в неравнодушии Стогова к своему предмету, Прок решил привлечь его к осуществлению одного проекта. Для этого он пригласил Витьку в нежилую избу, стоящую недалеко от детдома. Там на толстых бревнах стояла какая-то машина с большим чугунным колесом.

– Ты знаешь, что это такое? – спросил он у Виктора.

– Нет, – честно признался Стогов.

– Это твишок. Ясно?

Но, глянув на недоуменное лицо Виктора, понял, что тот не разобрал название агрегата.

Тогда Прок взял железный прут и, повторяя по буквам, написал на земле: «Двишок».

– А-а, ясно! Движок! – радостно воскликнул Виктор.

С трудом он стал понимать мысли учителя, озвучивая согласные, произносимые Проком.

Оказывается, с помощью Никитича Прок где-то в районе нашел, а скорее всего, «уволок» двухтактный двигатель внутреннего сгорания, по частям разобрал его, привез в Ягодное и собрал. Но запустить движок один, без чьей-либо помощи не мог.

Прок объяснил, как Виктор должен крутить колесо, когда

отскочить, чтобы не попало по пальцам, если движок запустится. А он в это время будет закреплять раскаленный шар на цилиндре для поджога топлива.

Паяльной лампой Прок нагрел шар до белого каления, поставил его на место и скомандовал:

– Тавай! Крути!

Не веря в успех, Виктор сделал всего один оборот и тотчас почувствовал удар по рукам. Двигатель заработал.

– Ура! – Прок стал приплясывать под «музыку» работающего двигателя. – Из Прока будет прок! – несколько раз повторил он.

Помещение быстро заполнялось густым дымом горелой солярки. Прок открыл дверь и перекрыл кран подачи топлива.

– Ты понимаешь, что это такое?! – И сам же ответил: – Это революция! Я завтра сошью брезентовый ремень, мы подключим вот этот генератор, – он показал на какой-то агрегат, прикрытый тряпками, – и у нас в деревне будет свет! Исключая Асино, в радиусе ста километров электрического света нет!

Первый электрический столб и первая лампочка появились в детдоме. Нелли Ивановна хотя и не верила в успех, тем не менее вывела всех, даже маленьких детей, к «священному» столбу, как на демонстрацию. Когда Прок повернул выключатель, все радостно захлопали в ладоши и закричали: «Ура!»

– На здании Ленэнерго в Ленинграде во весь фасад светилось выражение Ленина: «Коммунизм – это Советская власть плюс электрификация всей страны», – вспомнила Нелли Ивановна.

– Ну, значит, у вас в детском доме теперь коммунизм, – с иронией заметил Прок.

– Нет, Ленин говорил об электрификации всей страны.

Каждый вечер Виктор с Проком запускали движок. Теперь Виктор знал, как надо крутить маховик, чтобы избежать удара по рукам, и каждый раз с волнением включал рубильник, давая свет всей деревне.

«Электрификация» существенно повлияла на культурный досуг деревенской молодежи.

На вечерки, проводимые каждое воскресенье в одном из домов, керосин для лампы собирали всем миром, кто сколько может. Поэтому заканчивались они каждый раз в разное время, иногда и за полночь. Теперь все знали, что «лампочки Прока» зажигаются в девять и гаснут в одиннадцать.

Виктору и Валерке давно хотелось посмотреть, что такое вечерка, тем более что местные девчонки, учившиеся с ними в одном классе, по понедельникам судачили о них не только на переменах, но и на уроках как о значительном событии.

О вечерках знали и в детдоме, оправдывая их как

единственное развлечение деревенских подростков. Кино здесь никто никогда не видел. Но разговоры воспитательниц тем не менее всегда заканчивались выводом, что детдомовским ребятам там делать нечего.

Теперь, когда свет выключался в одиннадцать, можно было сходить на вечерку, не опасаясь выговора за нарушение режима. Тем более что из-за хозяйственных нужд Виктору с Валеркой частенько приходилось ложиться спать намного позже остальных ребят.

После ужина Стогов и Спичкин вышли на единственную в деревне улицу и, глядя, как молодежь тянется к дому Грошевых, поняли, что вечерка будет там.

В маленьком коридорчике от обуви некуда было ступить. Правда, разобраться в принадлежности ее определенным хозяевам было несложно. Ботинки связывались шнурками, пимы[18] и сапоги вставлялись голенищами один в другой.

Витька с Валеркой нашли местечко для своих валенок. Размотав портянки, остались в одинаковых носках ядовито-синего цвета. Робко и незаметно они протиснулись в горницу и остановились возле двери. В комнате было душно от тяжелого запаха пота и табачного дыма.

В углу на лавке, опоясывавшей все стены комнаты, сидел гармонист, наигрывающий простенькие мелодии, под которые внутри круга две-три пары отплясывали что-то вроде чечетки. Нередко частушки сопровождались непристойными вкраплениями и взвизгиваниями девчат. Были и ребята, человек пять-шесть, ровесники или чуть старше Стогова и Спичкина. Были и женщины значительно старше ребят.

Устав, девчата в изнеможении плюхались на лавку, для разнообразия берясь за семечки.

Вскоре пляска сменилась незамысловатой заунывной песней одной из женщин, которую тотчас поддержали еще два-три голоса:

Дайте мне чернила, дайте мне перо,
Напишу я другу, другу письмецо…

Гармонист, не делая паузы, с завершением последней строчки последнего куплета перешел снова к плясовым ритмам.

К Витьке подскочила одна из девчонок. В виде приглашения на танец она лихо отбила перед ним чечетку, схватила его за руку и потянула в круг. Это было неожиданно. Он шел, немного упираясь, но все-таки оказался внутри круга. Петь частушки он не

умел, тем более плясать чечетку. Стукнув ногами пару раз по полу, скорее всего невпопад, он устремился обратно к стене. Но настырная девчонка последовала за ним и тем же способом пригласила Валерку.

Виктор удивился, с какой легкостью его друг оказался в круге. Он от неожиданности замер, когда увидел, как Спичкин стал выкидывать замысловатые коленца рядом со своей партнершей. А та обрадованно схватила его за плечи и стала кружить в центре круга под веселые возгласы остальных девчат.

– Ну, ты даешь! – удивленно заметил Стогов, когда, сделав перерыв, Валерка оказался рядом.

– А что! Ты помнишь, в Ленинграде я ходил в Дом культуры железнодорожников в танцевальный кружок.

Валерка сделал еще несколько выходов с той же партнершей, после чего друзья отправились домой.

Едва они сошли со ступенек, как кто-то сильно дернул Валерку за плечо.

– Еще раз подойдешь к Дашке, ноги переломаю! – пригрозил парень и ударил Валерку в лицо.

Это произошло совершенно неожиданно, но Виктор среагировал молниеносно. От его удара с парня слетела шапка. Зажав руками окровавленный нос, он, гнусавя, стал громко ругаться.

– Не попадайся нам, а то еще получишь! – предупредил Стогов.

Опомнившись, Валерка хотел заехать парню в ухо. Но Виктор остановил:

– Хватит с него, пойдем!

Утром Валерка обнаружил огромный синяк у себя под глазом. Вместе они начали сочинять историю о том, как Валерка упал с крыльца.

– Надо сделать так, чтобы Эльза не узнала о нашей «вечерке». Издеваться будет до конца жизни, – предупредил Виктор.

Тревога о том, что старшие ребята пропускают школьные занятия, не давала покоя Нелли Ивановне. Сколько раз она давала себе зарок, что это – ее последнее поручение, а дальше у мальчишек будет только школа!.. Ничего не получалось…

И как только она не пыталась наладить им учебу! Переносила неотложные хозяйственные дела на вечер, просила учителей заниматься с ними во второй половине дня…

Новый придуманный ею способ удивил всех. Директор обязала воспитательниц выбрать себе предмет по желанию, освежить по нему знания и каждую свободную минуту использовать для занятий с шестиклассниками. Себе она взяла

русский язык и литературу, Веронике Петровне предложила историю, Александре Гавриловне досталась математика. Но сеять «разумное, доброе, вечное» просто было некогда.

Пока завозили дрова, кончилось сено под крышей хлева. Стога находились не ближе десяти километров от деревни. В день больше одной ходки за светлое время суток не получалось.

Трудно было совместить школу и хозяйство. Надо было выбирать, что важнее. И нужды более чем сотни детишек безошибочно подсказывали, чем придется пожертвовать.

Временами ленинградцам казалось, что они уже приспособились к сибирскому климату и нравам местных жителей, что новый быт вошел в определенное русло, что можно несколько расслабиться, помечтать, даже заглянуть в будущее, поглубже спрятав в памяти картины голода, холода, бомбежек… Однако жизнь не позволяла успокаиваться надолго и нередко преподносила сюрпризы.

Еще осенью руководство района распорядилось совместить еженедельную доставку в деревню почты из Асина с доставкой продуктов для детского дома. Председатель возложил эту обязанность на Грачева – мужчину лет пятидесяти, почему-то не призванного в армию. Грач, как его называли в колхозе, производил впечатление тихого, немногословного, чем-то постоянно озабоченного человека.

Повариха Польди, взвесив жир, масло, сахар, посчитав коробки спичек и сверив все с накладными, убедила директора, что Грач честный человек и ему можно доверять. Садясь в кухне за стол после сдачи продуктов, он молча съедал угощение и, поблагодарив, уезжал. Он не давал повода для волнения, приезжая каждую пятницу в девять-десять часов вечера.

Нелли Ивановна уже обдумывала, чем отблагодарить Грача в преддверии Нового года. Однако в последнюю пятницу он не приехал ни в девять, ни даже в двенадцать.

Едва забрезжил рассвет, директор пришла в старшую группу, тронула Виктора за плечо и, приложив палец к губам, шепнула:

– Оденься и выйди на крыльцо.

Как только Стогов прикрыл за собой дверь, Нелли Ивановна озабоченно сказала:

– Виктор, вчера почтальон не приехал. Надо сбегать к Никитичу. Может, он что-то знает.

Выйдя на улицу, Стогов сразу увидел у калитки лошадь почтальона: ее легко было узнать по белому пятну во весь лоб. Витька окликнул директора. Вдвоем они подвели лошадь к дверям кухни, в которой уже орудовала Польди.

Услышав, что почтальон пропал, повариха схватилась за сердце, прежде всего думая о пропаже продуктов.

– Все-таки сходи за Никитичем, – сказала директор Виктору. – Он поможет разобраться. Пока не надо трогать то, что лежит на санях.

Никитич пришел скоро. Он молча и внимательно осмотрел содержимое саней, тихо сказав сам себе: «Ах ты, Грач, чертов сын, не удержался!» – и объяснил Нелли Ивановне:

– Тут разбираться нечего. Грач, видимо, перебрал крепко самогонки. Понюхай подстилку – закусить тянет. Да вот, гляди, и четверть[19] пустая. Скорее всего, заснул. Лошадь, почуяв волков, понесла. Может, он сам вывалился, может, схватив за полу тулупа, волки стащили его на дорогу. Продукты ваши: ящики, коробки, мешок с мукой не тронуты. Лошадь пришла к вам, потому что останавливалась в деревне сначала у вас…

– А почту что, тоже волки съели? – перебил Виктор.

– Бумагу и ты в блокаду, наверное, не ел. Мешок с почтой, скорей всего, где-то на дороге валяется. Я сейчас поеду, поищу, где это случилось.

– Что же вы, Савелий Никитич, не сказали, что он любит выпить и, как вы выразились, может «перебрать»? – упрекнула директор.

– А что, ты не согласилась бы на него? Где я тебе возьму другого! Молчишь? Вот то-то же! Теперь надо думать, кем его заменить. Ладно, поищу почту, может, что еще осталось на дороге. Вернусь – подумаем.

Никитич вернулся скоро. Трагедия развернулась в двух километрах от деревни. Здесь председатель нашел мешок с почтой, разорванный в клочья тулуп, стеганку, тряпки в крови. Целой и невредимой осталась волчья шапка.

Никитич присутствовал и на собрании всего персонала детдома.

– Дорогие мои! – начала Нелли Ивановна. – Трагедия, произошедшая с почтальоном, обернулась бедой и для нас. Мы с Полиной прикинули, что, даже экономя, нам продуктов хватит только на шесть дней.

– Господи! И тут тень блокады накрыла нас! – серьезно заметила Вероника Петровна.

– Ивановна, что кудахтать зря! – вмешался Никитич. – Надо определить Витьку. Другого выхода я не вижу!

– Не пущу! – выкрикнула Алексеевна. – Не пущу – и всё! Из девяти детей при мне только один остался! Побойтесь Бога, люди! Давайте я сама буду ездить.

– Нет, негоже бабе одной по тайге шастать, – вмешался

Никитич.

Все молчали, переживая свою беспомощность.

– Ну что ж, будем думать, – тихо произнесла директор.

– На моих не надейся, Ивановна, – предупредил председатель. – Приказать я не могу, а отрываться на целый день никто не согласится. Это только в городе придумали, что зимой крестьянин отдыхает. Еще шибче надо работать. День-то короткий.

Всю неделю обстановка оставалась напряженной. О разговоре на собрании узнали и старшие ребята.

В четверг к директору снова пришел председатель.

– Кликни мне Алексеевну и Витьку! – распорядился он.

Директор велела позвать мать с сыном.

– Ты вот что, Алексеевна… Мне Витька дорог, даже очень, он смышленый, смелый!

Нелли Ивановна с удивлением смотрела на председателя, не ожидая от него такой сентиментальности.

– Ведь Грач был сильно пьян, потому и вывалился из саней, когда лошадь понесла, – продолжил председатель. – У него не было ружья. А волк – зверь умный, не будет преследовать, если на него хотя бы навести ствол, не то что выстрелить. Витьке я дам свое ружье и патроны. В первую ходку я сам поеду с ним. Хочешь, Алексеевна, давай с нами – убедишься.

Александра Алексеевна и сама понимала безвыходность ситуации.

– Да чего же я с вами поеду? Только лошади в тягость.

– И то правда! Как говорится: «Баба с возу – кобыле легче»! – улыбнувшись, заметил Никитич.

Услышав, что Никитич обещает ружье, у Стогова загорелись глаза. Теперь его никто не мог отговорить, даже мать.

Решено было ехать на Цыганке: она выглядела резвее Осла. Рано утром Витьку, как будто в кругосветное путешествие, проводить вышли все взрослые и старшие ребята. Он, с трудом сдерживая эмоции, не спеша проверял упряжку. Сначала надо было заехать за председателем, поджидавшим его возле своего дома.

Мать, сдерживая слезы, укутала ему ноги ватным одеялом и перекрестила.

Уставшие от зимы взрослые и дети с нетерпением ждали весну. Но зима свои позиции сдавала неохотно. Вроде солнце встает рано и светит ярко, а снег по-прежнему, куда ни глянь, покрывает землю ослепительно белым одеялом. В середине апреля, по ленинградским понятиям, о снеге и не вспоминалось

бы. Здесь же не верилось, что когда-нибудь можно будет освободиться от снежного плена.

Вскоре для воспитательниц наступила тяжелая пора. Несмотря на ежеминутные предупреждения не лезть в лужу, дети, продолжая лепить снежную бабу и катая снежный ком, залезали в глубокие проталины, намочив не только варежки, но и рукава пальто по самый локоть.

Изабелла Юрьевна извелась, предупреждая воспитательниц о переохлаждении, простуде, воспалении легких, и рисовала страшные картины возможных последствий. Однако, к изумлению воспитательниц и врача, дети не простужались и не болели.

После каждой прогулки помещения групп превращались в сушилки, завешанные паутиной веревок, на которых висело всё: от пальто до трусиков.

Ездить по деревне днем стало невозможно. Сани не скользили, а плыли в глубокой колее, расталкивая, как ледокол, смесь снега, льда и воды.

Для старших ребят это был период наименьшей занятости хозяйственными работами. Этим воспользовалась директор, чтобы заставить их наверстывать знания, упущенные зимой.

Но Стогов по-прежнему продолжал каждую пятницу ездить в

райцентр за продуктами и почтой. Он так много рассказывал Валерке о своих приключениях в тайге и в Асине, что тот перестал сомневаться в их правдоподобии, хотя раньше прерывал Витьку однообразным: «Хватит врать-то!» Теперь, когда наступило некоторое облегчение в заботах по хозяйству, у него появилось желание поучаствовать в происшествиях, о которых рассказывал друг.

– Витька, упроси Нелли Ивановну отпустить меня с тобой. Ну придумай какую-нибудь причину…

В кабинете директора сидела Вероника Петровна, которой Стогов всегда немного стеснялся. Директор нетерпеливо спросила:

– Что у тебя?

– Нелли Ивановна… – Он начал подыскивать слова, с чего начать. – Тут такая штуковина получается. А кто меня подменит, если я заболею или что в дороге случится: сломается колесо, оглобля, да мало ли что? Я же не могу продукты оставить в лесу и уйти в деревню.

– Что ты городишь: «заболею», «сломается оглобля»… Говори яснее!

– Ну, надо, чтобы Валерка со мной хоть разок съездил, запомнил дорогу, узнал, куда ехать за продуктами и почтой, как это все получать.

– Ага, захотелось дружкам вдвоем прокатиться. Ты это один придумал или с Валеркой?

– А по существу он прав, – вмешалась Вероника Петровна.

Такой поддержки Витька никак не ожидал и потому смело перешел в атаку.

– А вы забыли, как мы с Валеркой в Ленинграде на большой тачке возили продукты с набережной Обводного канала для всего детдома, как попали под обстрел, как мне осколком засадило в ногу? Мы же не бросили продукты на дороге!

– Ну-ну, хватит аргументов! Скажи матери, что в этот раз вы вдвоем поедете. Ей спокойнее будет.

Несмотря на страсть поспать, Валерка вскочил раньше Виктора. Едва тот продрал глаза, Валерка напомнил, что надо не забыть ружье. Похоже, ружье для него было главным интересом поездки. Не успели они тронуться, он забросал Витьку вопросами о нем: какой калибр, как заряжается, далеко ли стреляет, как надо целиться. И в конце концов предложил:

– Витька, дай мне его в руки, чтобы быть готовым, если волки нападут или сибалонец выскочит из кустов. Мало ли что!

Виктор с неохотой вытащил ружье из-под соломы и передал

другу. Валерка не отпускал его, даже когда Стогов развернул полотенце с завернутыми в нем хлебом, салом, яйцами и картошкой, ел одной рукой.

Сорок километров за разговорами промелькнули почти незаметно.

На обратном пути, едва они отъехали от райцентра, Валерка изложил свою заветную просьбу:

– Витька, дай стрельнуть разок! Ты же говорил, что Никитич давал тебе пострелять, когда вы ездили с ним в первый раз.

Он смотрел на друга таким умоляющим взглядом, что Витька не смог отказать ему. Валерка взял патрон и, пока Стогов убирал коробку под солому, вставил его дрожащими руками и, даже не подняв ружье, нажал курок.

От выстрела Цыганка присела на задние ноги, как для прыжка, потом рванула с такой силой, что Валерка с ружьем, бидон с лярдом[20] и ящик с галетами вывалились из телеги. Виктор удержался, потому что сидел на передке. Он натянул поводья и остановил напуганную лошадь.

– Ты что, сдурел?! Надо было слезть, отойти от телеги и стрелять в сторону леса! Теперь собирай всё!

Остаток пути они проехали почти в полном молчании. Однако долго дуться друг на друга друзья не могли. Все-таки они оставались основной «тягловой силой» всего детдома. Остальные ребята и по возрасту, и по смекалке, и по авторитету были лишь мальчиками на побегушках.

Глава 3
Сибирский быт полной пригоршней

Уже давно стало правилом, когда приезжал Никитич, к директору приглашались и Стогов со Спичкиным.

В этот приезд, завидев ребят, Никитич сам окликнул их:

– Эй, сорванцы, дело есть важное!

Никитич спешил, поэтому его слова выглядели как приказ для участников совещания.

– Ивановна, пока не начались весенние проливные дожди, надо провести пахоту и посадку. Я дам тебе делянки под капусту, картошку, морковь, свеклу. Если надумаешь, дам участок для турнепса…

– А что это такое? – перебила директор.

– И ты тоже не знаешь, что это такое? – удивленно спросил он у Стогова.

– Почему не знаю? Знаю. Это вроде брюквы, но невкусный. Я ел его.

– Сам ты брюква невкусная! Это корм для скота, очень даже вкусный и полезный, спроси у коров. Ты ешь его побольше, мычать будешь громче и хрюкать веселее! – засмеялся Никитич, довольный своей шуткой. – А сейчас поедем со мной в поле, покажу вашу пахоту.

– Все, кончились хорошие денечки, опять впрягайся… – уныло заметил Спичкин.

– А ты думал, вы и дальше будете жить нахлебниками при колхозе? Вы мне и так дорого обошлись. Селяне не возмущались

только потому, что вы из голодного Ленинграда и совсем не такие, как наши детдомовские «бандиты».

…На пахоту собирались, как на переселение. Помимо запаса продуктов взяли палатку, предоставленную Никитичем, чтобы ночевать в поле и не терять время на поездки. На две подводы положили два плуга, брезент для подстилки, два одеяла.

Сначала кашеварить наметили Эльзу. Польди объяснила ей, как готовить немудреные сибирские блюда. Но в последний момент Изабелла Юрьевна отсоветовала посылать девочку, ссылаясь на то, что ребята там будут жить целую неделю и спать всем придется в одной палатке.

– Они хоть и дети, – с какой-то таинственностью говорила она, – но вроде бы уже не такие маленькие, и вообще, мало ли что?

Ни Эльза, ни мальчишки ничего не поняли, и, к огорчению ребят, девочку оставили в детдоме, поручив готовить пищу Валерке.

Едва начинало розоветь небо на востоке, Виктор шел разыскивать лошадей, а Валерий разжигал костер, набирал из ближайшего болота воду и варил пшенную кашу.

Работали ребята рядом с колхозницами, которые не скрывали восхищения трудолюбием детдомовцев. Иногда, во время перерыва на обед, они приходили на пашню, предлагая помощь, особенно когда надо было сажать картошку.

Опытный Никитич оказался прав, говоря, что надо успеть закончить до начала дождей. Успели!

Только здесь, в Сибири, Виктор почувствовал, что лето не такое уж длинное, как казалось до войны. Даже не верилось, что можно было отдыхать в пионерском лагере по две смены. Правда, вторая смена уже тяготила своей схожестью с первой: строгим распорядком дня, похожими, как отработанные цирковые номера, мероприятиями. Даже игры в «войну» проводились по сценариям, написанным как под копирку, в двух экземплярах для первой и второй смен. Начиналась и заканчивалась «война» на одной и той же лужайке с объявлением победителей, тоже определяемых заранее.

Здесь же лета едва хватало на пахоту, посев, прополку, заготовку сена, его скирдование и на непрекращающуюся заготовку дров. Все эти мероприятия, которые Никитич называл кампаниями, вызывали интерес и любопытство по первому разу.

Правда, косить Виктор любил всегда. Видимо, потому, что это было целое искусство: отбить косу – отточить до такого состояния, что ею можно бриться, – замахиваться и вести лезвие

так, чтобы трава срезалась на одном минимальном уровне. Так косила его мать, и он, идя за ней, приспосабливался к ее ритму и темпу, как музыкант в камерном оркестре. Витька с иронией и чувством превосходства смотрел на других косарей, полосы у которых были похожи на стрижку головы плохим парикмахером, работающим вдобавок тупыми ножницами.

В редкие дни друзьям удавалось сходить в тайгу за кедровыми шишками. Витька с Валеркой знали место у Медвежьей горы, где ветки кедров едва не сгибались от их тяжести. Первый их выход закончился конфузом. Похваставшись, что принесут целый мешок, они отправились в облюбованное место. С помощью веревочных петель забрались по стволам до веток с шишками и начали сбивать их палками. Каждый был уверен, что под деревом их ждут десятка два шишек. Но, к их удивлению, хороших шишек на земле почти не оказалось. Зато белок было много. Словно в насмешку, одна из них взяла в лапы шишку, осмотрела ее, что-то откусила и потом бросила. Как оказалось, эта шишка имела мелкие, недозревшие орешки.

Эльза не смеялась над их неудачей, она только заметила, что Павлик угощал ее более крупными орехами. Потом, когда они ходили за шишками втроем, Эльза отгоняла нахальных белок.

Повторяемость на протяжении нескольких лет одних и тех же кампаний надоедала ребятам. Поэтому появление в деревне нового человека каждый раз становилось событием и запоминалось надолго.

Как-то одна из сотрудниц, направляясь к реке с ведрами, заметила дым, поднимающийся из трубы бани, и мужчину, курившего на крыльце. Услышав об этом, Нелли Ивановна насторожилась: завтра намечалась помывка детей, а сегодня надо было принести в предбанник белье и дрова. Все собравшиеся с тревогой смотрели друг на друга, не готовые ответить на вопрос: кто первым войдет в баню?

В Стогове заговорило чувство мужской гордости.

– Я ружье возьму, Валерка – топор! Что мы, не справимся с одним мужиком? В блокаду на чердаке сигнальщика брали, может, даже вооруженного. И ничего, не побоялись…

– Знаю я, как вы брали!.. Хорошо, что он разбросал вас по сторонам, а не швырнул с крыши, – перебила Нелли Ивановна.

Стогов обиделся, удивившись, что Нелли Ивановна помнит их неудачу по задержанию диверсанта на чердаке дома.

– Лучше беги за Никитичем! – приказала она. – Если он даст добро, тогда возьмешь ружье.

Никитич пришел быстро и, прежде чем идти в баню, подошел

к директору.

– Чего испугалась-то, Ивановна? Аль не знаешь, кто живет в наших краях?

– Знаю, но не очень верю. Может быть, бандит… Надо бы как-то сообщить в милицию.

– Какой же бандит будет топить для вас баню? Я же вам говорил, что милиции здесь нет и еще сто лет не будет. И зачем милиция? Это – человек, и один Бог знает, как он сюда попал. Может, он и сам не знает, за что был сослан… А ты зачем ружье взял?! – накинулся Никитич на Стогова. – Он что, на кого-нибудь из вас напал? Или хочешь премию получить за его поимку? У нас так не делают… Не пугайся, – обратился он к директору, – и его не пугай, он не из пужливых. Пойдем-ка к нему вместе со мной. Да, еду захвати, может, он голодный! Витьку с Валеркой возьми заодно!

– Нет! Мы не в зоопарк идем! – возразила директор.

Никитич долго и шумно вытирал ноги, прежде чем войти в предбанник. Его примеру последовала директор.

В бане оказалось двое мужчин: обросшие, небритые, они оба выглядели стариками. Тот, что постарше, часто и утробно кашлял.

– Есть будете? Вот женщина принесла кастрюлю супа и хлеб, – обратился Никитич к ним так, будто пришел к знакомым.

– Можно. Мы ненадолго. Вот приятель мой немного очухается – и мы уйдем. Лягавых здесь нет?

Вопрос о «лягавых» Нелли Ивановну несколько насторожил. Она слышала, что среди уголовников так называют милиционеров.

– Нет, откуда они здесь! – ответил Никитич.

– Подпилок бы – «браслеты» снять, руку натер до крови. – Младший показал запястье левой руки, обмотанное тряпками.

– Найдем! – Никитич подсел поближе. – Детдом здесь. Эвакуированные из Ленинграда, блокадные детишки, значит. А это директорша…

– Из Ленинграда? Из самого города? – с волнением произнес старший. – Ну, как там? Выдержат? Немцы не войдут в город? Много погибших? А Васильевский остров здорово пострадал? Вы, случаем, не с Васильевского?

Он задавал вопрос за вопросом, глядя на Нелли Ивановну, и почти не давал возможности ответить ни на один из них. Но потом сильно закашлял и, повалившись набок, зарыдал.

– Ну ладно, Доктор, не раскисай! – подошел к нему напарник.

– Не трогайте его! – Нелли Ивановна дернула за рукав младшего. – Он сам успокоится.

Младший, как бы извиняясь, заметил, что когда Доктор вспоминает о Ленинграде, всегда плачет.

Все умолкли. Вскоре перестал рыдать и тот, кого называли Доктором. Он медленно поднялся, вытер рукавом сначала один, потом другой глаз и тихонько прошептал:

– Простите!

Нелли Ивановна подошла к нему, протянула носовой платок и спросила с упреком:

– Что же вы, доктор, так запустили свой кашель?

– Я доктор исторических наук и с медициной у меня отношения на уровне кухни.

– Ладно, посидите, я сейчас приведу доктора, у которой отношения с медициной самые непосредственные.

– Ивановна, пусть Витька принесет напильник, у него он есть.

– Зачем других звать? – насторожился младший.

– Я не могу пилить. – Никитич показал укороченную высохшую руку. – Не волнуйся, это настоящий парень.

Нелли Ивановна шла от бани, рассуждая: «Черт с ней, с этой помывкой! Днем раньше, днем позже. Первый раз судьба столкнула с доктором наук, и где? Никитич говорит, нельзя спрашивать, за что сослан. Но доктор же сам сказал, что он из Ленинграда. За что же его упекли сюда?» – задала она сама себе вопрос. Сама же и ответила: «Да за что угодно. Посадили же мужниного начальника за то, что процитировал: «В коммунизм из книжки верят средне. „Мало ли что можно в книжке намолоть!“» Секретарь парткома ГЭС не знал, что это слова пролетарского поэта Маяковского, твердя, что о коммунизме книжки писали Маркс, Ленин, Сталин, а они не могли „молоть“. А дальше про цитату забыли и уже раскручивали обвинение в оскорблении классиков марксизма-ленинизма и антисоветчине. В результате – восемь лет».

– Изабелла Юрьевна, – назидательно начала директор, – вы сейчас пойдете в баню. Там двое мужчин. Да не падайте вы в обморок! Это ваши пациенты. Выбросите из головы интеллигентскую щепетильность и брезгливость! Они грязноваты. Окажите им помощь. Задавайте вопросы, только касающиеся здоровья. Ни одного лишнего слова, если не хотите, чтобы они вас убили. Если они вас не убьют за нездоровое любопытство, то убью вас я. Все вопросы мне и сейчас.

– Это каторжники? Уголовники или политические?

– У вас до войны никого из родных или знакомых не арестовывали? – задала встречный вопрос директор.

– Я на этот вопрос отвечать не буду!

– Ну вот и хорошо! А я больше спрашивать не буду. Идите и

будьте умницей!

Зная неуемное любопытство Виктора, Нелли Ивановна объяснила ему, как себя вести, примерно так же коротко, как и врачу.

Однако все сложилось иначе. Едва Виктор вошел в предбанник, старший поманил его к себе:

– Ты из Ленинграда?

– Угу! – предупрежденный директором, с опаской ответил Стогов.

– А Васильевский знаешь? Был там?

– Угу!

– А где жил до начала войны?

– Я всю жизнь прожил на Воронежской. А чего, дядь, вы спрашиваете про Ленинград?

– У меня там сын остался. Он, наверное, такой же, как ты. Правда, я не видел его с тридцать восьмого года. Не встречал такого мальчика – Сережу Пронина?

– Не-а.

…Баню для детей провели через два дня. Дрова для нее накололи двое посторонних мужчин, которым, по сибирскому обычаю, директор разрешила помыться первыми.

Чистый, даже помолодевший Доктор после бани поцеловал руку директорше.

– Какая вы благородная и в то же время властная, как Екатерина Великая…

Нелли Ивановна улыбнулась:

– Если мне не изменяет память, она была деспотичной и лицемерной. Вы находите эти качества и у меня?

– Нет-нет. Этими вульгарными трафаретами награждались все цари и царицы Российской империи. В эти политические одежды их стали наряжать с восемнадцатого года. Верьте мне, профессору истории.

Расчувствовавшись, его молодой напарник развязал свой мешок и извлек из него красивую черно-бурую лисью шкуру и две ослепительной белизны заячьи шкурки.

– Это вам, Екатерина Великая. Конечно, мех не горностая, но и не кошки.

– Нет-нет, – испуганно замахала руками Нелли Ивановна, – это чужое, я не могу принять…

– Уж не думаете ли вы, что это краденое, сударыня? – с обидой заметил даривший. – Испуг ваш напрасен. Сейчас, когда в деревнях нет охотников на зайцев, их развелось великое множество и ловить их на петли нет ничего проще. Ты разве не ловишь? – обратился он к Стогову.

– Не-а.

– Отчего же?

– А как? Я не умею.

– Эх ты! Вот гляди: петля из тонкой проволоки. Наделай таких штук тридцать – сорок. Найди хорошие заячьи тропы. Ты ведь знаешь: заяц бегает только по своей тропе. Привязывай петли к кусту, пню, коряге на высоте заячьей головы. Косой бежит и не видит тонкой проволоки. Петли ставь вечером, а утром обойди и проверь их. Иначе волки или лисы сожрут твою добычу.

– Дядь, а как лису поймать? – У Стогова загорелись глаза, глядя на серебристый пушистый мех.

– Лиса попалась сама, случайно. Она уходила от меня по заячьей тропе, ну и влезла в петлю. Если бы меня не было рядом, оборвала петлю и ушла. На́ тебе на удачу пяток моих петель!

Беглецы исчезли так же внезапно, как и появились. Никитич сказал, что впервые видел сибалонцев, которые так много говорили о себе.

Весь остаток дня Витька провел за изготовлением петель, сожалея, что до зимы еще далеко.

Вести о войне, тем более о Ленинграде, приходили редко, с большим опозданием. Радио в деревне не было. Прок мог, но не хотел сделать радиоприемник, боясь вступить в конфликт с властью, запретившей ими пользоваться. Письма с фронта шли больше месяца. Часто пользовались слухами, сильно искажавшими действительность.

Но война, несмотря на удаленность, чувствовалась и здесь.

Не так уж редко в деревне раздавался многоголосый плач. Так бывало всегда после получения похоронки с фронта. В доме погибшего собирались женщины почти со всей деревни. Начинали голосить еще у калитки и, доходя до горницы, рыдали навзрыд. Сотрудницам детдома и старшим ребятам это казалось странным и жутковатым.

– Чего они все-то воют? – как-то спросил Виктор председателя, оглядываясь на дом, расположенный напротив правления колхоза.

Обычно общительный, сейчас Никитич выглядел печальным, и Стогов приписывал это мрачному воздействию раздававшегося плача.

– Вон тетка Дарья, продавщица сельпо, совсем с другого конца деревни, – продолжил Виктор, – тоже притащилась и воет громче всех.

– А ты знаешь, кто погиб?

– Да, отец Саньки Грошева.

– А как фамилия тетки Дарьи?

– Не знаю.

– Грошева она. А как моя фамилия, тоже не знаешь?

Стогов смутился, потому что, кроме как Никитич да Сухорукий, председателя никак не называли, да и из местных никто не величал его по имени-отчеству – Савелием Никитичем, не говоря уже о фамилии.

– Вот то-то же! Грошев я. У нас вся деревня состоит из Грошевых, Федоренко, Феоктистовых. Потому все и плачут. У вас в городе, поди, не так.

– Не так. Никто не плакал. Не мог плакать, сил не было и слёз тоже.

Виктор рассказал о похоронах своей сестры, которая после ранения в легкое в декабре сорок первого так и не смогла выздороветь. Зашив ее в простыню, они с матерью, обессиленные и убитые горем, целый день везли труп на детских санках до самого Волкова кладбища. Это настолько врезалось в память, что другие, довоенные многолюдные похоронные шествия по улицам до самого кладбища он и не запомнил.

Радовались в деревне тоже сообща. И радость эта сейчас, как правило, была также связана с войной. Когда возвращался кто-то на побывку после ранения или инвалидом, непригодным к службе, народ опять шел толпой. Одним хотелось взглянуть на вернувшегося счастливчика, другим надо было уточнить, не встречал ли он на фронте родственника, третьим хотелось услышать что-нибудь о войне.

Дождался такой радости и председатель.

В конце января сорок третьего года Нелли Ивановна ездила в район вместе с Валеркой, правившим лошадью. Но возвращались они не как всегда, поздно ночью, а значительно раньше. В сумке директора лежала газета с сообщением о прорыве блокады Ленинграда. С радостными слезами на глазах она снова и снова перечитывала строки сообщения о том, как войска Ленинградского и Волховского фронтов перешли в наступление и через неделю ликвидировали «бутылочное горло», разъединявшее Ленинград с Большой землей. В статье мелькали милые, дорогие ей с детства названия населенных пунктов: Шлиссельбург, Московская Дубровка, Рабочие поселки номер один, три, пять, восемь. Читая их, Нелли Ивановна громко всхлипывала.

– В этих местах, – говорила она Валерке, – прошло мое детство, там остались все мои родственники.

Немного успокоившись, женщина поведала, как, будучи маленькой, ходила с отцом по болотам за клюквой и в лес за грибами; как однажды, потеряв из виду отца, заблудилась и

проплакала всю ночь, сидя под березой. И совсем сразила Валерку, признавшись, что добивалась в начале блокады отправки в партизанский отряд, поскольку очень хорошо знала местные леса.

Валерка глядел на директора с удивлением и восхищением. Сейчас он видел в ней единомышленника по несбывшейся мечте о фронте – мечте, осуществление которой у них с Витькой было смыслом жизни в блокадном городе до самой эвакуации детдома.

За разговором они не заметили, как нагнали одинокого человека, шагавшего по ухабистой таежной дороге. Спина его возникла совсем близко из-за поворота, заросшего ельником и прикрытого большими сугробами снега. Эта встреча оказалась неожиданной даже для лошади. Она вскинула голову и притормозила, отчего, глянув вперед, директор и Валерка вздрогнули. В зимнюю пору мало кто ходил между деревнями, особенно этой дорогой, где на протяжении сорока километров не было никакого жилья. Путник был одет в шинель. Это успокаивало, но не сильно, потому что шинель была самой распространенной в это время одеждой и в ней мог ходить кто угодно.

Человек шел по колее под скрип снега под сапогами, не оборачиваясь, пока Цыганка едва не коснулась его спины. Оглянувшись, на какую-то долю секунды он замер, потом уверенно взял лошадь под уздцы и поздоровался.

Нелли Ивановна и Валерка настороженно ответили, рассматривая его заросшее щетиной лицо.

– В Ягодное? – спросил путник.

– Ага, – выдавил из себя Валерка.

– Не захватите? Я туда же, – улыбнулся он, понимая, что женщина и парнишка напуганы. – С фронта я, домой после ранения.

Бросив полупустой вещмешок вперед, ближе к Валерке, он сел рядом с Нелли Ивановной.

– А вы не наши! – убежденно сказал он. – Видимо, эвакуированные? У кого остановились?

– Ни у кого. Мы детский дом.

– Ах да! В райкоме мне говорили о вас, но не думал, что вот так, прямо на дороге, и встречусь с вами. Значит, из Ленинграда? До войны мечтал попасть в город Ленина. Ни в какой другой не было такой страстной тяги, как в него. Даже не пойму, почему так. Не объясните? Да! А новость-то знаете о прорыве блокады?

В глазах его отразилась такая светлая радость, будто освободили от противника его деревню Ягодное. У Нелли Ивановны и Валерки сразу пропала всякая настороженность и

подозрительность к незнакомцу.

– Да, вот везу эту радостную весть своим. – Нелли Ивановна снова вытащила газету. – А вы не с Волховского фронта?

– Нет. Я из-под Сталинграда. Месяц назад полоснуло осколком. – Он снял перчатку и показал два оставшихся пальца на левой руке. – Теперь в колхоз, навечно!

– Дядь, расскажите про фронт и как вас ранило? А чем вы командовали? – Валерка сыпал вопросами, пытался влезть в завязавшийся разговор попутчика с директором, словно опасаясь, что военному не хватит времени удовлетворить его любопытство.

Но незнакомец предпочел ответить прежде всего на вопросы Нелли Ивановны.

– У вас есть родные в Ягодном? – спросила она.

– Полно́, начиная с председателя, родного брата, и кончая племянниками, вот такими же сорванцами, как ваш. – Фронтовик показал на Валерку.

– Стало быть, вы Никитович?..

– Да, Егор Никитович. А вы? – обратился он к женщине.

– Нелли Ивановна, директор детдома, с которым, как нередко говорит Савелий Никитич, он хлебнул горя.

Попутчик расхохотался.

– Это он так, для красного словца, а вообще-то Савелий человек добрый, трудолюбивый. Не повезло ему в жизни. Руку-то видели? В детстве рукой в конную крупорушку[21] попал. Руку ему переломало. А могло и всего затащить в шестерни. Трудно в деревне инвалиду. Это у вас в городе можно получить образование, выбрать профессию, несмотря на увечье. А у нас что? Главное, мужик должен быть кормильцем. А какой он внешне, не важно. Да пусть хоть чуть краше лешего. Савелию еще повезло. Нашлась деваха, полюбила его. Так он от счастья одной рукой делал больше, чем иной двумя. Только счастье-то оказалось недолгим. Что-то с родами второго ребенка неладное было. Бабка-повитуха не справилась, не уберегла ни ребенка, ни мать… Вот такие дела. Недоброй к нему оказалась судьба. А за что?..

Несмотря на уговоры, Нелли Ивановна отказалась зайти в дом председателя, возле которого они высадили своего попутчика.

На следующий день радостные братья пришли вдвоем приглашать директора на ужин по случаю возвращения фронтовика.

– Не отказывайся, Ивановна, – подмигнул Никитич. – Может быть, это новый председатель колхоза тебя приглашает…

Известие о прорыве блокады Ленинграда вызвало в детдоме такую бурю восторга, которая едва не обернулась скандалом. В кабинете директора, где Нелли Ивановна зачитала эту новость воспитательницам, разразился нешуточный спор между теми, кто призывал к выдержке и спокойствию, и теми, кто жаждал немедленных действий, а именно: срочно направить телеграмму в Ленсовет о готовности детдома к реэвакуации и самим немедленно начать сборы к отъезду.

Нелли Ивановна измучилась, пытаясь примирить два спорящих лагеря. Последней каплей, выбившей ее из равновесия, было положенное на стол заявление двух молодых воспитательниц об «увольнении по собственному желанию в связи с самостоятельным возвращением в Ленинград».

Никто не ожидал от директора такой реакции – с «сибирским акцентом». Все с замиранием сердца слушали ее эмоциональный монолог, закончившийся словами:

– Разорвите свое заявление на части, когда пойдете в туалет, «самостоятельно возвращающиеся»!

Борьба мнений прекратилась, когда в дверь просунула голову Польди и сказала, что испуганные дети стоят толпой в коридоре, под дверью кабинета директора.

Изабелла Юрьевна, кивнув в сторону директора, шепнула Веронике Петровне:

– Слава богу, наконец выпущен пар, готовый к взрыву.

Еще долго между членами «враждующих» группировок сохранялась заметная напряженность. Но в конце концов время сделало свое дело: директор и «самостоятельно возвращающиеся» извинились друг перед другом.

После прорыва блокады Ленинграда в адрес детдома хлынул поток писем и запросов от родных и близких детей. Почти все они содержали просьбу о помощи найти своего ребенка. Просьбы высказывались по-разному: тут были и мольба, и слезное прошение, и требование, и даже приказ, написанный казенным чиновничьим языком.

Одна из просьб, написанная на шести листах, выглядела почти как настоящее литературное произведение, в котором автор описал свои чувства к жене, погибшей в блокаду, и сыну, эвакуированному из Ленинграда с детским домом номер 21 в деревню Ягодное.

Были конверты, в которых лежали довоенные фотографии ухоженных, пухленьких, нарядно одетых детишек, с просьбой опознать их среди детдомовских. Эта задача была не из легких. Все-таки прошло немало времени с трагической зимы сорок

первого года, когда эти дети, осиротевшие, предельно истощенные, полуживыми попадали в детдом, часто не помня ни своих фамилий, ни имен, и были заново названы воспитательницами: Лера Ладожская, Сережа Петропавловский, Ким[22] Независимый. Дети подросли, да и одежда на них сильно отличалась от той, что на фотографиях. Нередко эти опознания были удачны, но случались и курьезы, приводившие в смятение директора и воспитательниц.

Как-то пришло письмо от женщины из Казани, которая была эвакуирована из Ленинграда с военным заводом и оставила трехлетнюю дочь Галину Веселову с бабушкой. Мать узнала, что после смерти бабушки дочь эвакуировали куда-то в Сибирь. Женщина вложила в письмо фотографию, по которой просила опознать ее дочь.

Вероника Петровна нашла сходство ребенка на фотографии с девочкой, которую еще в Ленинграде нарекли Валей Скороходовой, и попросила Нелли Ивановну перепроверить ее.

Директор подозвала девочку:

– Валечка, посмотри на фотографию. Скажи, ты узнаёшь эту девочку?

– Нет.

– А она тебе нравится?

– Да.

– А что тебе в ней нравится?

– У нее платье красивое.

– Господи! – воскликнула старая воспитательница. – Да она совсем не похожа. Это я в своем воображении поторопилась создать сходство! Что же делать?

– Нам надо быть очень осторожными. Если есть сомнение, лучше приглашать родственников приехать сюда к нам. Травма от нашей ошибки может иметь тяжелые последствия.

В войне уже чувствовался перелом в нашу пользу, люди стали активнее искать родственников и близких. Почти с каждой почтой начали приходить письма от Сергея Яковлевича Пожарова. Эльза носила их с собой и читала по многу раз. Часто она вместе с Виктором садилась и перечитывала наиболее интересные отрывки из фронтовой жизни отца. Ее глаза при этом блестели от радости, а ямочки на щеках напоминали довоенную девчонку-сорвиголова, которая в пионерском лагере не отставала от мальчишек при набегах на чужие яблоневые сады. Почти в каждом письме отец упоминал Виктора и Валерия, вспоминая, как он познакомился с ребятами в лагере. Эльза со Стоговым лежали тогда в лазарете после того, как Виктор спас ее, вытащив, едва не захлебнувшуюся,

из реки.

Когда Эльза прочитала выдержку: «Теперь из твоих писем я все больше убеждаюсь, что возле тебя настоящие друзья – Стогов и Спичкин, с которыми, как сейчас говорят, не страшно пойти в разведку», Виктор едва сдержал слезы.

– Ты обратил внимание, что папа ни в одном письме не упоминает о маме? Ведь он же очень любил ее.

– Нет, не обратил.

– Это потому, что я не выдержала и написала ему про всё: как мама опустилась, как внушала мне волчий закон – в минуту опасности волчица бросает детенышей, чтобы самой выжить; как отщипывала кусочки от моей доли хлеба и выгнала меня, когда я потеряла свою хлебную карточку; как она требовала, чтобы ты, Витька, научился воровать и делился наворованным с ней. Помнишь? Он поэтому и не упоминает о маме, чтобы не огорчать меня. Я ведь у него теперь одна…

Эльза разрыдалась и уткнулась головой Виктору в плечо.

– Ну-ну. А может, ты зря написала всю правду? Она ведь с ума сошла от голода. Можно было бы что-нибудь другое выдумать: в ту зиму всякое было. Ты подумала, как он пережил все это, узнав о Марии Яковлевне? Сама говорила, что он очень любил ее.

Эльза рывком подняла голову и уставилась заплаканными глазами на Виктора. В них появилась тень сомнения, растерянности.

– Не смей издеваться надо мной!

Она вскочила и опрометью бросилась из комнаты.

…В очередной партии писем пришел «фронтовой треугольник» с необычным адресом: «Томская область, д. Ягодное, директору детдома, эвакуированного из Ленинграда в период 1.06. 42 по 1.12.42». К письмам с обратным адресом «Полевая почта…» у персонала было особое отношение: их читали вслух у директора в кабинете.

«Уважаемый директор! – начиналось письмо, написанное химическим карандашом. – Пишу Вам на развалинах моего дома № 12, что на Прилукской улице. Три дня назад, после серьезного ранения и трехмесячного пребывания в госпитале, получил разрешение поехать в Ленинград, чтобы навести справки о семье, с которой потерял связь с конца сентября 1941 г. Пишу двенадцатое письмо, а нужно еще тридцать четыре, ровно столько, сколько, мне сообщили, было эвакуировано из Ленинграда детских домов. Пишу и плачу и буду писать до изнеможения, до смерти, пока не найду свою единственную, оставшуюся в живых дочь, ради которой цепляюсь за жизнь.

Сейчас мне известно, что в ноябре 41 года от голода умерли моя жена и пятилетний сын, что полуторагодовалую доченьку Светочку вместе с продуктовыми карточками тогда же взяла соседка, работница трикотажной фабрики.

Во время артобстрела соседку нашли убитой недалеко от дома. Дворник вынужден был отдать мою дочь дружинницам, собиравшим трупы погибших, и просил сообщить, в какой детский дом ее отдадут. Девушки добросовестно выполнили его просьбу, а дворник добросовестно записал сообщение в домовую книгу.

В январе наш дом попал под бомбежку. В ходе пожара сгорело все, в том числе и домовая книга. Дворник остался жив, но не помнил, в какой детдом отдали мою Светочку.

Ее приметы: белокурая, пухленькая, смешливая, с голубыми глазками, не выговаривала букву „Р“, вместо „рыбка“ произносила „лыбка“…»

– Что он пишет! – сквозь слезы воскликнула Вероника Петровна. – Какая «пухленькая», какая «смешливая»!

– Пишет, что запомнил, уходя на фронт! – Нелли Ивановна вытерла слезы, громко высморкалась. – «Есть еще приметы, – продолжила она, – две родинки вдоль позвоночника, примерно в пяти сантиметрах друг от друга. Извините, может быть, я путаю, и родинки были у сына Сереженьки. Умоляю Вас: отнеситесь к моей просьбе с душой, не иссохшей в этом жутком хаосе войны. Где я буду к тому времени, когда придет ваш ответ, не знаю. Пишите по адресу: „Полевая почта № 15558. Рядовому Ноздрину Ивану Павловичу“».

Нелли Ивановна глубоко вздохнула и стала молча складывать письмо. Она посмотрела с надеждой на вытирающую слезы врача.

– Изабелла Юрьевна, осмотрите всех девочек, у кого на спине есть родинки, и попросите ребенка произнести за вами слово «рыбка».

Задание директора ринулись выполнять все воспитательницы. Вскоре из помещения второй группы раздался неестественно громкий возглас Александры Гавриловны:

– Есть! Нашла! Все совпадает! Ура-а!

Из комнаты выскочила воспитательница, неся на руках испуганного полураздетого ребенка, и помчалась к директору.

Девочку снова раздели. Каждой воспитательнице хотелось измерить расстояние между родинками на спине. Возбуждение охватило всех взрослых.

– Вы не поверите, – взволнованно заговорила Изабелла Юрьевна, – я хорошо представляю ее пухленькой и смешливой, честное слово! А теперь, Светочка, – наклонилась она к ребенку, –

скажи «рыбка».

Девочка нахохлилась, две крупные слезинки скатились по щекам.

– Я не Светочка, я Малиночка.

– Ах да, Мариночка, я перепутала. Скажи «рыбка».

– Не ска-жу-у! – Девочка заплакала.

– Ну как же! – вмешалась Александра Гавриловна. – Ты же мне говорила в группе…

– Всё! Хватит! – вмешалась директор. – При чем тут «рыбка»? Вы же слышали, как она произносит свое имя. – Одевайся, Мариночка! – обратилась она к ребенку. – Вот возьми медвежонка, иди в группу и придумай ему красивое имя.

– Я понимаю – эйфория, но и у нее должны быть рамки, – строго сказала Нелли Ивановна. – От вашей красногвардейской атаки заикаться начнешь, не то что картавить. Вероника Петровна, дорогая, постарайтесь сделать незаметным для ребенка переход от имени Мариночка к Светочке. Представьте себе сцену: приезжает отец и со слезами на глазах кидается к дочке, повторяя: «Светочка, Светочка!» А как воспримет это Светочка – Мариночка, находясь в объятиях постороннего дяди, в котором она, конечно, не узна́ет отца? Страшно подумать! И сделать это надо в короткие сроки, потому что Ноздрин, подгоняемый такой радостью, может приехать быстро.

– А если это…

– А если это не его дочь, – перехватила директор мысль Вероники Петровны, – то для девочки какая разница – быть Мариной, Светланой, Ларисой. Конечно, если мы ошиблись, то будет очень неловко перед Ноздриным. Но тут, как говорится, пятьдесят на пятьдесят. И он должен понять нас. А мне верится, что в этом случае все девяносто девять… А ты, Аля, – обратилась она к Александре Гавриловне, – немедленно садись за письмо Ивану Павловичу Ноздрину. Текст должен быть коротким, убедительным, с приглашением к нам. Как будет готово, срочно отправлю Виктора Стогова верхом на лошади в Асино. Девочки, у меня из головы не выходит отчаяние отца. Дочь – это тоненькая ниточка, привязывающая его к жизни. Всех потерял! Ужас!

Это было первое подобного рода письмо, написанное Александрой Гавриловной, поэтому слушать его директор пригласила всех.

– «Дорогой Иван Павлович!..» – торжественно начала Александра Гавриловна.

– Э-э, а когда это он стал тебе дорогим? – пошутила одна из молодых воспитательниц. – Может, сначала начнем с «Уважаемый»?

– Мне кажется, так душевнее, – смутилась Аля.

– Правильно, Аля, душевнее, – поддержала Вероника Петровна. – А если ты еще как бы между прочим вставишь, сколько тебе лет и что ты еще не замужем, оно станет еще душевнее. Может, он уже завтра прилетит на крыльях надежды, – под общий смех закончила старшая воспитательница.

Нелли Ивановна улыбалась, глядя на эту добрую пикировку.

– Не тушуйся, Аленька, продолжай, – поддержала она воспитательницу.

– «Спешу сообщить Вам, что ваша дочь Светочка жива, здорова и находится у нас в 21-м детдоме по адресу: Томская область, Асиновский район, деревня Ягодное.

Она очень смышленая и, как и все другие дети, спрашивала о родителях. Мы всем им говорим, что папы и мамы воюют с врагом, а когда победят, вернутся за вами. Она рисует Вас верхом на танке. Если Вы не танкист, при встрече не огорчайте ее.

Должна Вас предупредить, что, когда ее принесли в детдом в беспамятстве от голода, она не могла вспомнить свое имя. Ее назвали Мариночкой. Мы постараемся до вашего приезда приучить ее к другому имени, но Вам надо это иметь в виду.

Ждем Вас с нетерпением!

Смирнова Александра Гавриловна»

– Ну что? Хорошо! А вот здесь ты можешь добавить свой возраст и семейное положение, – с улыбкой добавила директор.

С письмом Ивану Павловичу Ноздрину Стогов верхом отправился в Асино рано утром, когда еще все спали. Письмо лежало в холщовой сумке, повешенной через плечо, хотя Виктор клялся, что в кармане куртки оно сохранится надежнее. Но директор была неумолима.

– Ты знаешь, что такое «аллюр три креста»?

Виктор опешил.

– Это что-то такое про лошадей, точно не знаю.

– Да, аллюр – это способ бега лошади: шаг, карьер, галоп. А вот три креста на документе указывают курьеру, что доставить пакет надо как можно быстрее. В старину, – объясняла она, – фельдъегерь клал его в кожаную сумку и несся как угорелый, не жалея лошадь. У нас такой сумки нет и лошадь загонять нельзя, но доставить его быстро в целости и сохранности можно и нужно.

Вспомнив слова директора, Виктор крепче прижал сумку к локтю. Ранняя прохлада благоприятно действовала на Цыганку. Она без понуждения, в свое удовольствие шла крупной спокойной рысью. Тишина располагала к воспоминаниям, фантазиям,

мечтательности. Виктор знал за собой эту склонность, появившуюся в последнее предвоенное лето.

Однажды старший брат, работавший заместителем начальника пионерского лагеря, столкнулся с неразлучной троицей – Виктором, Валеркой и Эльзой, – возвращавшейся после налета на чужой сад с полными карманами яблок.

Отпустив Спичкина и Пожарову, он привел Виктора к себе в комнату и сказал: «Вот что, шалопай, у тебя слишком много лишнего времени. Вот тебе книга. Пока не прочтешь, участвовать в играх и соревнованиях не будешь!»

Это был роман «Следопыт, или На берегах Онтарио» Фенимора Купера. Толщина книги пугала, а фамилия и имя автора вызывали ненависть. Виктор стал со злорадством их коверкать: «Фенимор – светофор», «Купер – пупер». Но выхода не было! Он хорошо знал брата. Непременно проверит! Правда, потом не заметил сам, как увлекся, стал брать книги в библиотеке и часто ловил себя на том, что воображает себя каким-нибудь книжным героем.

Первое место в его фантазиях принадлежало Чапаеву, воевавшему за советскую власть. Поэтому, выехав за околицу, он «выхватил саблю» и с криком «ура!» перешел на галоп, преследуя «противника». Но впереди, на узкой таежной тропе, никого не было. Он оглянулся и увидел, что вся его «дивизия» здорово «отстала». Стало скучно. Натянув поводья, он перевел лошадь на мелкую рысь.

За весь путь до райцентра Виктор побывал в роли и Гавроша, и Тома Сойера, и Гулливера. При въезде в Асино он решил превратиться в Дон Кихота, так как увидел шедшую ему навстречу стройную девочку в окружении троих ребят его возраста. Дон Кихот конечно же должен был ее освободить.

Перейдя на шаг, Виктор ехал прямо на мальчишек.

– Ты что, ослеп? Куда прешь! – крикнул один из них.

Стогов остановил лошадь в метре от кричавшего парнишки.

– Ребята, давайте обойдем его! Это же «всадник без головы»! – смеясь, сказала девочка.

Ее попутчики захохотали. Виктор направил лошадь на девочку. Но Цыганка оказалась умнее всадника: она замотала головой и не двинулась с места.

– Да ему надо по шее надавать!

С этими словами один из ребят кинулся к Виктору. Но Стогов огрел его плеткой и продолжал размахивать ею, не подпуская мальчишек на близкое расстояние.

Ребята начали крутиться вокруг Витьки, норовя стащить его с лошади. Силы были неравные. Падая, Виктор почувствовал, как

один из мальчишек дернул за сумку. Отбиваясь от двух других, он видел, как тот вытряхнул из нее письмо, которое подобрала девочка.

– Не трожь письмо! Оно на фронт! – что есть силы закричал он, бросившись к девочке. Но, сбитый с ног, оказался на земле.

Его подняли, крепко держа за руки. Девочка прочитала адрес:

– «Полевая почта № 15558. Ноздрину И. П. Обратный адрес: Томская область, Асиновский район, деревня Ягодное, Ленинградский детдом № 21».

– Ты из Ленинграда? – удивленно спросила она, протягивая Стогову конверт. – Ребята, отпустите его! Никак не думала, что в Ленинграде есть такие хулиганы. Мамин заместитель Александр Ильич, – обратилась она к своим попутчикам, – говорит, что Ленинград самый культурный город страны. А этот, – она кивнула в сторону Виктора, – ничем не отличается от нашей одесской шпаны.

– А может, он и не ленинградец, – возразил один из ребят. – Детдом, там всякие…

Говоря между собой, они пошли дальше.

Стогов стоял не двигаясь. Он сам не мог объяснить, с какой стати прицепился к ребятам. Стыд за себя, обида за детдом, за родной город разъедали душу. Он потрогал разорванную куртку, потом пощупал начавший опухать левый глаз.

Цыганка мирно щипала траву на обочине. Она подняла голову, когда Виктор подошел. Он отчетливо прочитал неодобрение в умных лошадиных глазах.

Отправив письмо, Стогов подъехал к первому попавшемуся колодцу и долго, до ломоты в голове, прикладывал мокрый носовой платок к глазу. Очень хотелось взглянуть на себя в зеркало, но в единственную парикмахерскую зайти постеснялся. А рассмотреть себя в ведре воды, наполненном до краев, не удалось: изображение постоянно коробилось, делая лицо перекошенным до неузнаваемости. Какой уж тут глаз!

На квартиру, которую детдом снимал на случай ночевки в Асине, Виктор не поехал, чтобы не отвечать на вопросы хозяйки, которую он не любил за ее страсть к сплетням. Проехав последние дома райцентра, он нашел стог сена, стреножил лошадь и глубоко зарылся в пахучую сухую траву. Борясь со сном, попытался сочинить легенду, откуда взялись подбитый глаз, разорванная куртка и штаны.

Всю обратную дорогу Виктор придумывал ответы на вопросы, которые, глядя на его разукрашенную физиономию, непременно задаст Нелли Ивановна. Вариантов было много. Это успокаивало. Главное, опередить ее сообщением о выполненном поручении.

Во дворе детдома, не слезая с лошади, он громко отрапортовал:

– Нелли Ивановна, письмо отправлено.

– А ты что, его с боями местного значения отправлял? Где это тебя так раскрасили?

– Это, что ли? – Витька небрежно потрогал заплывший глаз. – Да ерунда, заснул и за ветку зацепился.

– Зацепился чем? Глазом, курткой или штанами? Скажу Алексеевне, чтобы она тебя хорошеи трепкой наградила за выполненное задание.

Нелли Ивановна, наверное, продолжила бы угрозы, но подошел Никитич, и директор переключилась на него:

– Это вы Виктора портите, Савелий Никитич, подчеркиваете его незаменимость, – кивнула она в сторону Стогова. – Посмотрите на этого бойцовского петуха в лохмотьях!

– Э-э, Ивановна, значит, мало нагружаешь, вот и весь сказ! Когда наломается, чтоб только на карачках доползти до постели, сил на драку уже не останется.

Это утро у Стогова и Спичкина началось, как всегда, очень рано – с поиска пасшихся ночью лошадей. Несмотря на путы, они иногда уходили за ночь на полтора-два километра да еще, спасаясь от шершней, забирались в такую чащобу, что только по громкому фырканью и можно было их отыскать. Выехав на дорогу, ребята собирались размять лошадей галопом, но, увидев шедшего в направлении детдома человека в вылинявшей солдатской форме, попридержали их.

– Дядь, вы не в детдом? – осторожно спросил Валерка.

– Да, в детдом, а вы знаете, где он?

– Мы сами детдомовские, – обрадованно сказал Виктор. – Садитесь ко мне на коня, мы вас быстро довезем: тут недалеко.

– Нет, ребята, мне после ранения и операции нельзя трястись. Я проехал часть дороги на машине военкомата – так боль в спине страсть какая! Пешком ничего, терпимо.

– А вы к кому, к ребенку или взрослому? – спросил Виктор.

– К дочке, Ноздриной Свете. Я знаю: она у вас. Ночь не спал в военкомате, все переживал: вот она уже рядом, каких-то сорок километров. Упросил коменданта выехать с рассветом.

– Дядь, вы же Иван Палыч? Я письмо вам отвозил.

Ребята спрыгнули с лошадей.

– Пойдемте вместе, давайте ваши вещички, – предложил Валерка.

Задавая бессчетное количество вопросов, ребята не обратили внимания, что военный ускоряет шаг. А когда они указали на

здание детдома, Ноздрин, сильно прихрамывая, побежал.

– Иван Палыч, вам же нельзя! Не надо, сейчас встретитесь! – пытался остановить его Валерка.

Стогов, ни слова не говоря, обогнал их обоих и кинулся к дому.

– Нелли Ивановна! – закричал он во всю глотку. – Ноздрин приехал!

Напуганные воспитательницы, а вслед за ними и дети высыпали в коридор.

– Ты чего кричишь, как на пожаре? – выскочила из кабинета директор.

– Ноздрин! Ну тот, кому я письмо отвозил, он на улице!

Нелли Ивановна поспешила на крыльцо.

В десятке метров, повиснув на Валерке, военный еле держался на ногах.

– Что с ним?! – еще громче Витьки закричала Нелли Ивановна. – Врача! Изабелла Юрьевна! Скорее!

Она подскочила к военному и попыталась поднять его голову.

– Что с вами? Потерпите, сейчас подойдет врач!

С помощью Стогова они втроем втащили Ноздрина в дом.

Уложенный на топчан, Ноздрин под воздействием массажа и нашатырного спирта пришел в себя.

– Извините, – еле слышно прошептал он, – не рассчитал. Думал, выдержу, ан нет… У меня повреждена диафрагма. А где моя доченька? Могу я ее увидеть?

– Можете! – твердо ответила Нелли Ивановна, снова обретя облик директора. – Только не сейчас! Как вы в таком состоянии предстанете перед дочерью? Вот, спросите у врача, где гарантия, что во время встречи вам не станет хуже? – Она взглянула на Изабеллу Юрьевну.

– Я категорически против встречи с дочерью в данный момент! – жестким тоном, подражая директору, отчеканила Изабелла Юрьевна. – Я детский врач и ничем вам не смогу помочь. И в радиусе пятидесяти километров нет врача, который вам нужен. Есть местный доморощенный эскулап, который все болезни лечит свежими коровьими лепешками. Но надежда на эффект его лечения сомнительна. Вот так! Когда будете в состоянии хотя бы сесть, мы организуем вам встречу, но пока только на расстоянии! А сейчас отдыхайте!

С этого момента кабинет директора стал местом паломничества всех сотрудниц детдома. Ведь здесь был не просто мужчина, а фронтовик при орденах и медалях в звании старшего лейтенанта. И никого не интересовало, есть ли у него где-то свой «предмет обожания». Приходили в течение всего дня: поправить

постель, поинтересоваться самочувствием, открыть форточку и даже поставить в консервную банку полевые цветы.

Настал день, когда Изабелла Юрьевна помогла лейтенанту сесть на стул напротив двери.

– Сейчас мимо кабинета пройдут дети. Ваша дочь в ярко-синей кофточке. Естественно, дети заглянут, зная, что здесь больной дядя, военный. Стало быть, ваша дочь тоже вас увидит. Прошу вас, без глупостей, только смотрите!

На всякий случай Изабелла Юрьевна встала рядом с Ноздриным, держа его за руку.

Как только открылась дверь, врач почувствовала, как Иван Павлович сжал ее ладонь. По мере того как в проеме двери двигались дети, его «рукопожатие» становилось все сильнее. И когда появилась девочка в синей кофточке, Изабелла Юрьевна едва не вскрикнула от боли – так сильно он сдавил ей руку. Когда девочка скрылась, рука Ноздрина резко ослабла.

Тотчас в кабинет вошли директор и Вероника Петровна.

– Это не она, – подавленным голосом произнес Ноздрин.

Вероника Петровна схватилась за спинку стула, чтобы не упасть. Нелли Ивановна нашла в себе силы, чтобы спросить:

– С чего вы это решили?

– Она же едва ходила, а эта девочка твердо держится на ногах.

– Ох!.. – облегченно вздохнула директор. – Ну разве можно так?! Вы что, смотрите на нее глазами сорок первого года? Вам разве неведомо, что дети имеют свойство расти, развиваться? Представляю себе, что с вами будет, когда она скажет: «Здравствуй, папа!» Словом, спектакль продолжается. Вероника Петровна, порепетируйте с Иваном Павловичем сцену встречи с дочерью здесь, в кабинете. И когда он, именно он (за девочку я спокойна), будет готов, скажите мне!

Несмотря на репетиции, Иван Павлович едва не сорвал встречу.

Девочка за руку с Вероникой Петровной вошла в кабинет, где помимо отца в качестве режиссера находилась Нелли Ивановна, а в роли суфлера у окна сидела Изабелла Юрьевна. Накладки начались с первых же слов. Вместо «Здравствуй, папочка!» девочка произнесла: «Здлавствуйте, папа!» Заученность у нее чувствовалась во всем: тихий голос, отсутствие эмоций, напряженность. Все это делало сцену слишком театральной.

– Да! Это моя дочь! – вскрикнул он.

«Здлавствуйте» напомнило ему довоенную «лыбку», и владеть собой стало труднее. От усилия сдержать волнение у него задергался подбородок, а на глазах выступили слезы. Он с трудом произнес:

– Здравствуй, доченька, иди ко мне, Светочка!

Девочка кинулась к нему в объятия и, прижавшись к груди, поправила отца:

– Я Малиночка.

– Да, Мариночка. Прости меня. Забыл. Долго тебя не видел. Конечно, Мариночка!

Он истово целовал ее голову, лоб, щеки, обильно смачивая их слезами, не обращая внимания на напряженно смотрящих женщин.

– Я поняла, что вы смирились с новым именем дочери? – спросила директор у Ноздрина, когда девочку увели в группу.

– Да бог с ним, с именем! – махнул рукой Ноздрин. – Если она привыкла, привыкну и я. Как ее зовут, укажете вы, потому что документов нет: все сгорело вместе с домом.

– Какие у вас планы? Не хотите остаться у нас?

– Я бы остался. Но не хочу быть нахлебником. Работник я пока никудышный. И врач в госпитале предупредила, что, возможно, будет необходима повторная операция. Как сказала Изабелла Юрьевна, коровьими лепешками здесь не отделаешься.

– Иван Петрович, дорогой, чисто по-человечески мы не имеем права отпустить вас с дочерью. А вдруг что случится с вами? Как это отразится на психике ребенка? Вы должны меня понять! У вас серьезное ранение – травма диафрагмы. Это не дырка в крышке консервной банки, а разрыв перегородки между грудной и брюшной полостью. Я не спрашиваю, но догадываюсь, как вам удалось скрыться от врачебного ока и отправиться в такое рискованное длительное путешествие…

– Не очень длительное, – перебил Ноздрин. – Мне удалось попасть на военно-транспортный самолет до Новосибирска.

– Отсюда я могу вам гарантировать только телегу. Подумайте, может, пока оставить Мариночку здесь? Мы здесь не навечно. Когда подлечитесь, мы привезем и вручим вам доченьку прямо в Ленинграде!

– Нет, Нелли Ивановна! Спасибо за предложение, но я боюсь расстаться с ней даже на день, на час. На фронте не было минуты, чтобы я не думал о дочке. Хотите, оставлю вам расписку, подпишу любой документ. Не удерживайте меня, пожалуйста! – В его последних словах прозвучало столько мольбы, призыва к милосердию и решимости, что Нелли Ивановна поняла: его ничто не удержит.

Провожали Ноздриных всем детским домом. Плакали все, даже дети…

Все ощутимее чувствовалось приближение конца войны, и все активнее ленинградцы стали искать своих ребятишек,

разбросанных по всем областям Сибири. Нередко письмо, адресованное в Новосибирск, размноженное там под копирку, шло в другие областные центры. Иногда в Ягодное приходил запрос, на котором почтовых штемпелей было больше, чем на чемодане любителя кругосветных путешествий. Участились приезды родителей, ищущих своих детей.

Вопреки поговорке: «Первый блин – комом», в случае с Ноздриным «первый блин» получился отличным. А вот следующие «блины» иногда получались и «комом».

Одна из женщин, эвакуированная из Ленинграда в Новосибирск, настойчиво просила привезти ей мальчика, Колю Грибкова, семи лет от роду, поскольку работала парторгом военного завода и не имела возможности сама приехать.

Прочитав ее письмо, воспитательницы недоуменно переглянулись.

– Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что от письма сильно веет партийным бюрократизмом, – высказала свое мнение беспартийная Вероника Петровна беспартийному коллективу. – Может, это мачеха? Да у нас такого Коли Грибкова и нет, откуда у женщины такая уверенность? Отпишите ей, Нелли Ивановна, что это просто невозможно.

В следующем запросе-требовании «партийная мамаша», как ее стали величать в коллективе, подробно написала, что ребенка надо доставить по адресу: Новосибирск, улица Строителей, дом 19. А если ее не будет дома, позвонить на завод по указанному номеру. Нелли Ивановна больше не стала отвечать.

Через неделю «партийная мамаша» приехала сама. Сразу бросалось в глаза полное соответствие облика и поведения: высокая, худая, с острыми чертами лица, резкими движениями, лаконичной отрывистой речью. В Ягодное она прикатила на бричке вместе с председателем райисполкома, Галиной Андреевной Овчинниковой, с которой Нелли Ивановна познакомилась еще в день прибытия эшелона в Асино.

Овчинникова слегка попеняла директору за то, что, бывая в районе, она не заходит к ней в райисполком. С чисто женской дипломатичностью Нелли Ивановна оправдалась нехваткой времени и поблагодарила власти района за заботу о детдоме, которую детдомовцы постоянно чувствуют.

Между делом Галина Андреевна с улыбкой припомнила, что дочь ее уже встречалась с одним из детдомовских ленинградцев, который привозил письмо для отправки на фронт и которого в шутку дочь назвала «всадником без головы». Нелли Ивановна догадалась, о ком идет речь, и тоже улыбнулась, не уточняя детали.

Вечером, встретив Стогова, директор вскользь заметила:

– В районе интересуются нашим воспитанником по прозвищу «всадник без головы». Я сказала, что у нас есть только «всадник с подбитым глазом».

Грибкова попросила директора собрать всех мальчиков семи лет для осмотра, но Нелли Ивановна мягко намекнула ей, что дети не куклы, чтобы их рассматривать, как на витрине. «Материнское чутье вам подскажет, который из них ваш», – добавила педагог.

Тут и стало понятно поведение «партийной мамаши». Оказалось, что она не мать, а сестра матери, которая работает переводчицей на фронте. Колю она видела последний раз перед войной, была уверена, что хорошо запомнила мальчика, и не сомневалась, что узнает его. Сейчас, присматриваясь к ребятишкам, занятым своими делами, она была в полной растерянности. Уже на третьего ребенка она с сомнением указывала: «Вроде он», на что Нелли Ивановна твердо заявила, что это не аргумент и ребенка она не отдаст.

Едва забылся инцидент с Колей Грибковым, новый визит всколыхнул весь детский дом.

Никто из гуляющих ребят и воспитательниц не обратил внимания, что через калитку во двор, прихрамывая, вошел высокого роста мужчина в черной шинели. Им заинтересовались, когда он присел на корточки перед детьми и спросил, кто из них знает Эльзу Пожарову.

Он и предположить не мог, что теперь она не просто Эльза, а воспитательница. На его вопрос ребята, повернувшись к нему спиной, дружно закричали:

– Эльза Сергеевна! Вас дядя спрашивает!

Поднимаясь, Сергей Яковлевич успел подумать, что эта встреча очень напоминает ему другую – на берегу Ладожского озера, в день эвакуации детдома из Ленинграда. Однако приближающаяся девушка, высокая, в темном, облегающем фигуру летнем пальто, в черном, набок берете, была мало похожа на ту девочку, которую он обнимал два года назад. «Неужели это Эльза?» – мелькнула мысль.

Эльза тоже его не сразу узнала. Как потом признавалась, даже представить себе не могла появление отца в далекой сибирской деревне.

Сергей Яковлевич приготовился к тому, что в момент сильного волнения дочь может упасть в обморок, и потому кинулся к ней, расставив руки. Но Эльза справилась с волнением. Последние несколько метров она бежала к нему, пока не

уткнулась в жесткое армейское сукно.

– Папа, папочка! Это невероятно! Немыслимо! Ты здесь! В это трудно поверить!

Пока они обнимались, кто-то из ребят успел сообщить Стогову, что приехал Эльзин папа. От неожиданности Виктор остолбенел, но потом ринулся во двор. Ему не надо было всматриваться в черты лица Пожарова. Он хорошо запомнил Сергея Яковлевича в черной морской форме.

– Виктор Стогов! – Сергей Яковлевич узнал его и протянул руки.

Виктор кинулся на грудь Пожарову и чуть не сбил рядом стоящую Эльзу. Он молчал, только глубокие всхлипывания выдавали его состояние.

– Ну-ну, Витя, мы же мужчины! Посмотри, какое море слёз ты вызвал у окружающих. – Сергей Яковлевич, слегка отстраняя Виктора, поглядел на него мокрыми от слёз глазами и произнес: – Дай-ка я посмотрю на тебя! Молодец! Ты стал почти с меня ростом. Это сибирский климат делает вас великанами. В Ленинграде вы бы не вымахали с Эльзой до таких размеров.

Он обхватил их обоих.

– Это мой папа! – громко и радостно объявила Эльза окружившим их взрослым и детям.

Кто-то в толпе робко крикнул: «Ура!» Это послужило призывом к уже забытому, громкому выражению чувств радости. «Ура-а-а!» – разнеслось по всей территории.

Этот не типичный для повседневной жизни возглас насторожил директора и врача, выскочивших из помещения.

– Что случилось?! – воскликнула Изабелла Юрьевна, подбегая к ребятам.

– Изабелла Юрьевна, Нелли Ивановна! Папа приехал! Вот! – Эльза потянула отца за рукав навстречу пробирающимся в толпе женщинам.

Нелли Ивановна остановилась в двух шагах от счастливых отца и дочери, с любопытством рассматривая Пожарова.

– Знаете, слушая ваши письма, которые Эльза нам читала, я представляла вас именно таким. Правда, не седым… – обратилась к Пожарову директор.

– Ой, папа, пока ты не снял фуражку, я и не заметила твоей седины! – удивилась Эльза и тронула его висок.

– Ну что делать! Война никого не молодит, – улыбнулся Сергей Яковлевич.

– Пойдемте в дом! – пригласила Нелли Ивановна.

…До позднего вечера в ее кабинете не гасла «трехлинейка»[23], висевшая на одном проводе вместе с

«лампочкой Прока», освещая стол с неказистой сервировкой. На нем наравне с салом, колотым сахаром и грузинским чаем были американская тушенка, галеты и кофе, выложенные Пожаровым.

Сергея Яковлевича завалили вопросами о разгроме немцев под Ленинградом. Всем хотелось узнать подробности о разрушениях в городе и на своих улицах. Но Пожаров, несмотря на длительное пребывание в Ленинграде, мало что успел посмотреть, поскольку лежал в госпитале на Суворовском проспекте с серьезным ранением левой ноги.

– Папа, ты из-за этого ранения хромаешь? – испуганно спросила дочь.

– Да, Эльза, с оторванной ступней красиво танцевать я уже не смогу, – пошутил отец.

– Ладно, папа, ты и до войны красиво не танцевал, поэтому тебя и наряжали всегда Дедом Морозом.

Пожаров заметно напрягся, вспомнив, что Дедом Морозом его наряжала жена, Мария Яковлевна. Он дарил детям подарки, а Эльза, не узнавая его, просила Дедушку Мороза потанцевать с гостями вокруг елки.

Уже вошло в привычку, что, когда приезжают гости, Нелли Ивановна идет ночевать к Веронике Петровне.

– Не удержим его у нас? – робко спросила старая воспитательница.

– Скорее всего, нет, – с сожалением ответила директор.

На следующий день Виктор вместе с Эльзой подвели Александру Алексеевну к сидящему на скамейке Пожарову.

– Ма, это Сергей Яковлевич, отец Эльзы, я тебе много рассказывал о нем.

Пожаров попытался встать, но Александра Алексеевна остановила его:

– Я о вас знаю давно, с тех довоенных времен, когда мой сорванец с Эльзой и Спичкиным у соседей-дачников считались яблоневой саранчой.

Все рассмеялись.

– А я помню вас, Александра Алексеевна. Вы заходили в лазарет к Виктору, который лежал там, весь в ссадинах, после того, как вытащил тонувшую в реке Эльзу. А мы приехали навестить дочь, которая лежала в соседней палате.

Узнав от Изабеллы Юрьевны о воспаленной, натруженной культе левой ноги Пожарова, директор приказала не привлекать Сергея Яковлевича ни к каким работам. Эльза даже вскрикнула, увидев, что у отца остались только пятка и грубые воспаленные швы от протеза ступни в специальном высоком ботинке.

По требованию врача Сергей Яковлевич после завтрака

выходил на улицу, снимал ботинок и подставлял под лучи солнца больную ногу.

Пожаров познакомился с Никитичем, и они прониклись друг к другу какой-то мужской симпатией. Заметив, как неудобно сидит Сергей Яковлевич на скамейке с оголенной ногой, Никитич через день привез на телеге самодельное кресло, обитое волчьей шкурой, с приспособлением, позволяющим класть вытянутую левую ногу горизонтально. Такая забота о Пожарове очень тронула Нелли Ивановну.

Папа Эльзы понравился всем, покорив своей интеллигентностью, дружеским сочувствием, добрыми советами и просто улыбкой.

В конце концов, уступая его желанию хоть что-то сделать для детдома, Нелли Ивановна распорядилась:

– Эльза, можешь папе поручать оставаться с детьми на улице, когда тебе надо отлучиться, но больше ничего! – шутя пригрозила она.

Виктор по отношению к Пожарову испытывал далеко не однозначные эмоции. С одной стороны, ему было приятно, что Сергей Яковлевич проявляет к нему почти отцовские чувства, которыми мальчик был обделен с рождения. И в то же время он уже начинал ревновать отца Эльзы к ребятам, которые пользовались его добрым расположением.

Понятно, что взрослым были интересны ближайшие планы Пожарова, и они не раз пытали Эльзу насчет его дальнейших намерений. Однако девочка сама ничего не знала.

Вероника Петровна решила покончить с неопределенностью и, набравшись смелости, обратилась к Пожарову в присутствии сотрудниц:

– Сергей Яковлевич, Нелли Ивановна стесняется задать вам, на мой взгляд, совершенно естественный и даже необходимый вопрос. Нет ли у вас желания влиться в наш коллектив, чтобы поколебать возникшую тревогу, что мир от горизонта до горизонта состоит только из женщин? – с улыбкой закончила витиеватую фразу старая воспитательница.

Пожаров немного смутился и, помолчав, ответил:

– Дорогая Вероника Петровна, боюсь, что я буду обузой для вас, потому что ничего не смыслю в сельском хозяйстве, с трудом отличаю овцу от козы, о лошадях знаю, что каждая из них, по мощности, эквивалентна семидесяти пяти килограммометрам, и слышал, что коня надо бояться сзади, а быка спереди, а может быть, и наоборот. Но есть и более веская причина: я еще не уволен из армии и возвратиться просто обязан.

Он заверил Нелли Ивановну, что по приезде в Ленинград

немедленно займется вопросом возвращения детдома.

В том, что Сергей Яковлевич заберет с собой Эльзу, никто не сомневался. Однако, когда дело дошло до расставания, все расстроились не на шутку: Эльзу любили и воспитательницы, и дети. Больше всех такой исход удручал Виктора и Эльзу. Она была в отчаянии и не скрывала этого, сказав отцу, что не представляет себе, как будет жить без Витьки.

Сергей Яковлевич стушевался, не ожидая такой откровенности от дочери, все еще по инерции считая ее маленькой девочкой. Он, с трудом подбирая слова, пытался ее утешить:

– Эльза, вы еще дети… Я понимаю: это детская привязанность…

– Да, может быть, – перебила она его, – но такая крепкая, что я не могу без него.

С этого момента, о чем бы Пожаровы ни говорили, они постоянно возвращались к этому вопросу. Все-таки отцу удалось убедить дочь, что пока вариантов нет. У него есть разрешение на въезд в Ленинград только с дочерью. Стало быть, Виктор остается здесь с мамой до возвращения детдома.

Пожаровы уезжали на двух подводах. На первой телеге, загруженной ящиками с плесневелыми пряниками для возврата на базу в Асино, ехали Виктор и Эльза. На вторую подводу сели Нелли Ивановна и Сергей Яковлевич с небольшим чемоданчиком личных вещей Эльзы.

Пока не выехали из деревни, Эльза сидела на другой стороне телеги от Стогова. За околицей она перебралась к Виктору и, не стесняясь, прижалась к нему.

Виктор замер от неожиданности, но, взяв себя в руки, предупредил:

– Эльза, увидят Нелли Ивановна и Сергей Яковлевич.

– Ну и пусть! – беспечно махнула рукой подружка.

…Возвращение ящиков с пряниками прошло быстро, но на перрон они едва успели.

Сцена расставания Сергея Яковлевича и директора была более чем скромной. Они обменялись дежурными поцелуями, но Виктор слышал, как Нелли Ивановна тихо прошептала: «Сережа, побереги себя!» Зато с Эльзой случился обморок, какого уже давно не было. Она шла к ступенькам вагона, крепко держа Виктора за руку. Потом вдруг отпустила его руку, побледнела и, закрыв глаза, стала валиться набок. В бессознательном состоянии Сергей Яковлевич и Виктор занесли ее в вагон и с помощью проводницы стали приводить в чувство.

– Виктор, спасибо тебе, что ты оберегал Эльзу. Мы будем ждать тебя с нетерпением.

Сергей Яковлевич хотел еще что-то сказать, но проводница громко попросила всех провожающих покинуть вагон. Пожаров молча поцеловал Виктора и подтолкнул его к проходу.

– Как ты думаешь, поехать в Ягодное сейчас, ночью, или переночевать? – устало спросила Нелли Ивановна.

Виктору не хотелось оставаться на ночь у хозяйки, которая ему не нравилась, поэтому он предложил ехать. В дороге можно было вспоминать печальную сцену расставания и даже тайком поплакать, не опасаясь, что кто-то заметит.

Ажиотаж вокруг возвращения в Ленинград вспыхивал при каждом новом слухе, рожденном в стенах детдома или принесенном из райцентра. Жажда скорее вернуться в родной город делала людей настолько доверчивыми, что они уже не один раз хватались за чемоданы, чтобы, не дай бог, не оказаться в числе последних отъезжающих. А когда слухи об отъезде не подтверждались и сборы снова откладывались, наступала всеобщая апатия. Люди впадали в уныние и делали привычную работу лениво, кое-как, из-под палки.

Это состояние неопределенности плохо сказывалось и на учебе. Воспитательницы давно перестали помогать старшим ребятам. Никто, даже Нелли Ивановна, не ходил в школу с проверкой успеваемости и посещения, поэтому ребята часто вместо школы удирали на рыбалку.

В один из дней ранней весны Прок пригласил Виктора и Валерия на тетеревиную охоту. Он накануне недалеко от деревни нашел ток[24] и соорудил там шалаш почти рядом с пнем косача[25]-охранника. По дороге рассказал об особенностях этой охоты, подчеркнув несколько раз, что пока тетерева не начнут свой ритуальный танец, нельзя даже шевелиться.

Охотники залегли рано, до прилета тетеревов. Вскоре поляна стала заполняться крупными черными птицами с красивой белой оторочкой крыльев.

В числе первых приземлившихся тетеревов самый крупный тотчас занял место на пне. Пока это были одни косачи. Высоко подняв головы, раздув зобы, они величественно ходили друг перед другом, словно хвастаясь своими черными фраками и оценивая наряды друг друга. Тетерок еще не было, не было и танцев.

С появлением тетерок на мужской половине началось оживление. Каждый теперь старался как можно галантнее выразить свои чувства: делал глубокие «реверансы», энергично

вскидывал голову, издавая при этом звуки: «чуф», «чуф».

Виктор стал выделять среди них особо талантливых кавалеров, решив, что это очень напоминает деревенскую вечерку. «А вот тот, который еще и цепляет крыло лапой во время подпрыгивания, напоминает Валерку», – подумал он и чуть не прыснул от смеха.

Поведение основной массы тетерок выглядело странным. Они с удивлением и спокойно глядели на танцевальное соревнование тетеревов, не выделяя никого из них. «Видимо, стесняются своих скромных рыже-бурых нарядов», – отметил Виктор.

Птичьи танцы были в самом разгаре, когда в двух местах началась драка с выдергиванием друг у друга перьев. Это означало, что косачи уже утратили бдительность. Прок говорил, что это тот самый момент, когда можно убить косача-охранника и его исчезновение останется незамеченным остальными. Тогда можно сделать еще два-три выстрела.

Прок стал целиться, и Виктор испугался, что сейчас, при его молчаливом согласии, произойдет убийство таких красивых птиц. Он приподнял голову и, что есть мочи, чихнул. Но косач-охранник только глянул в их сторону. Виктор еще чихнул и на сей раз услышал громкое хлопанье крыльев улетающей стаи. После этого он с опаской взглянул на недовольное лицо Прока и удивленное – Валерки.

– Ты што?! Не мог сдершаться? – прошепелявил Прок. – Такую охоту испортил!

Всю дорогу до деревни Прок сожалел, что Стогов лишил его блюд, которые умеют готовить из тетерева только эстонцы.

Прямо с ружьями под предводительством Прока они вошли в школу, когда кончились два урока – по русскому языку и литературе. Никто не сделал им замечания и не спросил причину опоздания. В школе это было не принято: опоздал – значит, делал какие-то неотложные дела по хозяйству, а это считалось более важным, чем деепричастный оборот и закон Архимеда.

В восьмой класс ребят перевели с оценками, взятыми с потолка. Иначе и быть не могло при такой, как у них в детдоме, бессистемной, безалаберной учебе – без необходимого контроля и регулярных уроков, без обязательных классных журналов и дневников.

Глава 4
Возвращение

В посевных и уборочных работах незаметно проскочило лето, и подкрался сентябрь сорок четвертого года. Возвращение в Ленинград в ближайшие месяцы не намечалось, и поэтому надо было решать вопрос с дальнейшей учебой здесь, на месте. В деревне седьмой класс означал вершину образования, а дальше начиналась практика: в конюшне, на ферме, в лучшем случае – в кузнице.

Об этом заранее никто, даже директор, не задумывался, ожидая вызова из Ленинграда. Возвращение в родной город автоматически решало бы проблему учебы старших ребят. Но частичка «бы» вынуждала считаться с реальностью: с отъездом Пожаровой в дальнейшей учебе нуждались только Стогов и Спичкин.

Альтернативой продолжения учебы в райцентре Асино было самообразование в стенах детдома, в эффективность которого не верила даже директор. Она посоветовалась с Вероникой Петровной. Та сказала, что если здесь их было трудно контролировать, то в Асино, предоставленные самим себе, они вообще могут забыть, что такое прилежание и личная ответственность.

– Видно, судьба их такая: второй год учиться в седьмом классе, дожидаясь возвращения в Ленинград. Учеба в Асино сопряжена с большими сложностями. Не могу утверждать в отношении Стогова, но за Спичкиным нужен глаз да глаз, иначе дурака проваляет и привезет справку, что из-за неуспеваемости

оставлен на второй год. – Старая воспитательница задумалась и добавила: – Может, устроить в Асино одного Стогова? Без дружка у него будет меньше соблазнов валять дурака.

Нелли Ивановна прикидывала разные варианты решения этой проблемы. Один из них казался вполне реалистичным: потребовать от роно[26] создания восьмого класса из местных выпускников седьмого, среди которых были бы и Стогов со Спичкиным. Это требование должно быть обосновано нуждами колхоза. Над обоснованием этих нужд директор промучилась не одну бессонную ночь. Никитич, казалось, с интересом выслушал ее доводы, но, когда Нелли Ивановна предложила подписать бумагу и заверить ее печатью, заявил:

– Нет, Ивановна, ни в жисть не подпишу твою писульку, потому как никогда не был жуликом. И не толкай меня на грех. Мои учиться не будут! Сам их отговорю! Мне нужны колхозники, а не ученые. Я вот пять классов с трудом осилил, а ничего, председательствую, и не последний в районе. Семь классов даже счетовод у нас не имеет. Это баловство! Война, Ивановна, от меня требует хлеб, а не ученых. Это ты можешь своих учить. С тебя поставок не требуют. И живешь ты здесь временно. Завтра война кончится, ты вернешься в свой Ленинград, а мои как были при земле, так и останутся при ней до самой смерти, чтобы хлеб выращивать и тебя же в Ленинграде кормить!

Отповедь Никитича поколебала намерение директора. Оставался единственный вариант: учить в Асино одного Стогова, а Спичкина оставить на второй год в деревенской школе. В то же время директор подумала, что и Витька, должно быть, в душе не так уж и рвется в школу и будет рад повалять дурака еще год в седьмом классе.

В один из вечеров директор вошла в группу старших ребят и предложила Виктору пройтись перед сном.

Они направились через огороды в сторону реки. С пригорка хорошо было видно, как низкий плотный туман обозначил речное русло, из-за чего казалось, что вода молочного цвета течет не просто вровень с берегами, а выше. Влажная от вечерней росы трава хлестала по сапогам.

– Смотри-ка, как вечером холодает! – Нелли Ивановна запахнула коричневую вязаную кофту, которую Виктор помнил с блокадных времен. – Ты ведь очень устаешь, я знаю. Меня даже Изабелла Юрьевна упрекнула, что я не щажу твой подростковый организм.

– Что я, ребенок, что ли? В колхозе все ребята так работают.

– Деревенские ребята к этому с пеленок приучаются, и они не

пережили такого голода, как ты. Я говорю это к тому, что, может быть, тебе годик не учиться? Отдохнешь за зиму. Знаю, что ваша троица мечтала об этом еще в начале седьмого класса. Валерка, я думаю, и сейчас не очень рвется продолжить учебу. А ты?

– Я не хочу еще год пропускать. Я что, тогда в Ленинграде с малолетками буду сидеть? Нет! Надо что-то придумать.

– А как мама считает?

– Она хочет, чтобы я учился!

Нелли Ивановна была приятно поражена желанием Виктора учиться дальше, несмотря на трудности, которые и сама еще до конца не осознавала. Сейчас, идя рядом со Стоговым, она увидела в нем взрослого, сознательного человека, настроенного почти на подвиг, и решила предать забвению другие его «подвиги», за которые раньше испытывала желание задать ему хорошую трепку. Виктор с большим интересом выслушал ее рассказ о том, как в далеком прошлом пробивался к знаниям крестьянский сын Ломоносов…

На следующий день Нелли Ивановна пригласила к себе Александру Алексеевну и Виктора.

– Не скрою, меня тронуло ваше решение насчет продолжения учебы Виктора. Но это возможно только в Асино и сопряжено с большими трудностями, – обратилась она к матери. – Ведь жить там ему придется одному. Как питаться, как уберечься от необдуманных поступков, дурных соблазнов и влияний?

Похоже, Нелли Ивановна преувеличивала сложности, чтобы проверить твердость убеждения и матери, и сына. Виктор уже готов был отказаться от своего намерения и выжидающе смотрел на мать.

– Нелли Ивановна, – начала Александра Алексеевна, – у меня их было восемь, все учились, и не в легких условиях. Я надеюсь, что Виктор оправдает мои надежды, как и его братья и сестры. А если не справится, тогда вернется. Пастухи тоже нужны.

– Какая вы мудрая, Александра Алексеевна. Прямо завидую вам! Что ж, решено! Я сама поеду с ним, сниму ему угол у какой-нибудь доброй женщины и оформлю в школе.

Первое сентября выпадало на субботу, и Нелли Ивановна колебалась, стоит ли ехать раньше из-за одного учебного дня. Но Виктор уже настроился на учебу и не хотел, чтобы поиски жилья сорвали первый учебный день.

Стогов сам удивлялся себе, что шел в новую школу совершенно спокойно. Видимо, потому, что накануне Нелли Ивановна познакомила его с директором и учителями. Но он смутился, когда классный руководитель, учительница биологии

Елизавета Васильевна, назвала его фамилию. Он встал.

– Ребята, в вашем классе будет учиться мальчик Стогов Виктор. Он пережил суровую голодную зиму в блокадном Ленинграде. Мы с вами читали и слышали о героическом городе на Неве. Но одно дело – читать об этом, другое – самому пережить. Может быть, он когда-нибудь расскажет нам об этом. Я представляю его сейчас, потому что он не был вчера, когда у нас состоялся сбор класса. Как говорится, прошу любить и жаловать!

Виктор смущенно смотрел на учительницу, чувствуя на себе десятки взглядов ребят, обернувшихся на последнюю парту у окна, где он сидел пока один.

Когда прозвенел звонок после первого урока, к нему подошли двое ребят и девочка.

– Привет, ковбой, ты не узнаёшь нас? – спросил один из них. – Давай знакомиться!

Виктор не помнил ребят, но девочку нельзя было не узнать. Именно из-за нее, возомнив себя Дон Кихотом, он ринулся на мальчишек. И сейчас она смотрела на него с легкой усмешкой – видно, вспомнила, как назвала его «всадником без головы».

– Я не ковбой, – угрюмо произнес он, обидившись на улыбку девочки.

– Ну как же, только ковбои так лихо владеют плеткой. Я это неспроста говорю. Ты же меня первого огрел кнутом, забыл, что ли? – сказал один из мальчиков.

– Ладно, Слава, «кто старое помянет, тому глаз вон!» – вмешалась девочка и, протянув руку, представилась:

– Нина Овчинникова, эвакуированная из Одессы, а это Слава Хромов, эвакуированный из Сталинграда, Сева Сапожников, сын начальника местной милиции. Ты что будешь делать после занятий? – и, не дожидаясь ответа, предложила: – Пойдем с нами в гарнизон, там сегодня показывают фильм про героев-полярников, кажется «Семеро смелых». Мы проходим туда бесплатно. Видел, на второй парте среднего ряда сидит рыжая девчонка, Ирма Школьник? Она по вечерам работает контролером в кинозале. Ирма нас и пропускает.

Виктору очень хотелось посмотреть фильм. Кино было его страстью. В Ленинграде в кинотеатре «Гудок» ему удалось бесплатно посмотреть почти все довоенные фильмы (а «Чапаева» аж восемь раз!). Правда, за это они, четверо друзей, подбирали мусор в кинозале после каждого сеанса.

Но обида на своих теперешних одноклассников не прошла, и он отказался, хотя тотчас пожалел об этом. Но, может быть, Нина пригласит его еще раз?

Прозвенел звонок, и Нина, произнеся: «Как хочешь!» –

повернулась и пошла на свое место. За все оставшиеся уроки она ни разу не повернула головы в его сторону.

На следующем уроке Виктор поймал себя на том, что непроизвольно думает о знакомстве с ребятами. В какой-то момент вспомнил об Ирме Школьник и стал рассматривать эту девушку со спины.

Она была выше ростом не только девочек, но и ребят класса. Иногда Ирма поворачивала голову в сторону окна, и тогда Виктор видел ее профиль. У нее и прическа отличалась от примитивных косичек остальных школьниц: коротко остриженные сзади, рыжие волосы большой копной закрывали лоб. Резко очерченный профиль выдавал в ней взрослую девушку, случайно оказавшуюся среди детей. Похоже, ей было лет восемнадцать, не меньше. Чем-то она напомнила Виктору воспитательницу детдома Александру Гавриловну.

«Что же вынуждает ее днем сидеть в классе с малолетками, а вечером работать в клубе? Видимо, не от хорошей жизни», – подумал он. Все, кто работал и учился, вызывали у него особое сочувствие и уважение.

В пятницу после звонка с последнего урока к нему подошла Елизавета Васильевна в сопровождении Нины и пригласила в учительскую:

– Стогов, у меня до сих пор о тебе нет никаких биографических данных.

– А каких данных?

– Ну, год рождения, где учился, кто родители… – Она на секунду запнулась. – Прости, пожалуйста, я машинально спросила. Может, испытываешь какие-нибудь трудности? Скажи мне или вот старосте класса, Овчинниковой Нине. Я ей поручила шефство над тобой.

– Не надо мне никакого шефства! – с обидой возразил Виктор и стремительно выскочил из учительской.

– Это я виновата, – тихо промолвила классная руководительница.

– Чем же вы виноваты? – удивилась Нина, уверенная в том, что выходка Стогова связана именно с ней, придумавшей ему обидное прозвище.

– Я проявила бестактность, спросив о родителях детдомовского мальчика. Надо как-то исправить мою оплошность. Приведи его ко мне в наш учительский барак.

На следующий день, на уроке астрономии, Виктору по рядам передали записку. На сложенном листке было выведено: «Стогову». Нина несколько раз оборачивалась посмотреть на

реакцию Виктора. Но тот даже не коснулся послания.

Едва прозвенел звонок, она подошла к нему.

– Ну и паразит же ты! Обидел Елизавету Васильевну своей дурацкой выходкой!

– Что я ей сделал?

– А ты не понимаешь, да? Надул губы, надерзил, выскочил без разрешения. Я-то знаю, из-за чего ты взбесился! Как же, поручили шефство над ним девчонке, которую он ненавидит! Я-то думала, что ты тот всадник, который, идя в школу, не забывает голову дома.

– А мне наплевать, что ты думала!

– А мне наплевать на твои обиды! Пойди и извинись перед учительницей! – Окатив его ледяным взглядом, Нина вышла из класса.

Дальнейшие уроки ему почти не запомнились. Остались в памяти только какие-то фрагменты: что-то о вегетативной нервной системе из физиологии, о магнитных полях из физики, о белых медведях и пингвинах, живущих на разных полюсах из географии. Каждый урок был мучительным ожиданием звонка на перемену, чтобы мчаться в учительскую разыскивать Елизавету Васильевну. Это не ускользнуло от Овчинниковой.

– Ну что? – спросила Нина в конце уроков.

– Ее нет. Уборщица сказала, что она сегодня не приходила.

– Вот, допёк! А у нее больное сердце.

– Где она живет? – озабоченно спросил Виктор.

– Пойдем, покажу!

Елизавету Васильевну они увидели во дворе, возле поленницы дров.

– Ой, ребята, сейчас наколю дровишек и вскипячу чай!

Стогов подошел к колоде, взял топор, легким изящным ударом подцепил полено, поставил его на колоду, не касаясь руками, и одним махом разрубил пополам. Потом соединил обе половинки и еще одним ударом превратил полено в четвертушки.

– Смотри, Нина, такое прозаическое дело, оказывается, можно превратить в искусство! – восхищенно воскликнула учительница.

На Стогова ее слова подействовали воодушевляюще. Он стал откалывать тонкие слои щепы от полена, держа его левой рукой. Елизавета Васильевна громко вскрикивала, когда он наносил удары возле пальцев. В завершении «циркового номера» он насадил полено на лезвие и, перевернув топор в воздухе, ударом обуха о колоду развалил полено на две части.

– Хватит, Виктор, хватит! – попросила учительница.

Но он закончил, когда куча наколотых дров завалила вход в

барак.

…Чай был хоть и морковный, но очень вкусный и почти сладкий, не требовавший сахара, который мелкими кусочками лежал на блюдечке.

Елизавета Васильевна рассказала, что она тоже эвакуированная, из Минска, где, закончив институт, ни одного дня не преподавала биологию, а, имея хороший слух и голос, занималась в школе художественной самодеятельностью. Для убедительности она взяла несколько высоких нот из «Соловья» Алябьева.

После визита к Елизавете Васильевне Стогов провожал Нину до дома. По дороге она что-то рассказывала, а он сравнивал ее с Эльзой, находя много общих черт.

– Ты что молчишь, «всадник»? – Нина остановилась возле калитки.

– Еще раз назовешь «всадником», пеняй на себя!

– Да ты не сердись. Из местных здесь никто на лошади не ездит. А ты был на коне, и выходка твоя была дурацкая… Зайдешь к нам?

– Нет, уже поздно.

– Завтра выходной. Маме дали два билета в клуб военного городка. Там покажут кинокомедию «Волга-Волга».

– Не могу. Я сейчас ухожу в Ягодное.

– Как – в Ягодное? Это же далеко!

– Да, километров сорок.

– Ты с ума сошел! Когда же ты туда придешь?

– Когда приду, тогда и приду.

– А пропустить не можешь?

– Нет. Там же дети маленькие и женщины. Я всю неделю думал, как они там управляются без меня. Завтра баня, одной воды надо бочек пятнадцать натаскать. И потом… – Стогов замялся.

– Что – потом?

– У меня еда кончается, на следующую неделю не хватит. Не рассчитал.

Нина смотрела на него с жалостью и сочувствием. Это было неприятно и злило Витьку.

– Хочешь, я… – начала Нина.

– Не хочу! – прервал ее Виктор. – Забери мои учебники, чтобы не заходить на квартиру.

До конца поселка Асино он шел быстрым шагом, а войдя в лес, побежал. Хотелось засветло пройти самый дремучий участок, чтобы в темноте не натыкаться на толстые корни деревьев.

Однако осенние сумерки быстро сгущались. Споткнувшись пару раз, Виктор вынужден был замедлить шаг.

В какой-то момент показалось, что впереди мелькнули два зеленых светящихся пятна. Виктор остановился, почувствовав, как по телу прошла холодная дрожь. Он достал перочинный нож, прислушиваясь к зловещей тишине. Не отрывая взгляда от огоньков, стал ногой нащупывать какую-нибудь палку. Нашел. На ощупь это была сухая толстая ветка. На память пришло утешительное замечание Никитича, что волки на человека нападают только зимой. «А что, они летом не хотят есть?» – мысленно возразил он председателю.

Выставив палку перед собой, он пошел прямо на огоньки. Только приблизившись, догадался, что это светятся гнилушки. Таких крупных он еще не встречал. Виктор взял одну из них, и в руке засиял красивый бледно-зеленый свет.

Вскоре темная стена деревьев слева расступилась, и впереди показалась широкая поляна. Это подействовало успокаивающе. На поляне корневищ не было, и он прибавил шаг. Глаза стали различать близко растущие деревья. Страх прошел, но зато навалился голод. Чтобы отвлечься, Витька стал вспоминать детство, пионерский лагерь, бесконечные бои между «красными» и «белыми», между «красными» и японцами, между «красными» и белофиннами…

Едва ли не в самом начале деревни на него начали лаять собаки, передавая эстафету от избы к избе, пока Виктор не подошел к своей калитке и не зашел в дом. Он тихо приоткрыл дверь в комнату, ощупью прокрался к своей кровати. Но в ней кто-то лежал. Тогда он пробрался к печи и блаженно растянулся на ней. «Хорошо-то как! Хоть бы никуда больше не идти!» – подумал он, засыпая.

С первыми лучами солнца Виктор встал, вышел за дверь и тотчас столкнулся с Козлихой, выгонявшей овец на пастбище.

– Ой, Витька! Вернулся! Неужто выгнали из школы?! Вот хорошо-то! А то мы замучились без мужиков…

Она говорила громко, и Стогов ее перебил:

– Да тихо вы! Ребята еще спят.

Он стал помогать ей быстрее выгнать громко блеющих овец на улицу.

– Ну как вы тут?

– Да бабы на меня всей деревней злятся. Сухорукий хотел было забрать меня снова в колхоз. Да я не могу без вас: привыкла, как к родным. Наверное, на всю жизнь.

– Ну, я пойду, посмотрю все, – сказал он, закрывая калитку за женщиной.

Виктор направился к конюшне. Там должна стоять его Цыганка. Раньше он никогда не подходил к ней без лакомства: корочки хлеба, морковки, репы, капустной кочерыжки. Но сейчас у него ничего не было. Вспомнив об этом, он почувствовал, что голоден, съев за сутки всего две морковки, вытащенные из грядки, и повернул к кухне.

Привыкшая в такую рань к одиночеству, повариха Польди испугалась, увидев на пороге человека. Но, присмотревшись, обрадовалась:

– Витька! Чертов сын! Откуда тебя принесло? Вернулся?

– Тетя Поля, я со вчерашнего утра еще ничего не ел.

– Да ты с ума сошел! Неужто не хватило продуктов? А я ведь говорила и Нелли Ивановне, и тебе, балбесу, чтобы взяли еще пару банок тушенки. Не послушали. Садись. Пока разогреваю перловую кашу, выпей молока с хлебом, а я пока дровишек

наколю.

– Нет! Это моя работа!

Он залпом выпил молоко, пару раз откусил хлеб и, положив ломоть в карман, пошел к сараю.

Его топор, острый, как у Никитича, хранился под потолком, на балке. Раскалывая кругляки, Виктор чувствовал вину за то, что он, здоровый парень, сидит за партой, в то время как несколько женщин надрываются, таская воду, заготавливая сено, дрова, выкапывая картошку. Он пытался представить себе встречу с ними, их молчаливое неодобрение. И их наверняка если не словом, то взглядом поддержит председатель Никитич. А может, и упрекнет беззлобно, обозвав дезертиром.

Здесь, среди кучи поленьев, его и застала Нелли Ивановна.

– Виктор! Постой, отдохни! Дай-ка я на тебя погляжу, Ломоносов ты наш!

– Здрасте, Нелли Ивановна! – Он постарался держаться как можно солиднее и серьезно посмотрел на директора. – Я больше никуда не поеду и учиться не буду. Остаюсь!

– Постой, постой, ты, часом, не белены ли объелся? Может, это договоренность со Спичкиным? Мало я натерпелась от ваших проделок в Ленинграде, побегов на фронт и других фокусов! Теперь все повторяется, только на сибирской почве.

– А при чем тут Спичкин и какая-то почва? Я это сам решил. Хотите, дам расписку?

– Какую расписку?

– Ну, что я добровольно отказываюсь дальше учиться, не хочу и все прочее. Хочу работать!

– Давай! Прямо сейчас и пиши. Идем в кабинет. Не на бересте же создавать такой важный документ.

Виктор подхватил курточку и направился следом за директором.

Нелли Ивановна молча вырвала лист из тетради, придвинула чернильницу-непроливайку, достала из стола ручку и отошла к шкафу.

Так же молча сел за стол Стогов и задумался.

– А как написать: «расписка», «заявление» или «рапорт»?

– Ну, время военное, пиши «рапорт».

– А «рапорт» как пишется: через одно «п» или два?

– Через три! Ты ведь считаешь себя грамотным и учиться больше не хочешь! И вообще, не задавай вопросов, пока не закончишь!

Через пять минут Виктор встал.

– Можно идти? А то мне надо с дровами закончить и воды навозить: сегодня баня.

– Погоди! Это документ, и я должна наложить резолюцию.

Директор взяла листок, на котором корявым почерком со сползанием строк вниз было выведено:

Я Стогов заевляю что в Асино учится не хочу. В крайнем случае могу учится здесь в Ягодном в 7 классе.

Виктор С.

– Ну что ж, судя по ошибкам, тебе действительно учиться в Асино не стоит. Чтобы нам не было за тебя стыдно. А теперь ознакомься с моей резолюцией. – Директор на минуту присела к столу. – На, читай!

Стогов взглянул на листок, а потом на Нелли Ивановну.

Поскольку руководимый мной детский дом предназначен для детей дошкольного возраста, передать Стогова В. (14 лет) в Воронопашинский школьный детдом.

Лялина Н. И.

– Как это – в Воронопашинский? – Виктор почувствовал холодок, пробежавший по спине. – Я же хочу остаться работать для наших ребятишек.

– На работу тебя принять я не имею права: лет мало, а воспитанником ты уже быть не можешь. Вот так! Как говорили древние, «Терциум нон датур!» – «Третьего не дано!». Ты матери сам расскажи о своем решении и моей резолюции. Я не могу: мне жалко ее огорчать.

– Ну, Нелли Ивановна, я же хотел как лучше.

– Когда тебя направляли учиться в Асино, мы и думали сделать «как лучше», только ты своим скудным умом не понял этого. Да, нам без тебя труднее стало, но мы пошли на эти жертвы во имя твоего будущего. Ищем и найдем выход из трудного положения. Мне обещали прислать двух бывших осужденных, отсидевших срок и согласных ради ленинградских детишек остаться работать. Да и сами, слава богу, многому научились. Я вот роды принимала у твоей Цыганки.

– Что, у нас теперь жеребенок есть?

– Да, ему уже трое суток. Лошадь твоя – тебе и нарекать младенца.

– Так я побегу в конюшню!

– Постой! А как быть с твоим «рапортом»?

Виктор смутился.

– Я сегодня утром видел, как тетя Поля собиралась колоть дрова. Мне стало стыдно, ведь это была моя обязанность! Вот и решил.

– Тетя Поля! Все воспитательницы сейчас колют дрова, даже Вероника Петровна, и ничего, говорит, кровообращение стало лучше, а уж аппетит и подавно. Я заявление твое сберегу, правда с новой резолюцией: «„Умного судьба ведет, а дурака тащит“. Добровольно беру на себя тяжкую обязанность тащить В. Стогова, пока не поумнеет». Сегодня же отправляйся назад. Ты как же ночью-то шел? Наверно, страшно было?

– Не! – обрадованно выпалил он, потом добавил: – Немножко. Можно я рогатку сделаю? В Ленинграде мы с Валеркой во дворе были чемпионами по стрельбе из рогатки. Спокойнее все-таки будет идти.

– Влетало, наверное, за это?

– Еще как! Но все равно делали.

– Сделай, но никому не показывай.

…Открыв дверь конюшни, Виктор вдохнул терпкий лошадиный запах, такой родной и знакомый, и кинулся к стойлу Цыганки, но та, вдруг прижав уши, резко повернулась задом и, подпрыгнув, выбросила задние ноги. Левое копыто едва не задело нос Стогова. Он опешил.

– Ты что, сдурела?! Цыганка! Это же я!

Но лошадь нервно затопала ногами на месте, повернула голову с прижатыми ушами и, не меняя боевой позы, зло посмотрела на Виктора. Только сейчас он увидел прижавшегося к стене маленького жеребенка.

– Цыганочка, Цыганочка! Это я, Витька, ну приглядись!

Он достал недоеденный кусок хлеба и протянул ей.

Лошадь несколько успокоилась, но угрожающую стойку не изменила.

Виктор прошел в соседнее стойло, где абсолютно равнодушный к происходящему Осел проявил интерес только к корке хлеба. Из стойла Осла Виктор протянул остатки хлеба Цыганке. Лошадь несколько раз предупреждающе оскалила зубы. Не кусала, но и хлеб не брала.

Виктор решил подождать и, ласково приговаривая, рассматривал черного как уголь малыша, который замер, прижавшись к стене, словно нарисованный на ней силуэт.

Спустя несколько минут Цыганка стала поворачивать голову в сторону Виктора, уже не прижимая уши. Это был признак доверия.

Виктор вышел из конюшни. Ему очень хотелось встретиться с Валеркой. Нелли Ивановна сказала, что он теперь стал ее правой

рукой, а вчера уехал за сеном на дальние покосы.

Остаток дня Виктор провел с матерью. Он нашел ее за конюшней, на скирде, где она разравнивала подаваемое воспитательницами на вилах сено. Виктор полюбовался тем, как она ловко орудовала вилами, создавая ровную поверхность стога. Он такой ее никогда раньше не видел. Занятая работай, она не заметила его, пока он не подошел совсем близко.

…Рано утром его разбудила мать. Рядом с ней стояла Нелли Ивановна со странным длинным свертком.

– Виктор, право, не знаю… – Директор заметно волновалась. – Может, я совершаю преступление… Это ружье и пять патронов. Поклянись, что не наделаешь глупостей. Можем мы спать спокойно?

Виктор вдруг почувствовал, как в носу стало щекотно.

– Нелли Ивановна, честное пионерское, не подведу!

Необыкновенно теплая осень настораживала. Температура ночью не опускалась ниже пятнадцати – семнадцати градусов, а днем повышалась до двадцати трех. Пожилые люди не могли припомнить такого погодного сюрприза, предрекая суровую зиму.

Несмотря на открытые окна, в классе было душно. Даже учительница время от времени обмахивалась школьной тетрадкой. Все с нетерпением ждали последнего звонка. И когда он прозвучал, ринулись из класса.

Стогов собрал учебники и тетради, сложил их в холщовую сумку, сшитую матерью из старого плаща, вышел на крыльцо. Старшие ребята уже покинули территорию школы, только несколько младшеклассников беззлобно дубасили друг друга портфелями. Заняться было нечем и не с кем. Виктор почувствовал тоску от одиночества. К такому образу жизни в детдоме он не привык.

Мысли его перекинулись в Ягодное. «Интересно, чем сейчас занят Валерка? Картошку, свеклу, морковь, тем более капусту, убирать еще рано. Значит, дел у него особых нет. За кедровыми шишками он один не пойдет».

Валерка плохо ориентировался в лесу. Много раз он спорил, доказывая, что домой надо идти в таком-то направлении, и каждый раз ошибался. Скорее всего, он сейчас на рыбалке. Ловил он щурят по-сибирски, с палкой, на конце которой из конского волоса сделана петля. На мелководье греющиеся щурята стоят неподвижно, словно дожидаясь, когда Валерка наденет им петлю на голову. А дальше – дело техники, главное, чтобы не сорвалась петля. Иногда, пройдя с километр по берегу, он, на зависть всем удильщикам, приносил три-четыре щуренка.

В воспоминаниях Виктор дошел до своего дома. К нему был пристроен курятник в полтора раза больше самого дома. Судя по запаху куриного помета, проникающего даже в комнату, там было не меньше полусотни кур, да еще горластый петух, голосивший не смолкая, словно для него любое время суток было ранним утром.

Складывая свои учебники на край стола, Витька увидел среди них письмо от Эльзы, полученное еще в Ягодном. Он развернул и стал перечитывать.

Витя, дорогой, здравствуй! Знаю, ты будешь морщиться от слюнявости: «дорогой», «милый»… Это я хорошо помню еще со времен нашей школы и пионерлагеря. Но меня это не волнует! Ты есть и будешь дорогим. Вот и всё! Меня волнует, когда вы вернетесь? Ведь тебе надо учиться в восьмом классе, которого в Ягодном нет. Не будешь же ты бегать в школу в Асино за сорок километров от дома? Неужели ты пропустишь еще год, как в блокаду?

Папа говорит, что списки возвращаемых в Ленинград детских домов уже составляются. Но нет согласованности, каких детей возвращать, а каких оставить в местах эвакуации, так как у многих детей здесь нет родственников и вопрос, что с ними делать, не решен. Даже взрослых возвращают не всех, а только тех, у кого есть подтверждение о наличии жилплощади. Домов много разрушено и сожжено.

Где мы живем, я тебе писала в предыдущих письмах. А сейчас сообщаю, что в школу меня записали на Расстанной – это недалеко от нашего прежнего разбитого довоенного дома. Я хотела поступить в нашу 99-ю образцовую любимую школу, где мы с тобой сидели рядом, но не вместе целых пять лет. Витька, а почему мы не сидели вместе? Не можешь ответить? А я знаю! Потому что вы все, мальчишки, дураки. И ты тоже. Боялся, что будут дразнить «бабником». Все в нашем классе знали, что ты мне нравился, но никто из девчонок меня не дразнил. Ну ладно!

В нашей школе теперь техникум резиновой промышленности. Я прошла по вашему двору, хотела увидеть ребят, с которыми училась вместе. Не встретила никого, словно все умерли или уехали.

Очень бы хотелось сидеть с тобой за одной партой. Может, ты уже поумнел и не стал бы отказываться.

Тысячу раз вспоминала, как мы ехали с тобой на телеге в день нашего с папой отъезда.

Я просила папу сделать вызов хотя бы Стоговым, матери и сыну, но он говорит, что надо обязательно указать при оформлении степень нашего родства, и шутит: «Вы же не жених и невеста».

Жду от тебя ответа. Знаю, что ты не любишь писать, ну хотя бы сообщи о своей учебе. Привет от папы. Он постоянно спрашивает о тебе.

Эльза

Медленно складывая листок, Виктор поймал себя на мысли, что воспоминания об Эльзе уже не вызывают в нем того трепета, который он испытывал, когда она была рядом и он с радостью откликался на ее слова и даже просто взгляды. Он не мог объяснить почему, но образ Эльзы стал блекнуть, как фотография под лучами солнца. И все-таки хорошо, до мелочей, помнилось расставание в день отъезда.

…Так получалось, что, когда Виктор поднимался и собирался в школу, тети Даши (так звали хозяйку), уже не было дома. Она вставала и уходила на работу, когда он еще спал, а возвращалась поздно, уставшая, и Виктор не задавал ей никаких вопросов. Он даже не знал, где она работает. Но однажды, идя домой после занятий не по улице, а по шпалам железной дороги, что было намного дальше, он натолкнулся на нее, разговаривавшую с мужчиной, сидевшим на порожках небольшого паровоза.

– Это ты, Виктор?! – удивленно вскрикнула тетя Даша, увидев своего постояльца. – Ты как сюда попал? – спросила она и, не слушая ответа, повернулась к мужчине: – Вот, Фрол, это мой квартирант, значит, из детдома, что в Ягодном находится. Учиться приехал.

– А ты не боишься его, Дарья? Они ведь, детдомовские, как волки, рыщут по деревням, чтобы обворовать кого-нибудь. Бывает, и ножичек пускают в ход. Лукерью, свояченицу, что в Подберезье, обокрали подчистую, закрыв в погребе. Из Ягодного, говоришь? Так там отродясь детдома не было! Он у нас единственный, трижды проклятый, в Воронопашино…

– Дядь! Что вы говорите? Не стыдно вам! Мы же не местные, мы из Ленинграда, эвакуированные.

До слёз обиженный, Виктор повернулся и пошел.

– Постой, постой, малец! Уж не те ли вы, которых два года назад я подтаскивал в четырех вагонах к самому тупику?

– Старый ты пень, Фрол! Зря мальчонку обидел! – накинулась на него женщина.

– Ну, погодь, погодь! Как тебя? Ну, прости, что ли! Будь человеком! Я ведь не хотел, за Лукерью осерчал! Хочешь, я тебе «Овечку» свою покажу?

Последние слова резко меняли ситуацию. Такого еще не было в короткой, но насыщенной приключениями Витькиной жизни. А он успел уже повидать немало всякой техники: это и танки, наши и немецкие, что привозили на Кировский завод в первые месяцы войны; и сбитые над городом вражеские самолеты, выставляемые для обозрения в Летнем саду; и даже бронеавтомобиль, на котором его, беглеца, вернули с фронта в детдом, да много чего еще… А вот паровоз оставался пока загадкой. Очень интересно было узнать, как пускают струю пара, от которой люди шарахаются в стороны.

Виктор остановился, но не обернулся.

– Ну, ты что стал? Залазь ко мне! – скомандовал машинист.

Стогов опрометью кинулся к паровозу, едва не сбив с ног тетю Дашу. Еще мгновение – и он оказался в паровозной будке.

Витька с полуслова схватывал все, что рассказывал дядя Фрол. Через десяток минут он готов был сдавать экзамен на машиниста.

– А можно мне проехать хоть немного? – с мольбой глянул он на дядю Фрола.

– Ну давай, сдвинь рычаг, только немного и легко, а то забуксуем.

Дрожащими руками Виктор потянул громадный рычаг подачи пара в цилиндры. «Овечка» медленно покатилась вперед, в сторону пешеходного перехода. Машинист дал два коротких гудка, подходя к деревянному настилу.

Выглянув в проем открытой двери паровоза, Стогов увидел, что среди нескольких ребят, ожидающих прохода паровоза, была и Нина Овчинникова. Не задумываясь, он схватил рукоятку гудка и потянул ее до отказа, отчего раздался не свист, а оглушительный рев, от которого многие, в том числе Нина, зажали уши.

– Ты зачем пугаешь людей, паршивец?! – закричал машинист.

Но Витька это пропустил мимо ушей и весь подался в дверной проем, чтобы Нина увидела его.

– Дядя Фрол, извини, мне показалось, что…

– Креститься надо, коль показалось! Такой гудок дают, когда есть опасность. За это знаешь как могут шею намылить, если станционный дежурный услышит!

Они остановились у самого тупика, и Стогов, поблагодарив, спрыгнул со ступенек на землю.

Идти до дома пришлось вдвое больше, но он под

впечатлением от пережитого не заметил этого.

Готовить обед не хотелось, поэтому, достав из погреба консервы «Бычки в томатном соусе», он съел с хлебом почти половину банки и запил холодной водой из чайника, сопровождая каждый глоток облизыванием куска колотого сахара.

Разбирая учебники к следующему дню, Витька увидел очередное письмо от Эльзы. Он глубоко вздохнул, понимая, что, несмотря на нелюбовь писать письма, ответить придется, и развернул два листа убористого и красивого почерка, где почти в стиле биографии Эльза написала о каждом ученике своего класса. Дальше шел подробный пересказ американского фильма про любовь девушки к солдату, воюющему в Европе, и сватовство к ней богатого, но старого буржуя.

Виктор задумался: «А мне о чем писать? О школе? О ребятах? Так я их почти не знаю». В Асине повседневная жизнь казалась скучной, однообразной, неинтересной. В Ягодном с заботами по хозяйству, в окружении ставших родными ребят и воспитательниц ему было веселее. Только сейчас он оценил, как тепло было рядом с матерью, с Валеркой, всегда готовым прийти на выручку, с мудрым, малоразговорчивым Никитичем, строгой Нелли Ивановной. Расставшись со старыми друзьями, он еще не обрел здесь новых. Ему, повзрослевшему, стало труднее сближаться со сверстниками. Никогда раньше он так долго не присматривался к одноклассникам, прежде чем подружиться.

Вот Славка Хромов пригласил к себе ребят посмотреть альбом с фотографиями Сталинграда. Многие пошли, в том числе и Нина, а он отказался. Ребят удивило, что он отдал предпочтение Павлику Хоменко, отец которого, как всем было известно, подрабатывает ремонтом обуви и даже шьет на продажу летние уличные тапочки из телячьей кожи. Почти все родители школьников чинили обувь у отца Павлика, вернувшегося с фронта без ноги, потому что больше чинить было негде. Павлик не стеснялся своей бедности, и это подкупало Виктора.

Они вошли в дом в тот момент, когда отец лежал возле рукомойника, поскользнувшись на мокром полу. Ребята вдвоем подняли его, оттащили к низенькой табуретке, сделанной из ящика, обтянутого лентами кожи.

– Вот, – извиняющимся голосом сказал отец Павлика, – никак не доделаю новую ногу, – он показал на березовый кругляк, чуть обтесанный по окружности, – нет времени. Очень много заказов, и всем срочно.

– А топор хороший у вас есть? – спросил Виктор.

– Есть, и, как весь инструмент сапожника, хороший.

– Давайте я обтешу, вы только нарисуйте, до какой толщины

снять щепу.

– Ну нет, Павлик уже один кругляк испортил, а их выбирать сложно. Не каждое полено годится для этого. Да ты небось топор-то держать не умеешь. Пашка мне говорил, что ты из Ленинграда, а там топор, наверное, только в музее можно увидеть.

– Не умел раньше, а в Ягодном председатель колхоза научил. Я вам карандаш заточу топором не хуже, чем ножичком.

Виктор взял топор и профессионально, как делал Никитич, провел большим пальцем по лезвию.

– Нормально! Я пойду на улицу.

– Зачем? Теши здесь, щепки нужны для печки. Вон там, у двери, пенек для дров, на нем и работай.

Виктор волновался, начиная работу под контролем двух пар глаз. Он снял тонкую щепу, как бы выравнивая то, что было вырублено до него. Потом частыми ударами стал обрабатывать полено по окружности до толщины, обозначенной химическим карандашом в торце.

Через полчаса он закончил, довольный своей работой, и мысленно поблагодарил Никитича.

– Есть рашпиль или грубый наждак? – уверенно спросил он. – Сейчас отшлифую. А на пятку хорошо бы толстый кусок резины.

– Есть толстая кожа, – вставил Павлик.

– Нет, только резина. Кожа от воды раскисает, – категорически заметил Виктор.

– Во, видал? А ты говоришь, городской, белоручка! – упрекнул Павлика отец.

Виктор расцвел от такой похвалы. Ему захотелось доделать протез до конца.

– Есть шарошка[27], чтобы выбрать углубление для ноги?

– Нету ее, спасибо, углубление для культи я сам вырежу ножом. Так ты всему этому у отца научился?

– Нет! Отца я не знал.

Такие вопросы ему не нравились, и он поспешил домой.

Уже по дороге решил, что для письма Эльзе есть два интересных события: поездка на паровозе и сделанная нога для инвалида. Но дома передумал: «Для одного письма хватит и паровоза, а деревянную ногу оставлю для другого письма».

…Зима торопилась, словно опоздавший на поезд пассажир. В конце октября температура опустилась до минус десяти градусов, а в начале ноября из тучи, повисшей над Асином, как пух из порванной подушки, долго – и день, и ночь без перерыва – сыпался снег.

Под утро, увидев скорчившегося от холода спящего Виктора, тетя Даша накрыла его тулупом, который вскоре свалился на пол.

От этого он и проснулся. Выглянув в оконце и увидев громадные сугробы, совсем закоченел.

Зиму он не любил: она напоминала о блокадном Ленинграде, когда надо было очень рано вставать и пробираться по глубокому снегу до булочной, чтобы занять очередь за хлебом. Он вспомнил, как, обессилев, иногда полз на четвереньках, преодолевая сугробы.

Из-за глубокого снега почти все школьники и учителя пришли в школу с опозданием. В классах было холодно, и директор разрешила сидеть в верхней одежде. Виктор поднял воротник, отчего стало тепло и захотелось спать. Он несколько раз пытался встряхнуться, резко поднимал голову и полусонным взглядом окидывал сидящих впереди ребят.

По расписанию была история, проходили Киевскую Русь. Но учительница вдруг обратилась к Виктору:

– Витя Стогов, тебе, наверное, наше сегодняшнее состояние напоминает учебу в блокадном Ленинграде. Да? Ты среди нас единственный, кто на себе испытал ужасы войны. Иди за мой стол, расскажи нам о блокаде.

Виктор был ошеломлен. Сон мгновенно улетучился, словно его взбодрили ушатом холодной воды.

Он поднялся и, идя к столу, сказал:

– А я в первую блокадную зиму не учился. Школы не работали. Все замерзло, а топить было нечем. Электричества не было. Парты все сожгли, учебники тоже. И есть было нечего.

– Ужасно! Как же вы остались живы?

– Не все остались живы. Многие умерли…

– И у вас в семье тоже?

– Да! – еле слышно произнес Виктор. – Умерла от голода сестра. Мы ее зашили в простыню, положили на санки…

Виктор умолк, потому что сейчас, находясь в холодном классе, он представил себе ту страшную ночь, когда в полной тишине раздавались только хрипы умирающей сестры. При слабом свете лампады Виктор видел ее полуоткрытый рот, из которого при каждом выдохе появлялась красноватая пена, и руку матери на голове дочери.

– Затем, – продолжил он, – повезли на кладбище и свалили в большую яму, в которой уже было очень много трупов. – Стогов снова сделал паузу. – Потом, уйдя за водой, пропала мама. Я пошел ее искать. Там, где раздавали воду, мне сказали, что ее увезли на кладбище…

От нахлынувших воспоминаний у Виктора начал дергаться подбородок. Видно было, что ему стоит больших усилий сдерживать себя, чтобы не разрыдаться. Он умолк.

– Ну, ну, Витя! Извини! Я, если честно, не представляла себе весь этот ужас. Узнать о блокаде из газет совсем не то, что услышать от человека, пережившего все это.

Учительница истории поделилась со своими коллегами впечатлением от короткого рассказа Стогова и предложила директору провести в каждом классе «Урок мужества» с участием Виктора.

– Вы же сами говорили, – вмешалась директор школы, – что у него от волнения подбородок задрожал. Может случиться, что с последнего «Урока мужества» его придется везти в психушку. Такой урок нужен, но проводите его сами, с учетом того, что рассказал Стогов. Поберегите нервную систему мальчика.

В этот день терпения проводить занятия в холодных классах хватило только до второго урока. Директор сама обошла школу и распорядилась отпустить детей.

Виктор, не снимая рукавиц, сложил в сумку учебники и поднялся, чтобы выйти из класса, но перед ним возникла Нина.

– Меня тоже потрясли твои воспоминания… Но я сейчас к тебе по делу, вернее, по просьбе мамы. Она просила передать, чтобы ты зашел к ней в райисполком или домой по поводу вашего директора детдома, кажется, Лялина ее фамилия. Мама не может связаться с ней.

– А что наш директор? Чем она не понравилась твоей маме? Она самый лучший директор! Может, даже во всей стране!..

– Да ты не лезь в бутылку. По-моему, ее за это и приглашают в область. Я точно не знаю. Так понял? Зайди к ней на работу или к нам домой. – Нина задумалась. – Лучше домой, сегодня часов в семь.

Не добавь она последнего «лучше домой», Виктор так бы и сделал, пошел бы к ним. Но дух противоречия удержал его.

Он вошел в райисполком и у первой попавшейся женщины спросил, где кабинет Галины Андреевны Овчинниковой.

– А тебе нужна именно председатель райисполкома?

– Да! Именно она!

– А по какому вопросу? – допытывалась женщина.

– Теть, если вы не знаете, где ее кабинет, так и скажите, а то пытаете: «По какому вопросу?»

– Галина Андреевна, голубушка, нашли время с пацаном говорить! Вы меня подводите, поехали быстрее! – налетел на них громадного роста мужчина.

– Так вы и есть Галина Андреевна? Мне Нина сказала, чтобы я пришел к вам.

– Ага, я все поняла! Ты из детдома. Мне сейчас некогда, приходи к семи часам ко мне домой.

…Виктор не без волнения подошел к дому Овчинниковых. Часов у него не было. На квартире по ходикам рассчитал, сколько времени ему надо на дорогу. Получилось, пришел точно, вовремя. Но тут же подумал: «Что, если Галины Андреевы еще нет? Как тогда быть?» Ему еще не приходилось оставаться один на один с девчонкой. Он даже не представлял себе, о чем с ней надо говорить. Сказать, что подождет ее маму на улице? Так она не позволит выйти.

Виктор решил подождать немного и сел на скамейку возле крыльца. Но сидеть было холодно. Он еще не встал, как отворилась калитка и быстрым шагом вошла Галина Андреевна.

– Давно ожидаешь? – спросила она, поднимаясь на крыльцо, и, веником очистив бурки от снега, открыла дверь. – Заходи, замерз небось как суслик. Нина! Что же ты приморозила гостя к скамейке!

Виктор снял валенки, остался в шерстяных, штопанных красными нитками носках. Его это не смущало. Мама внушала, что стесняться надо дыр.

– Ну, давай знакомиться! Как тебя…

– Мама, это и есть «всадник без головы», – выкрикнула Нина из кухни.

– Нина, стыдись величать гостя обидными кличками.

– А я тоже придумаю ей кличку.

– И какую, если не секрет? – улыбнулась Галина Андреевна.

– Одесская селедка! – не задумываясь, выпалил Виктор.

– Неплохо, неплохо, но вот беда: в Одессе селедки нет. То есть она есть, но в банках, консервированная, привозная, ведь в Черном море селедка не водится.

– Я придумаю что-нибудь другое.

– Ну ладно, с подпольными кличками закончим. А как тебя величают не такие зловредные, как Нина?

– Виктор Стогов.

– Виктор. Красивое имя! А ты знаешь, от какого латинского слова оно произошло? – И, видя, что вопрос привел Виктора в смущение, сказала: – «Виктория» – значит «победа»! Поэтому, как бы эта вредная девчонка тебя ни называла, ты победитель! Только это надо оправдывать своими поступками!

Пока Галина Андреевна просвещала Виктора относительно его имени, Нина стояла сзади, прислонившись к кухонной двери, и слушала.

– Нина, давай ужин и чай! – распорядилась Галина Андреевна.

– Спасибо, я уже ужинал. Я хотел бы узнать, что я должен передать Нелли Ивановне.

– Так, значит, ты ужинал и не желаешь посидеть с нами за столом? А что ты ел на ужин, если не секрет?

Виктор не ожидал такого откровенного вопроса.

– Ну, всякой еды прислали: мясо, сало, яйца, масло, хлеб, пряники и прочее.

– И ты все это вместе с прочим ел сегодня на ужин?

– Нет, всего понемногу.

– А вот у нас на ужин отварной картофель и… селедка! – Они обе засмеялись. – Иди-ка мой руки и хватит выдумывать! За трапезой я все и расскажу.

От запаха горячей рассыпчатой картошки у него даже голова закружилось. Он съел все, что ему положили, потом кусочком хлеба вытер тарелку и его съел.

За чаем Галина Андреевна рассказала, что Томский обком партии и облисполком просили дать фамилии лучших директоров, учителей и воспитательниц учреждений Наркомпроса[28] для награждения и премирования.

– Я говорила о Лялиной еще год назад. Какая это будет награда – орден, медаль или ценный подарок – я не знаю. Вашего директора просили выступить в Томске перед делегатами областного актива с докладом о воспитании дошкольников. Виктор, это очень важное мероприятие, поэтому, если ты не против, мы найдем тебе коня съездить на день-два в Ягодное. Со школой я договорюсь.

Галина Андреевна сдвинула посуду и на листе что-то написала.

– Вот, передашь своему директору!

От Овчинниковых Виктор ушел поздно, в темноте с трудом отыскивая тропинку до дома. Всю дорогу он думал о странности Нининого поведения. Вроде бы она все время искала повод поддеть его самолюбие, но когда он, одеваясь, оборвал пуговицу, совершенно серьезно сказала:

– Сними пальто, я сейчас быстро пришью.

В ее словах и взгляде не было и капли ехидства.

Перед самым звонком с четвертого урока математики в класс заглянул солдат и робко попросил:

– Мне бы Стогова. Я по поручению председателя райисполкома.

Весь класс, как по команде, обернулся в сторону Виктора.

– Подождите минутку, я сейчас дам домашнее задание и отпущу его, – сказала учительница.

С математической точностью после записи задания на дом прозвенел звонок. Стогов пулей вылетел из класса.

– Вот, начальник наших курсов прислал коня. А где отыскать тебя, объяснила председатель райисполкома.

Виктор с замиранием сердца смотрел на высоченного жеребца и настоящее кавалерийское седло. Но на крыльце собирались ребята, и он не мог позволить себе дать волю эмоциям. Сдерживая волнение, Стогов взял коня под уздцы.

– Далеко ехать? – спросил солдат.

– Да не очень, километров тридцать пять – сорок.

– Ого! – удивился солдат. – Ты, парень, не очень гони! Это имущество военное.

– Дядь, а шпоры дайте, – попросил Виктор, завороженно глядя на сверкающие кавалерийские принадлежности бойца.

– Да, как же, сейчас! Это личное имущество, я за него отвечаю.

– Дайте же! – вмешалась Нина. – Лошадь просила моя мама, председатель райисполкома. Она не знала, что к лошади нужны

шпоры. Вам их вернут завтра же!

– Зачем тебе шпоры? Ты же в валенках.

– Я сейчас заеду на квартиру, переобуюсь.

– Ну на! В конце концов, это мои собственные.

– Витька, мама просила, чтобы директор выехала завтра же! Ты еду-то возьмешь в дорогу?

– Что я, в Ленинград еду? Обойдусь! Ладно, пока!

Он с места взял в галоп.

– Вот бандит! Запалит коня! Приедет – башку сверну! – возмутился боец.

– Не запалит. Это он для форса перед ребятами. А вообще он лошадей любит, – заступилась Нина.

.. В Ягодное Виктор приехал достаточно быстро, несмотря на то что два раза спрыгивал и бежал рядом с лошадью, чтобы согреть ноги в сапогах со шпорами, которые оказались не нужны: конь и так шел хорошо.

Появление Виктора в детдоме да еще на чужой лошади было встречено с удивлением и надеждой, что он привез сообщение о возвращении в Ленинград. Но он сразу ринулся искать Нелли Ивановну, чтобы передать записку. Мимоходом с досадой подумал, что чужую лошадь заметили, а на кавалерийское седло никто не обратил внимания. Правда, шпоры заметил Саша Балтийский и спросил: «Витька, а что за железки у тебя на каблуках? Подошвы отвалились, что ли?»

Прочитав сообщение, Нелли Ивановна спросила Виктора:

– Ты читал, что здесь написано?

– Не, я и так знаю. Она сказала, что вас хотят чем-то наградить.

– Это не главное, а вот выступление на таком совещании – это серьезно. Надо готовиться. А когда? Вот напасть! Придется ночь сидеть. Ты вот что, иди к маме, но имей в виду, выедем рано.

Утром, привязав солдатского коня к саням, они устроились в розвальнях. Нелли Ивановна продолжала готовиться, а Виктор закутался в тулуп и проспал всю дорогу.

…Пришедший в школу за лошадью солдат стал внимательно осматривать коня, но, услышав, что при возвращении Виктор даже не садился в седло, подарил ему шпоры.

Нелли Ивановна объявила, что ночевать будет у Овчинниковой, чем очень огорчила Виктора.

«Наверняка, – подумал он, – будут говорить обо мне, Эльзе, наших с ней отношениях…» Ему этого не хотелось: образ Эльзы постепенно вытеснялся образом дерзкой, умной Нины.

То, что о нем был разговор, Виктор догадался сразу, когда

они встретились с Ниной в школе. Она как-то пристально и серьезно смотрела на него.

– Ты чего? В первый раз видишь?

– Таким – в первый раз.

– Каким – таким?

– Легендарным!

– Каким-каким?

– Нелли Ивановна рассказала вчера о твоих приключениях в блокадном городе. Я сама кое-что знала из твоего короткого рассказа в школе. Но вчера услышала новое: как ты с дружками ловил диверсанта-сигнальщика, как обгорел и чуть не свалился с крыши школы, сбрасывая зажигательную бомбу, как с дружком сбежал на фронт и многое другое.

– А может, она все выдумала, а вы уши развесили.

– Можешь говорить все, что угодно, но такое нельзя выдумать – это надо пережить или быть свидетелем.

Визит Нелли Ивановны к Овчинниковым сыграл свою роль. С этого момента отношения Виктора с Ниной и сверстниками стали теплее, доверительнее. Он сходил с ребятами в клуб гарнизона. Проводила их в зал Ирма Школьник через дверь с надписью: «Выход». Увидев Ирму на работе, Виктор едва поверил своим глазам. Это была настоящая «тетка» с намазанными губами, копной волос на голове, подведенными бровями и накрашенными ресницами.

Из Томска Нелли Ивановна вернулась радостная и озабоченная одновременно. Ее выступление произвело хорошее впечатление на партийно-государственных руководителей области. Неожиданностью для Овчинниковой, сидевшей в зале, прозвучало заявление Нелли Ивановны о внимании, оказываемом детскому дому руководством райисполкома. Закончилось заседание награждениями. Нелли Ивановне вручили орден Трудового Красного Знамени, а упомянутые ею в выступлении Вероника Петровна и Изабелла Юрьевна были отмечены почетными грамотами областного комитета народного образования.

Но тот мед, которым потчевали Нелли Ивановну, содержал в себе и ложку дегтя в виде настойчивого предложения остаться здесь, в области, с намеком на высокую должность. Будучи беспартийной, Нелли Ивановна тем не менее хорошо знала, что начальство не любит строптивых… Эта мысль не давала ей покоя, как заноза, сверлила мозг.

Как и до отъезда в Томск Нелли Ивановна снова остановилась у Овчинниковых. На следующий день вместе с почтой она

собиралась уехать в Ягодное.

Приход директора в школу оказался полной неожиданностью для Стогова. Увидев ее входящей через калитку на территорию школы, он понял, что на сей раз избежать взбучки не удастся. Не единожды Нелли Ивановна просила его показать дневник. Но каждый раз дневник оказывался то на квартире, то у классной руководительницы, то забыт в школе. Стыдно было показывать одни тройки. Виктор вспомнил, как оправдывался перед классной руководительницей: он не успевает с уроками, дела по хозяйству отнимают слишком много времени. Надо готовить еду, убирать постель, мыть посуду, колоть дрова, топить печь. Однажды соврал Елизавете Васильевне, что даже сам стирает себе белье. Ее это убедило. Но для Нелли Ивановны это вряд ли послужит оправданием.

Как назло, в дневнике появилось совсем свежее замечание, написанное физичкой: «18 декабря, в начале урока, ударил Вострикова, отказавшись объяснить причину своего хулиганского поступка, за что был удален из класса». Виктор не стал никому объяснять, что они с Овчинниковой сели на кнопки, подложенные Лешкой Востриковым на скамейку их парты. Не вскрикни Нина от боли и не хихикни Лешка, он, может быть, потом, на перемене, расквитался бы с ним. Но Овчинниковой было больно, и потому, развернувшись, он наотмашь дал Вострикову оплеуху, прозвучавшую на весь класс. Физичка стала требовать объяснений. Востриков струсил, Нина стеснялась… А что делать Виктору? Он молчал, как партизан в плену. Драк Нелли Ивановна не признавала, объяснений не слушала и всегда очень сердилась. Поэтому этот грех замолить перед директором было бы сложнее всего.

Как спасение, прозвучал звонок на урок, и Стогов первым проскочил в класс, полагая, что пока избавился от встречи с директором. Но вместе с Елизаветой Васильевной вошла и Нелли Ивановна.

Сам не понимая зачем, он столкнул учебник на пол. Сев на корточки, стал делать вид, что занят его поиском. Сработал инстинкт «не попадаться на глаза».

– Стогов, поднимись! Ты что там ищешь? За тобой пришли! – окликнула его классная руководительница.

Виктор медленно выпрямился, демонстративно отряхивая пыль с учебника.

– Виктор! – наконец увидела его Нелли Ивановна. – Тебя раньше отпускают на новогодние каникулы. Поехали!

Голос у нее был ласковый, а лицо доброе.

Виктор поспешно сгреб учебники, тетради и ринулся к двери,

забыв попрощаться не только с ребятами, но и с классным руководителем.

Сообщение Нелли Ивановны о высокой оценке педагогического труда сотрудниц детского дома не сильно обрадовало коллектив. Более того, каким-то образом просочилось известие о том, что Нелли Ивановне предложили должность председателя комитета народного образования Томской области. Многие считали, что это такой соблазн, перед которым трудно будет устоять. И если директор согласится, то на возвращении в Ленинград можно поставить крест.

Нелли Ивановна ловила на себе настороженные взгляды воспитательниц и решила разрядить обстановку. Она собрала сотрудниц и, чтобы ослабить напряженность, превратила ответ на этот вопрос в шутку.

– Я, Лялина Нелли Ивановна, – начала она серьезно, – торжественно клянусь, что никогда, ни за какие калачи не предам свой коллектив! И если кто-то мне не очень верит, готова укусить свой палец и кровью подписаться под этой клятвой!

Она никак не ожидала такой реакции. Молодые воспитательницы завизжали и захлопали в ладоши, а Вероника Петровна, молча, величественной походкой приблизилась к Нелли Ивановне и поцеловала ее в щеку.

Нелли Ивановна едва не расплакалась: «Я даже не задумывалась над тем, какая у меня крепкая, сплоченная семья!»

Новогодние каникулы Виктор проводил в детдоме.

Несмотря на то что теперь его все считали гостем, он с большой охотой кинулся в омут хозяйственных работ: перепилил и переколол дрова, вычистил хлев и конюшню, съездил за сеном на дальнее поле.

За елкой они ходили вдвоем с Валеркой. Перебивая друг друга, обменивались накопившимися за длительное время новостями.

Виктор слушал и удивлялся, как многое изменилось в жизни его и Валерки за это время. Раньше Валерка никогда бы не сказал, что ему нравится местная девочка Даша Грошева, потому что это было бы изменой другу и в ответ он запросто мог услышать от Витьки обидное слово: «Бабник!»

Слушая Валеркины признания, он вдруг подумал, что, если бы сейчас ему пришлось сделать выбор между Эльзой и Ниной, он выбрал бы Эльзу. Она была родная, своя, с ней столько всего было связано! И детские шалости, и трагедия блокады, и трудности привыкания к новому месту, и недавние робкие проявления

чувства большего, чем просто дружба…

Накануне Нового года, перебирая свои вещички, часть из которых он намеревался взять с собой в Асино, Виктор обнаружил давно забытые петли для охоты на зайцев. Тотчас вспомнил способы, как их ставить, рассказанные одним из беглых заключенных, ночевавших у них в бане. В память врезалась сцена, когда старший из беглецов, которого звали Доктор, торжественно преподнес Нелли Ивановне лисью шкуру, назвав при этом директора Екатериной Великой. «Во здóрово! Я же могу сделать такие же подарки маме, Нелли Ивановне». От мысли, что можно подарить заячью шкурку и Нине Овчинниковой, у Виктора перехватило дыхание. Остаток дня, исправляя петли, он не переставал думать, как преподнесет ей этот подарок.

К вечеру, никому не говоря, Виктор отправился к реке, где, как ему помнилось, всегда было много заячьих троп. Привязывая одну петлю за другой, он далеко ушел от деревни, из-за чего домой вернулся в сумерки.

Ранним утром, когда весь детдом еще спал и не проснулись даже первые петухи, он оделся и шмыгнул за дверь. Только скрип снега под его валенками гулко раздавался в морозном воздухе.

Спускаясь к реке, он представил себе, как отнесет кучу мерзлых зайцев Никитичу и попросит снять шкурки с трех самых крупных. За всю свою короткую жизнь ему не приходилось дарить подарки, и он не знал, как это делается. Маме он просто отдаст шкурку и скажет: «Ма, это тебе вроде как с Новым годом!»

Помнится, при вручении лисьей шкуры директору Доктор поцеловал ей руку, как это делали вельможи, обращаясь к Екатерине Великой. Он бы тоже хотел преподнести Нелли Ивановне заячью шкуру, сравнив ее с какой-нибудь другой императрицей, но, сколько ни пытался, не мог припомнить никого, кроме Екатерины Второй. Но руку целовать он бы не стал даже настоящей императрице.

А что, если преподнести заячий мех Нине Овчинниковой со словами: «Это вам, ваше величество…» Наверняка она вытаращит глаза и снова назовет его «всадником без головы».

…По мере того как он шел от одной пустой петли к другой, радостные мечты сменялись досадой и обидой на того, кто обманул его надежды.

«Хорошо, что не похвастался никому, даже Валерке», – думал он, возвращаясь домой с кучей снятых петель, намереваясь незаметно проскочить в свою группу. Но почти у самого входа его встретил вездесущий Никитич.

– Ты что, ставить собрался? – Никитич показал на петли.

Стогов смутился. Подтвердить не решался, потому что беглец

говорил, что ставить петли надо с вечера. А если сказать, что снял сейчас, то почему без добычи? Он решил сказать правду.

– Нет, ставил вчера. Ничего не поймал, – угрюмо пробурчал он.

– А ну-ка, расскажи, как ты ставил?

– Обыкновенно, шел по тропе. Если есть рядом куст или коряга, привязывал и распрямлял петлю для морды зайца.

– Так и шел по тропе?

– Да, а что?

– Ишь ты! Привык в своем Ленинграде ходить по асфальтам: гладко, хорошо, ноги не проваливаются. Ты же тропу затоптал. Какой же заяц-дурак пойдет по ней после тебя? Идти-то надо рядом. Это, конечно, неудобно, по колено в снегу. А легко-то ничего не дается. Сходи с моим Пашкой. Он тебе все покажет, а потом и сам наловчишься. А может, и не надо вовсе. – Никитич сделал паузу. – Стая волков промышляет возле деревни. У твоего физика Прока двух овец уволокли, те даже не пикнули. Волки сейчас лютые, непуганые, прямо в деревню лезут, а до войны они деревни сторонились. Ружье-то Ивановна дает?

– А что толку – патронов мало.

– Вот то-то. И у меня их десяток осталось. Есть патроны, порох, а капсюлей нет. Братан хотел было привезти с фронта – так отобрали. А кабы был еще хоть десяток, сходил бы на Лысую гору, поднял бы косолапого из берлоги…

– А меня бы взяли с собой? – сразу загорелся Стогов.

– Нет. Только собак, чтобы подняли косолапого. Медведь разбуженный – лютый, страсть!

Начало новогоднего утренника, назначенного на двенадцать часов, почему-то откладывалось директором. Она находила все новые и новые причины: то занавес из простыней висит криво, то Красная Шапочка стоит со спущенным чулком, то Серый Волк оказался с одним ухом, то один из семи гномиков от волнения напустил целую лужу. Нелли Ивановна с неудовольствием смотрела на громко чихавшую Веронику Петровну, наряженную Дедом Морозом. Ее нос, раскрашенный красной акварелью, из-за постоянного пользования платком потерял нормальные очертания и расползся на пол-лица.

Вдруг, глянув в окно, директор радостно заметила:

– Ну какой из вас, Вероника Петровна, Дед Мороз с таким насморком? Займите детей еще минут двадцать.

Сказав это, она стремительно направилась к выходу. Через минуту в кабинет директора проследовали гости.

Стогов заглянул в приоткрытую дверь и остолбенел от

неожиданности: Галина Андреевна и Нина Овчинниковы наряжали Дедом Морозом громадного роста мужчину, которого он видел в райисполкоме. Длинная собачьего меха доха и нахлобученная меховая шапка делали его больше похожим на медведя.

– Семен Николаевич, голубчик, – говорила Галина Андреевна, – вы только вспомните, что и как надо говорить, ведь перед вами дети, а не сотрудники райисполкома. И не трясите головой, иначе борода отвалится.

Она оглянулась и, увидев Виктора, попросила:

– Витя, проводи Семена Николаевича… да нет, Деда Мороза на сцену, а мы сейчас с Ниной переоденемся.

Виктор, еще не придя в себя от такой неожиданной встречи, машинально взял Деда Мороза за рукав и молча повел за собой.

– Здравствуйте, дорогие ребята! – густым басом обратился Семен Николаевич к детям, шествуя по проходу. – Я только что прилетел к вам из Ленинграда, чтобы поздравить вас с Новым годом, передать вам привет от ленинградских детей и пожелать счастья! Ваши сверстники ждут вашего возвращения в родной город!

Дальше его выступление вошло в рамки привычной бюрократической трескотни. Он сам сознавал свою беспомощность и с надеждой смотрел на дверь директорского кабинета. И едва дверь приоткрылась, Семен Николаевич радостно провозгласил:

– Товарищи! Сейчас перед вами выступят царица из Тридесятого государства и прибывшая с ней Снегурочка!

По проходу шли Галина Андреевна, в белом одеянии, с короной на голове и с аккордеоном, и наряженная Снегурочкой Нина со скрипкой.

Ребята, не привыкшие к незнакомым людям, восприняли их настороженно.

Не веря в способности Деда Мороза, Галина Андреевна взяла инициативу в свои руки.

– Ребята! Дедушка Мороз пришел к вам издалека, устал,

дадим ему возможность отдохнуть?

– Да-а-а! – довольно дружно и громко ответили дети.

– Ну вот, Дедушка Мороз, иди отдохни, а потом приходи со своим мешком подарков!

Она легонько стала подталкивать его в проход между стульями.

– Хотите, чтобы мы со Снегурочкой сыграли, а вы спели песенку «В лесу родилась елочка»? – обратилась она к детям.

Услышав звуки аккордеона и скрипки, многие ребята замерли от удивления. Они не пели, а зачарованно слушали и смотрели на Галину Андреевну и Нину, извлекавших знакомую мелодию из инструментов, название которых дети напрочь забыли, а может быть, и не знали никогда.

Глядя на ребят, Виктор подумал, что сам не может припомнить, когда слышал последний раз скрипку и тем более аккордеон, очень редко звучавший перед войной. С началом блокады запомнились марши, исполняемые духовыми оркестрами. С осени сорок первого основным звуком, раздававшимся из репродукторов, был такт метронома, оповещавший, что, несмотря на стужу и голод, Ленинград жив.

А дальше? Дальше жизнь детей протекала под звук работы корабельного двигателя, стук вагонных колес и, наконец, голоса воспитательниц, певших те песенки, которые исполняли сейчас на аккордеоне и скрипке царица из Тридесятого государства и Снегурочка.

Потом гости сыграли еще несколько детских песен, и в завершении Нина исполнила на скрипке «Колыбельную» Моцарта. Виктор не раз слышал эту мелодию в Ленинграде по радио, но в таком исполнении воспринимал ее впервые.

Слушая игру Нины, Виктор понял, что хочет научиться играть, и стал ломать себе голову: «Где взять скрипку?» Он не знал, что самому научиться играть на скрипке почти невозможно. «Я вывернусь наизнанку, но научусь!» – убеждал он себя.

Галина Андреевна общалась с детьми легко, свободно, на доступном им языке, словно всю жизнь проработала воспитателем детского сада. Она водила хоровод вокруг елки, пела, а малыши, толкая друг друга, пытались схватить ее руку.

Ребята постарше перестали дичиться и уже сами тянули вверх руки, желая выступить со стишком или песенкой.

Детский праздник закончился тем, что Дед Мороз вместо традиционного мешка принес большую коробку из-под макарон и стал раздавать детям маленькие кулечки с пряником, мармеладкой и соевым батончиком.

Концерт «приезжих гастролеров» продолжился вечером в

доме старшей группы, где Польди накрыла скромный праздничный стол.

На правах единственного мужчины за столом командовал Семен Николаевич.

– Дорогие ленинградцы! – начал он. – Нет слов для восхищения вашей стойкостью в годы блокады! Я думаю, что это следствие общепризнанной высокой нравственности и культуры жителей города на Неве! Вы стали примером для подражания. Я счастлив, что вы появились в нашем медвежьем углу! Пусть грядущий год принесет вам счастье и возвращение на берега родной Невы! За Победу! За нашу скорую Победу! Ура, товарищи!

По просьбе присутствующих Овчинниковы исполнили много довоенных песен. Под аккомпанемент аккордеона Галины Андреевны Александра Гавриловна спела всеми любимый «Синий платочек». Что-то спел и Семен Николаевич, у которого оказался почти шаляпинский бас.

Нина сидела с Виктором, который был поражен всем увиденным и услышанным. Он знал, что от природы у него хороший слух, но музыке никогда не учился. Во дворе, где прошло его детство, ценились другие таланты: умение драться, стрелять из рогатки и оглушительно свистеть.

Конец вечера подпортил притащившийся сильно выпивший Никитич. Он расстегнул полушубок, выставил на стол початую бутыль, заткнутую газетной пробкой, выдернул ее зубами и, не интересуясь, кто сидит за столом, дал команду:

– Наливай! Новый год, и точка!

Семен Николаевич налил содержимое бутыли в жестяную кружку и придвинул ее Никитичу.

– Хочу сказать… – Никитич громко икнул и сделал глоток свекольного самогона. – Хочу сказать… – повторил он. – Нет, сначала выпью. – И одним глотком выпил всю кружку.

– Савелий Никитич, мы поём, – перебила Нелли Ивановна, – не надо говорить!

– А-а! Тогда и я спою! Дайте-ка гармошку!

– Гармошки у нас нет, – вмешалась Аля.

– Ладно, я так.

Он исполнил полкуплета сибирской частушки и замолчал. Потом признался, что забыл слова.

Все зааплодировали, выражая восхищение его «вокальным талантом». Никитич улыбался, кланялся, но не садился. Похоже, собирался спеть все, что помнил.

Виктор тихо пробрался к выключателю. Когда свет погас, Никитич прервал свое выступление и, понося Прока с его «динамой», пошел к выходу.

Через неделю после начала каникул Виктор стал все чаще и чаще вспоминать асиновскую школу, новых ребят, особенно Нину Овчинникову. В последние дни учебы перед каникулами она перестала ехидничать, в спорах уже не называла его «всадником без головы». Видимо, убедилась, что у Стогова голова на месте, но от клички, ну хоть какой-то, отказаться не могла. Так, рассердившись на него, как-то назвала «ленинградским крокодилом». Виктор с улыбкой напомнил ей, что, по логике ее мамы, Галины Андреевны, эта кличка неудачна, потому что крокодилов в Ленинграде нет. Если и есть, то привозные, для зоопарка, как селедка в Одессе.

Возвращаться в Асино теперь, после зимних каникул, было гораздо легче. Если бы не расставание с мамой, Виктор сильно и не грустил бы. Он жалел ее, видя, как она волнуется, провожая его, укладывая на сани мешки с мороженными щами, молоком, картофельным пюре, хлебом.

– Я специально замораживала все в форме тарелок, чтобы удобно было разогревать. Вот разрубишь «тарелку» щей пополам, одну половинку разогревай, а вторую сразу в мешок – и на мороз…

– Ма, ну что я, маленький? Ты еще напиши мне на бумажке, чем лучше рубить тарелку – лезвием или обухом топора.

Мать смутилась.

– Ты мне правду сказал, что с учебой все нормально?

– Да, ма, я тебя не обманывал ни в чем!

– Ну, тогда с Богом! – Она перекрестила сына.

Соскучившись по Нине, Виктор в первый же день по приезде пришел к ее дому в надежде встретиться. Замерзая, он долго топтался на месте, не отводя взгляда от крыльца. Но Нина появилась с другой стороны улицы на лыжах. Он подскочил к ней.

– Бр-р-р, я превратилась в сосульку! Помоги мне снять эти кандалы с ног! – попросила девочка.

Виктор присел, рассматривая ее нехитрый спортивный инвентарь. Валенки крепились к лыжам брезентовыми хомутами и, чтобы не выскакивали из них, закреплялись веревками, обмотанными вокруг голенища. Узлы настолько замерзли, что развязать их было невозможно.

– Держись за палки, я дотащу тебя до крыльца, а там разрежем веревки ножом.

Виктор взялся за сделанные из фанеры кружочки на концах палок и, затаптывая лыжню своими валенками, медленно пошел к дому. Он помог Нине забраться на крыльцо и войти с лыжами в

сени.

– Представляешь, я второй раз в жизни встала на лыжи. В Одессе их можно увидеть только в кино и на картинках. Это не то что у вас, в Ленинграде.

– А мы больше катаемся на коньках.

– А как?

– На валенки веревками прикручиваем снегурки[29], из проволоки делаем крюк, похожий на кочергу, цепляемся за борт грузовой машины и мчимся, иногда даже с искрами по булыжнику, пока дворник не поймает. На них надо уметь удержаться, особенно когда цепляешься. Иначе так дернет, что носом проедешься по мостовой.

Нина с любопытством слушала, переодевая шерстяные носки.

Виктор умолк, пристально глядя на Нину.

– Ты что? – удивленно спросила она. – В первый раз видишь или не узнаёшь меня?

– Не узнаю.

– Что же во мне изменилось и когда? – допытывалась она.

– Когда увидел тебя играющей на скрипке… – Виктор заметно волновался. – Ты когда-то назвала меня «легендарным». Но это с чужих слов. А на самом деле это ты такая… «легендарная»…

Виктор заметил, что Нину это взволновало: у нее порозовели щеки, заблестели глаза, а губы изогнулись в загадочно-ироничной улыбке. Она молча потупила взор. Но это длилось недолго. Прикрывая свое смущение привычным: «Дурак ты, Витька!» – она не смогла скрыть, что сказанное ей было приятно.

– Что же, всех, кто играет на скрипке, можно называть «легендарными»?

– Нет! Только тебя…

Он не успел продолжить. Нина его перебила:

– Ясно, ты ударился головой, когда нырял с берега Яи! – и засмеялась.

Желание играть на скрипке глубоко засело в сознании Виктора. По наивности и детской самоуверенности он не сомневался, что научится играть. И это будет сюрпризом для Нины. Дело оставалось за малым: где взять скрипку? Попросить у Нины он не мог. Какой же это сюрприз? Потом, ее скрипка – это память о папе, который, как говорила Нина, был виртуозом, особенно когда играл зажигательные венгерские мелодии. Скрипка лежала на верхней полке этажерки, прикрытая большим платком, который, оказывается, папа подкладывал под подбородок. Правда, Виктор постеснялся спросить зачем. Но если это нужно, то платок он всегда найдет.

В какой-то момент его осенило, что скрипку все-таки кто-то делал своими руками. А почему не попробовать сделать самому?

Теперь, бывая у Овчинниковых, он долго рассматривал ее: размеры, соотношение деталей, очертания корпуса и различных отверстий. В библиотеке пересмотрел всю имеющуюся скудную литературу об этом музыкальном инструменте. Теперь он знал, что такое гриф, дека, подбородник – ну, словом, все, что необходимо знать, чтобы смело браться за труд.

Для выполнения эскиза нужен был большой лист бумаги, которого у него не было. Единственный выход из положения – это воспользоваться плакатом, висевшим на стене поселковой библиотеки, «Что ты сделал для фронта?». Для фронта он хотел сделать многое еще в Ленинграде, но его с фронта вернули да еще упекли в детский дом. Поэтому, считая, что перед фронтом его совесть чиста, поздно вечером он снял еле державшийся на двух кнопках плакат.

После многократных исправлений Виктор добился достаточного сходства своего эскиза со скрипкой Овчинниковых. Фанера и столярный клей имелись в сарае у тети Даши, хранившей там все имущество воевавшего мужа.

Работать приходилось тайком и понемногу, когда не было хозяйки. Кроме того, нельзя было запускать и школьные домашние задания. Конечно, он не мог точно скопировать боковые вырезы, какие есть у настоящей скрипки, да они ему казались и необязательными. Из-за сложности выполнения резонансных отверстий на верхней деке в виде завитушек он ограничился круглыми отверстиями, считая, что и они тоже необязательны.

Во всяком случае, ярко выраженная «талия» скрипки делала его произведение похожим на настоящую. Обвязывая веревкой только что приклеенную, распаренную в горячей воде обечайку[30] из фанеры, он мысленно представлял себя играющим перед классом на инструменте, сделанном, что очень важно, своими руками. Иногда фантазия уносила его так далеко, на такие недостижимые высоты в виде концертных и театральных подмостков, что начинала кружиться голова.

…В этот день тетя Даша пришла раньше обычного и застала Виктора за отделочной работой. Мусора особого не было, но тем не менее Виктор стушевался.

– Чтой-то это у тебя, Витя?

– Тетя Даша, это я так, для себя, – взволнованно заговорил Виктор, – ну, что-то вроде скрипки хочу сделать. Я сейчас мусор уберу.

– Да бог с ним, с мусором! Делай-делай. Это лучше, чем курить и болтаться по поселку, как наши оболтусы. У меня сегодня ввечеру гости соберутся. Фролу, ты знаешь его, шестьдесят стукнуло. Не хочешь с нами посидеть?

– Не, я пойду к другу, задачу по математике задали трудную, вот мы и разберем ее, – сочинил байку Виктор.

Виктор вернулся, когда гости уже ушли. Тетя Даша убирала посуду.

– Знаешь, Витя, скрипку твою Фрол сломал, старый мерин. Вылез из-за стола, хотел на гармонии сыграть и сел на твой стул. А на нем под рубахой лежала твоя скрипочка… Он и раздавил ее. Глянь, небось починить нельзя будет…

Виктор поднял со стула свое драгоценное детище, превратившееся в большой блин. Слезы брызнули сами собой…

Весна сорок пятого несла не только избавление от опостылевших холода и снега, но и радость от побед Красной

армии, уже освобождающей страны Европы. Вести с фронтов стали значительно быстрее достигать сибирской глубинки. И вместе с тем все тяжелее становилось сотрудникам детдома переносить затянувшуюся ссылку в Сибирь.

Неопределенность рождала десятки домыслов, один мрачнее другого. Все чаще стали говорить о неправедной «руке» сибирских властей, пытающихся удержать здесь уже сформировавшийся детский дом. Словно в подтверждение этому в марте приезжало районное начальство с планом строительства новой большой школы для возвращающихся фронтовиков, не успевших получить среднее образование. Осмотрев детский дом, чиновники пообещали установить электронасос в колодец для подачи воды в кухню и рукомойники. Раньше это бы обрадовало, но не сейчас. Накал страстей возрастал. От советов, что делать и как, Нелли Ивановна не знала, куда деваться. Все недобрым словом поминали Пожарова с его обещанием ускорить возвращение детдома. «Наскипидаренная», Нелли Ивановна поехала в район.

Едва переступив порог дома, где жил Стогов, она задала мучивший ее вопрос:

– Виктор, я знаю, что ты переписываешься с Эльзой. Она что-нибудь пишет о действиях отца?

Стогов, еще не пришедший в себя от внезапного появления директора, молча достал два своих возвращенных письма со штампами: «Адресат выбыл».

– Всё! – гневно заявила она. – Надо самим взяться за ниточку и раскручивать клубок. Пойдем к Овчинниковой домой!

Галина Андреевна очень удивилась внезапному визиту, принимая гостей в домашнем халате. Она вопросительно смотрела то на директора, то на Виктора. С недоумением смотрела на гостей и Нина.

– Я очень извиняюсь, – начала Нелли Ивановна, – но если я не проясню обстановку, у меня на корабле начнется бунт. Все сотрудницы ни о чем больше думать и говорить не хотят, кроме как о возвращении домой, в Ленинград. Есть предположения, что возвращению противодействуют район и область – словом, местные власти. Мне кажется, сложившиеся между нами добрые отношения позволяют надеяться на откровенность с вашей стороны…

– Безусловно, – перебила Овчинникова. – Прошу вас, раздевайтесь и проходите… За чаем все обсудим. Вопрос-то не простой. Насколько я поняла, он связан с доверием к вам со стороны персонала. Так?

Нелли Ивановна согласно кивнула и в то же время подумала, что женщина, стоящая перед ней, либо очень опытный психолог,

умеющий мешок проблем, принесенных тобой, уговорить унести обратно, либо очень порядочный человек, что в наше время встречается не так уж часто.

– Нина, сделай нам чай! – обратилась к дочери Галина Андреевна и, повернувшись к Лялиной, продолжила: – Мой помощник вернулся из Новосибирска, привез изумительный чай, полученный из США по ленд-лизу[31]. Давно такого не пила. Чай – моя слабость, могу не позавтракать, но чай – обязательно.

– В блокаду чай не был спасением от голодной смерти, – задумчиво произнесла Нелли Ивановна.

За столом, на правах хозяйки, Галина Андреевна взяла управление разговором в свои руки, переходя от одной темы к другой, пока не увидела, что Лялина оттаяла, успокоилась и утратила наступательный дух. Тут она совершенно неожиданно перешла прямо к делу.

– Поверьте мне, что ни область, ни тем более район не делают попыток удержать вас. Да у нас и прав таких нет. Мы можем помочь остаться отдельным лицам с их согласия. Я думаю, вам надо напомнить о себе Ленгорисполкому, подтвердив необходимость возвращения важными фактами. Я вам обещаю, что запрос ваш, с отметкой райисполкома, будет отправлен экстренной почтой.

Как-то незаметно от деловых вопросов они перешли к личной жизни. Галина Андреевна рассказала, как они с Ниной в августе сорок первого почти из-под носа наступавших немцев бежали из Одессы.

– Муж, будучи секретарем горкома партии, возглавил партизанский отряд. Мы даже не успели попрощаться. Представляете, какова могла быть судьба семьи крупного партийного работника, если бы мы не успели уехать? Три года писала во все инстанции в поисках мужа. В феврале сорок второго из Управления партизанским движением Генерального штаба сообщили, что муж погиб еще в августе сорок первого. Где погиб, как погиб – ничего не известно… Даже без шаблонных фраз: «Ваш муж геройски погиб, защищая Родину». Не знаем, куда поехать поклониться его праху. – Галина Андреевна прижала угол платка к глазам.

Разговаривая между собой, женщины не обратили внимания, что дети давно стоят у стены позади Галины Андреевны. И когда она заплакала, Нина подскочила, обняла ее за плечи.

– Мамочка, не плачь! – всхлипывая, дочь стала целовать мать в голову.

Усиленно вытирала нос и Нелли Ивановна.

Виктор удивленно смотрел на Овчинникову и Нелли

Ивановну. Раньше он не представлял себе, что такие женщины, как председатель райисполкома и директор детдома, тоже могут плакать.

Решено было, что сейчас Виктор уедет с Нелли Ивановной домой и, как только письмо-запрос в Ленинград будет готово, немедленно привезет его Овчинниковой.

В первый же вечер после возвращения Нелли Ивановна собрала всех сотрудниц для составления, как она сказала, «письма турецкому султану».

Переполненные эмоциями женщины захлебывались словами, чаще всего слабо связанными логикой и здравым смыслом. Они, перебивая друг друга, давали такие советы, от которых у Нелли Ивановны дух захватывало. Александра Гавриловна предложила обратиться прямо к «всесоюзному старосте» Михаилу Ивановичу Калинину с жалобой на Ленсовет.

«Новгородское вече» продолжалось почти до полуночи, но на бумагу все еще не легло ни строчки.

– Так, довольно! Я не удивлюсь, что кто-то предложит обратиться прямо к товарищу Сталину. Чтобы не впадать в полный маразм, сделаем так: доказательность нашего срочного возвращения в Ленинград, с воспитательной точки зрения, обоснует Вероника Петровна. Главный акцент при этом надо сделать на то, что основная масса детей достигла школьного возраста, а школа может обеспечить только один первый класс… Аля, ты обоснуешь необходимость возвращения возрастающим количеством запросов родителей, особенно фронтовиков. Изабелла Юрьевна, вы докажете, что санитарно-эпидемиологическое и медицинское обеспечение выросших детей здесь не находится на должном уровне. Завтра утром все доказательства мне на стол!

На следующий день Нелли Ивановна зачитала вариант письма. При общем одобрении раздавались голоса протеста по поводу чересчур мягкого стиля.

– На жесткий запрос нетрудно будет найти и жесткий ответ, разумеется, не в нашу пользу, – парировала директор. – Жесткий запрос, пожалуйста, только в персональном обращении, – добавила она.

Не медля, директор вызвала Стогова.

– Вот письмо. Ты знаешь, что такое «аллюр три креста»?

– Да, я помню, вы объясняли.

– Но не сходи с ума! Не загони лошадь или, того хуже, не сверни себе шею. Скоро конец учебного года. Постарайся не завалиться на чем-нибудь. Меня совесть замучит от молчаливых

упреков твоей матери. Не подведи меня! Помочь тебе в учебе, как оказалось, мы не в состоянии. Лошадь останется у тебя, благо Никитич дает нам еще одну кобылу. Я сказала Польди, чтобы собрала тебе заплечный мешок с продуктами. Сам реши, когда тебе лучше выехать.

Виктор шел к себе в группу и размышлял: «Конечно, лучше всего выезжать рано утром: выспаться, позавтракать, как все люди, и вперед – по свежей росе, под аккомпанемент первых птичьих голосов…»

Но дух противоречия, как обычно, подтолкнул к авантюре. «Надо ехать сегодня. В Асине переночевать, привязав лошадь на длинной веревке к изгороди. А утром, к началу занятий, подъехать к крыльцу школы на лошади!»

Когда Виктор подъехал к школе, двор уже был запружен ребятами. На территорию школы забежала лиса. Ребята с палками бегали вокруг здания в поисках зверька. Похоже, лиса давно уже убежала, но ребятня продолжала носиться, стремясь оттянуть начало урока.

При виде Стогова, чинно въехавшего на лошади во двор, интерес к лисе мгновенно пропал. Все внимание сосредоточилось на нем.

Виктор слез с лошади, но не так, как это делают нормальные всадники, а, перекинув ногу через лошадиную шею, съехал, встав сразу на обе ноги.

– Стогов, что это значит? – обратилась к нему директор школы. – Ты, случайно, не со скачек на приз «Золотой хомут»?

– Не, Зоя Федоровна, я сорок километров проскакал из Ягодного, чтобы не опоздать на занятия, – не моргнув глазом, сочинил Виктор.

– Похвально, похвально! – одобрительно кивнула директор. – Только не заезжай на лошади в класс!

Подошли друзья. Нина робко протянула руку к холке животного.

– Не укусит? – спросила она.

Виктор вспомнил, что когда-то такой вопрос задала одна из воспитательниц Пашке, приехавшему к ним во двор на коне. Вспомнил и ответ, тогда понравившийся ему: «Это же не собака!»

– Сколько же ты ехал? – сочувственно спросил Слава Хромов.

– Да я не торопился… часа два с половиной, может, три.

Стогов врал, сам не догадываясь, что за сорок километров пробега лошадь не бывает такой сухой и спокойной. Не догадывались и ребята, возможно в своей в жизни ни разу не садившиеся на коня.

Лошадь помогла сближению Нины и Виктора. Теперь, в заботах о ней, им приходилось вместе готовиться к занятиям. После обеда Нина подходила к дому Виктора. Они брали лошадь под уздцы и шли из поселка до конца огородов. Потом Виктор подсаживал Нину на хребет лошади, запрыгивал сам и, замирая от близости, вдыхая запах ее волос, щекотавших лицо, мечтал, чтобы путь до реки Чулым был нескончаемым. Может быть, Нина тоже испытывала что-то подобное, а может быть, просто трусила, но она категорически возражала против быстрой езды рысью и тем более галопом.

Виктор надевал лошади путы на передние ноги и пускал ее пастись, а сам вместе с Ниной приступал к урокам.

Отвлекаться Нина не позволяла до тех пор, пока не убеждалась, что он готов к завтрашнему дню по всем предметам. Виктору не терпелось продемонстрировать ей свою смелость и удаль. Каждый раз перед тем, как отправиться в обратный путь, он забирался на тонкую березу почти до самого верха и, оттолкнувшись, медленно, как на парашюте, опускался до самой земли, после чего отпускал ствол.

Были и рискованные случаи. Однажды, когда он влез на березу, она наклонилась, а потом вдруг сломалась, и Виктор полетел с пятиметровой высоты. Раздался крик Нины, громкий, испуганный. Если бы Витька был один, он бы не торопился вскочить, полежал бы, соображая, все ли кости целы. Но тогда он не мог себе этого позволить. Быстро поднялся и объявил, что сейчас все повторит, пусть с тем же исходом, но лишь бы только снова услышать ее визг. Нина воспротивилась. Но буквально через пару минут Виктор почувствовал резкую боль в ступне.

Приближались первомайские праздники. Нина предлагала Виктору остаться и отметить 1-е Мая в гарнизоне, куда пригласили Галину Андреевну на торжественное заседание и праздничный концерт.

Поначалу Виктор согласился. Но потом вспомнил полные тревоги мамины глаза в последний свой приезд домой и передумал. А чтобы Нина не обиделась, сочинил убедительную историю о записке от директора детдома, присланной с колхозным почтальоном. В ней Нелли Ивановна будто бы просит его приехать на праздники, так как начинаются весенние работы и требуется его помощь да и лишняя лошадь колхозу не помешает.

После занятий Стогов вместе с Ниной зашел к Галине Андреевне поздравить с праздником.

– Вот тебе раз! А я рассчитывала, что ты с нами пойдешь в гарнизон. Будут артисты из Томского театра эстрады. Да у них в

гарнизоне и своя самодеятельность – сплошные таланты.

Виктор взглянул на Нину. Она смотрела на него с надеждой. Но он вновь представил себе огорчение мамы и твердо сказал: «Не могу!»

С каждым приездом домой Виктор открывал для себя какие-то новые стороны жизни взрослеющих ребят. Вот и сейчас, глядя на их выступления со стихами, маленьким спектаклем на тему «Добрый доктор Айболит», он от души смеялся, когда дети совершенно серьезно изображали зверюшек, которых в жизни никогда не видели. Забавно было смотреть, как доктор Айболит лечит больного тигра яблоком, сделанным из картошки, и поит молоком. Виктор сидел вместе с матерью и держал ее за руку… Нет, он нисколько не пожалел, что не остался в Асине.

Через два дня на телеге колхозного почтальона Стогов вернулся в райцентр.

Несмотря на задержку, а иногда и недостоверность информации о войне, весь персонал детдома жил надеждой на ближайший и полный разгром фашистской Германии, связывая победу со скорым возвращением домой.

Часто теплыми вечерами воспитательницы собирались в детской беседке, названной, с легкой руки Вероники Петровны, «залом заседания педсовета», и обсуждали проблемы, возникающие теперь едва ли не каждый день.

– Сегодня, – начала старшая воспитательница, – я стала свидетельницей забавного эпизода. Прохожу мимо туалетной комнаты и вижу, что перед дверью Саша Кронштадтский, морщась от нетерпения, выразительно приплясывает… Я спрашиваю: «Ты что мучаешься, иди на горшок, дверь-то открыта!» – «Да, там Марина давно сидит и не выходит», – ответил он. «Ну и что? – говорю. – Горшков то шесть. Она же не на всех сидит». – «Пусть она выйдет, – возразил он, – тогда я пойду». Я чуть не упала, услышав это. Мальчик вырос, а мы и не заметили! Я вошла в комнату, а Марина сидит на горшке и играет с куклой.

Все засмеялись, пошли шуточки. Но Изабелла Юрьевна серьезно обратилась к Нелли Ивановне:

– На сегодня это единичный случай, но завтра он может стать массовым. Давайте разделим комнату, ну хотя бы ширмой, и обозначим половинки рисунками: для мальчиков и для девочек.

И как всегда, текущие педагогические и бытовые вопросы плавно перешли к главному – возвращению в Ленинград. Только надежда, что ответ Ленсовета придет обязательно и непременно положительный, помогала сдержать недовольство и раздражение.

– Я поручила Виктору немедленно, любым способом доставить письмо сюда. В этом нам поможет председатель райисполкома. – Нелли Ивановна всегда старалась уйти от этой больной темы. Вот и сейчас она пыталась перевести разговор в другое русло. – Вы обратили внимание, как спокойно местные жители воспринимают вести с фронта о победах Красной армии? Чем это объяснить?

– А они и к поражениям наших войск относились также без заметных эмоций, – заметила одна из воспитательниц.

Все вопросительно посмотрели на Нелли Ивановну.

– Безусловно, это не безразличие, – продолжила директор, – причин здесь много. Видимо, удаленность от линии фрона сглаживает остроту восприятия – как поражений, так и побед. Кроме того, плохая информированность. Мы же сами много раз сталкивались с ложными сведениями, скорее всего неумышленно искаженными, ведь радиоточек нет даже в Асине, а почта доставляется с черепашьей скоростью. Да и заботы о хлебе насущном. Сибирь ведь основной поставщик людей, военной техники и продовольствия для фронта. Ну и, конечно, сибирский склад характера: уверенность в себе, выдержка, неторопливость, настойчивость. Все это отличает их от нас, задерганных городской суетой. Мне кажется, среди сибиряков трудно встретить людей холерического темперамента.

Диктант по русскому языку проходил, как всегда, в полной тишине, нарушаемой четкой, размеренной дикцией «русички» Ангелины Федоровны, медленно ходившей между рядами парт. Вдруг распахнулась дверь, и в класс порывисто вошла директор школы. Ее появление, да еще во время диктанта, могло быть сопряжено только с серьезным ЧП.

– Ангелина Федоровна! Ребята! Только что пришла весть об окончании войны! Победа! Ур-а-а! – совсем не по-директорски завершила она свое сообщение.

Когда ребята до хрипоты наорались «ура!» и перестали хлопать крышками парт, директор объявила, что отменяет сегодня все уроки ради такого события.

Виктор подскочил к Нине.

– Я побегу к твоей маме, может, в связи с победой есть сообщение о возвращении детдома.

– Бежим, я с тобой! – Нина стала поспешно запихивать учебники в портфель.

Галина Андреевна встретила их возле своего кабинета.

– Ребята! Победа! Это счастье!

Она схватила за плечи Нину и поцеловала в щеку. Совсем уж

чудом показалось Виктору, когда Галина Андреевна также обняла и поцеловала его.

– Я сейчас думаю, как довезти эту радостную весть до Нелли Ивановны, до воспитательниц детдома.

– А нечего думать! Я сейчас прямо от вас побегу в Ягодное!

– Ты с ума сошел! Такая даль! Когда же ты придешь туда?

– Да хоть ночью! – Виктора неосознанно начало заносить, как это было раньше, когда он хорохорился перед Эльзой. – Подумаешь, ради победы можно и ночью!

– Мама, я с ним! – вмешалась Нина. – Мало ли что!

Галина Андреевна замерла от неожиданности.

– Ну уж нет! – перебил Стогов. – Ты меня будешь только сдерживать. Тормозить, значит!

– Да, Нина, Виктор прав! – поддержала его Галина Андреевна. – Проводи его. Стоп! Забегите домой! Собери ему что-нибудь поесть в дорогу, а учебники свои пусть оставит у нас.

Нина едва поспевала за Виктором по пути к ее дому.

– Ну вот, видишь, тебе в дороге надо будет два-три раза посидеть, отдышаться. А я пойду без остановки, может, где-то и пробегусь. – Виктор старался утешить Нину, хотя в душе жалел, что она не пойдет с ним.

Всю дорогу он воображал, что подумают воспитательницы, когда его увидят. Скорее всего, все решат, что у него в кармане приказ о возвращении в Ленинград.

Виктор пытался по очереди представить себе реакцию каждой сотрудницы. Александра Гавриловна, наверное, пустится в пляс, Вероника Петровна прижмет руки к щекам и несколько раз произнесет: «Слава Всевышнему, свершилось!» Его мама перекрестится и тихо промолвит: «Господь услышал наши молитвы!» Нелли Ивановна со строгим видом заметит: «Наконец-то! Дождались, – и потребует: – Давай сюда вызов!» А вызова – нет! Вот тут, скорее всего, возникнут реакции совсем другого рода. Расстроившись, что вызова по-прежнему нет, женщины могут даже не поверить в окончание войны.

«Нет, обязательно надо придумать что-то особенное. Вот если бы было ружье, тогда перед крыльцом можно было дать салют». Он слышал от Галины Андреевны, что в честь освобождения каких-то наших городов давали салют из орудий. И у него мог бы быть салют Победы!

Не останавливаясь, Виктор развернул сверток из газеты, в который Нина положила кусочек сала, хлеб и три картофелины. Откусывая, он продолжал путь. Начинало темнеть. Хорошо зная дорогу, он мог идти даже ночью. Оставалось пересечь небольшую поляну и возле старого кедра, упиравшегося своей макушкой

прямо в небо, свернуть налево. А там до деревни рукой подать.

Лес затих. В полной тишине он поначалу слышал только свои шаги. Потом, прислушавшись, вдруг уловил еще какие-то звуки. Остановился. Звуки тотчас пропали, словно кто-то другой в точности соблюдал его ритм движения. Виктор оглянулся. Но в кромешной тьме уже не видно было даже отдельных деревьев. Он пошел, и снова где-то рядом возникло ритмичное шуршание. Виктор кинулся бежать, подгоняемый страхом. Бежал быстрее, чем бегал на соревнованиях в пионерском лагере, подбадриваемый криками Эльзы и Валерки.

Усталость он почувствовал, когда подбежал к слеге, перекрывавшей въезд в деревню. Виктор остановился, словно почувствовал защиту, исходящую от огней керосиновых ламп в окнах ближайших домов. Стал смелее присматриваться, прислушиваться, силясь обнаружить того, кто преследовал его до самого забора.

За околицей была полная тишина. Виктор постоял, переводя дух, и, когда снова двинулся, услышал тот же самый шуршащий звук. Только теперь он догадался, что звук исходил от вельветовых штанов, сшитых матерью. От стыда за свой страх он готов был разорвать их, несмотря на то, что это были единственные штаны с застежкой под коленом, подобные тем, что он с удовольствием носил в Ленинграде.

С сюрпризом ничего не получилось. «Убегая» от собственных штанов, он устал до такой степени, что едва дотащился до кабинета директора. Не постучавшись, вошел и плюхнулся на топчан.

– Нелли Ивановна, я пришел, чтобы порадовать вас. Кончилась война с немцами! Победа! Хочу спать… – не поднимая век, еле промолвил он, повалившись на топчан. – Немного посплю и пойду назад: у нас завтра диктант по русскому.

Нелли Ивановна глядела на Виктора и не могла понять, правда ли то, что так буднично прозвучало из уст смертельно уставшего мальчика. Она сняла с него обувь и подложила под голову подушку, набитую соломой.

Сама спать она уже не могла. Разные мысли не давали покоя. «Нет, напутать он не мог, если спешил с такой вестью. Простят ли мне воспитательницы, если я не сообщу им сейчас же о Победе? Могут очень обидеться. А если сию минуту сказать об этом хоть одной из них, то эта весть поднимет на ноги не только взрослых, но и детей…»

Рассуждая, она подвинула к скамейке две табуретки, устраивая себе постель. «Нет! Только завтра!» И снова всплыл надоевший, мучительный вопрос: «Ну когда же нас вернут

домой?» Эта старая «заноза» так и не дала заснуть до утра.

…Постепенно успокаивалось возбуждение, вызванное известием об окончании войны. Вскоре на станцию Асино стали прибывать теплушки с фронтовиками. Решением райисполкома теперь для встречи солдат, многие из которых были инвалидами, к приходу вагонов из Томска выделялась старая грузовая машина, оборудованная скамейками. Этот автомобиль с большой газогенераторной колонкой стал самым узнаваемым и желанным у жителей райцентра, внимательными взглядами провожавших пассажиров в кузове. Виктору рассказали, что был случай, когда таким пассажиром оказался уроженец Ягодного без ноги. Шофер отвез его до родного дома.

Спустя какое-то время этот автомобиль снова появился в Ягодном. Отвыкшие от машин жители, услышав тарахтение мотора, кинулись за автомобилем, словно за каким-то рычащим, дребезжащим чудищем. Еще больше были удивлены дети детдома, из памяти которых за четыре года войны совсем исчез образ грузовика. Они со страхом и одновременно любопытством прильнули к жердям изгороди, наблюдая, как автомобиль круто развернулся и замер у крыльца сельпо, примыкавшего к изгороди детдома. Некоторые из детей даже шарахнулись, когда вылезший из него человек направился к детдомовской калитке.

– Эй, тетка, – обратился молодой парень к воспитательнице, – кликни свою директоршу! Ее фамилия, кажись, Лялина! Имя я забыл!

– А ты, дядька, зайди к ней сам! – улыбнулась Вероника Петровна.

Парень не понял юмора.

– Не, я не могу. Мотор может заглохнуть. Тогда беда – не запущу. Слышь, а может, ты сама передашь ей пакет из райисполкома?

Он запустил руку за пазуху и достал изрядно помятый конверт.

– Тебе ничего не надо передать районному начальству от нашего директора? – продолжая улыбаться, спросила старая воспитательница.

– Не, председательша сказала отдать в руки, и всё!

– Ну, тогда спасибо! Счастливого тебе пути на твоей «Антилопе-Гну»!

– Это не антилопа, а газик, газогенераторный значит, – с достоинством поправил Веронику Петровну водитель, видимо не читавший известное произведение Ильфа и Петрова «Золотой теленок».

Нелли Ивановна взяла пакет из рук Вероники Петровны без всякого энтузиазма, уверенная в том, что в нем очередной запрос асиновского роно о расширении школы за счет детей – первоклашек детского дома. Получая такие запросы, она подсознательно чувствовала обреченность прирастания к сибирской земле. Иногда становилось просто страшно от такой перспективы и появлялось желание все бросить и бежать. Бежать в город, где лично ее никто не ждал. Бежать без вызова из Ленинграда, без вещей, без денег, полагаясь на всегдашнее участие простого народа к бездомному путнику. Уносясь далеко в своих фантазиях, она не скоро возвращалась в реальный мир, стыдясь своих мыслей, в которых не было места никому из тех, кто разделял с ней мучительные трудности эвакуации.

Посмотрев на изрядно помятый пакет, Нелли Ивановна небрежно бросила его на стол.

– Вероника Петровна, – обратилась она к вошедшей воспитательнице, – подскажите, как выбраться из этого омута? Начав здесь учебный год, мы включаемся в систему обучения, разрушать которую никому не захочется. И там, наверху, решат оставить нас в лучшем случае еще на год. Самое горестное, что в этом есть резон. Задержись мы здесь еще на месяц-полтора, начало учебного года будет сорвано. Ведь мы только в дороге пробудем месяц, не меньше. Сентябрь на носу, детям надо садиться за парты, а тут еще распределение по школам… Словом, первая четверть летит коту под хвост!

– Я о другом думаю. Как они будут привыкать к городу? Дети, несмотря на наши усилия, психологически уже на восемьдесят процентов сибирячки́. У них и разговор сибирский. Они мне часто говорят: «Вероника Петровна, у меня исподки[32] порвались и пимы мокрые». Знаете, мне часто кажется, что война еще не кончилась, потому что Победу мы связывали с немедленным возвращением в Ленинград. Но и терпение уже на пределе. Не знаю, говорила вам Изабелла, что ее муж, вернувшийся с войны, обещает прислать ей персональный вызов, если детдом не возвратится через месяц. Для нас будет катастрофа без детского врача, тем более такого, как Изабелла. Я была ошарашена таким, с моей точки зрения, возможным вероломством и в сердцах (зря, конечно) вспомнила про крыс, первыми бегущих с тонущего корабля. После этого она та-ак поносила меня на сибирском диалекте! Я даже не предполагала в ней таких способностей… Насилу успокоила.

Пока Вероника Петровна рассказывала об этом инциденте, Нелли Ивановна вспомнила про морской закон, согласно которому капитан покидает тонущий корабль последним.

Поэтому для себя она решила мысли о бегстве выбросить из головы.

– Так вы посмотрите, что нам предлагает районное начальство на этот раз! – кивнула на конверт Вероника Петровна.

– Ну его! Портить аппетит перед обедом не хочу.

– Как хотите. Испортите аппетит перед ужином, а стало быть, и сон.

Нелли Ивановна нехотя надорвала край конверта, вытащила листок, совсем непохожий на бланк, на котором печатались руководящие распоряжения, и начала читать. Через пару секунд она подняла голову и отсутствующим взглядом уставилась на Веронику Петровну. Потом снова взглянула на текст и трясущимися руками молча протянула листок старой воспитательнице.

– Прочтите вслух, я что-то не понимаю, – тихо произнесла она.

– «Поздравляю! Пришел на вас вызов. Вам надо приехать самой, чтобы согласовать сроки. Рада за вас!

Овчинникова Г. А.»

Радость от предстоящего возвращения омрачилась распоряжением оставить здесь детей-ленинградцев, не востребованных родными и близкими. Список этих ребят был приложен к документу.

– Нелли Ивановна, как же так? – возразила Александра Гавриловна, читая этот список. – Откуда им там, в Ленсовете, известно, что у Коли Октябрьского, Авроры Невской нет родных и близких? Я не представляю себе, как их оставить, как им объяснить это? Ведь они уже взрослые, всё понимают. Я этого делать не буду! У меня сердце разорвется. Может, все-таки увезем их? Всего-то одиннадцать душ!

– Аля, там все проверили. Ведь у них есть список всех детей, отправленных в Сибирь, поэтому, я думаю, так долго и не присылали вызов. Ну хорошо, представь себе такую сцену: мы привезем их в Ленинград. Нас встречают оповещенные родственники, представители Ленсовета, разбирают детей, уезжают. Остается одиннадцать человек, сиротливо стоящих на вокзале, хлопающих глазенками, полными слёз… Что ты на это скажешь? Куда повезешь? Кому сдашь? Ты ведь к себе их не заберешь? Небось сама не знаешь, целы ли твои квартира, дом? Вот такую сцену уже я не выдержу! А как объяснить представителям власти нашу самодеятельность? Думаю, что только необходимость заставила их принять такое жесткое решение, ведь детских домов было эвакуировано не один десяток.

И в каждом из них есть свои Коли Октябрьские, Авроры Невские.

Собирая большой педсовет в знаменитой беседке, Нелли Ивановна решила не навязывать свое мнение. «Пусть выговорятся все. Потом можно будет выбрать из словесной шелухи рациональное зерно».

Начали еще до захода солнца, а когда стало темно, принесли две керосиновые лампы.

– Дорогие мои, из всех наших забот самая главная – подготовить детей, остающихся здесь. Надо сейчас, заранее, аккуратно убедить их, что здесь остаются самые надежные помощники воспитательниц для подготовки местных детей к школе, что задача эта сложная и не каждому ребенку может быть доверена, – подвела итог директор. – Чем серьезнее будет выглядеть аргумент, тем сильнее дети будут осознавать свою ответственность перед взрослыми. Пять-шесть лет – это возраст, когда ребенок испытывает большую потребность быть помощником взрослого, заслужить похвалу за хорошо выполненную работу. Вот эту психологическую особенность и надо использовать сейчас.

– Аленька, я понимаю твое скептическое отношение к моим словам, но можешь сама убедиться, спросив у любого ребенка, чего он больше хочет: поехать в Ленинград или пойти завтра на луг гоняться с сачком за бабочками? – продолжала Нелли Ивановна. – Ленинград для них абстракция, город, который в памяти ассоциируется прежде всего с бомбежками, обстрелами, голодом. Если не упоминать о родителях, то мало кто захочет туда поехать. Вся детская живость и любознательность проявятся в тот самый момент, когда одни останутся здесь, а другие сядут в повозки и куда-то поедут. И здесь наверняка будут заданы вопросы типа: «Александра Гавриловна, а почему Маша едет, а я нет?» Словом, сейчас нам надо постараться и проявить весь свой педагогический такт. Топорная работа ни с одним ребенком недопустима.

Весть о том, что ленинградский детдом уезжает, стала главным событием в жизни всей деревни.

Узнав об этом, примчался Никитич, который давно находился на дальних полях и не допускал мысли, что могут уехать ставшие такими родными Ивановна, Алексеевна, Витька, Валерка, Гешка, даже идейный «противник» – докторша, «мудрёное» имя которой он так и не запомнил.

Девять подвод, выделенных районом, на ночь расположились табором на территории детдома. Нелли Ивановна не стала препятствовать тому, что запылали два костра между телегами и

всю ночь раздавались громкие голоса возниц, смех, звуки гармошки. Еще шесть колхозных подвод пришли утром под руководством Никитича.

Нелли Ивановна не предполагала, что прощание будет таким трогательным. Несмотря на ранний час, собралась почти вся деревня. Не поместившиеся на дворе люди толпой стояли за изгородью.

На Никитича без жалости нельзя было смотреть. Он, не стесняясь слёз, ходил от одной женщины к другой, кого-то целовал, кого-то обнимал, кому-то жал руку и всем кланялся в пояс. Когда прощался с директором, зарыдал в голос, как местные женщины.

Валерка, пользуясь всеобщей суматохой, сбежал с Дарьей Грошевой в беседку, держа ее за обе руки.

Прок с каменным лицом, словно не видя никого, стоял прислонившись спиной к крыльцу. Увидев Стогова, жестом подозвал к себе. Взяв Виктора за плечи, он с эстонской невозмутимостью произнес:

– Для тех, кто пока мало знает, но стремится знать все, всегда и везде есть много интересного. А ты такой! Не растеряй свою любознательность!

Удивленный необычно длинной речью молчуна Прока, Виктор, от волнения не понявший половины, несколько раз повторил: «Спасибо!»

Но апофеозом прощания для Нелли Ивановны стало действо, втайне подготовленное воспитательницами. Занятая размещением детей по телегам, назначением и инструктированием старших на каждой подводе, множеством других дорожных забот, она не обратила внимания, что возле крыльца выстроилась шеренга остающихся малышей с воспитательницами.

– Нелли Ивановна! – обратилась одна из них. – Посмотрите, вас ждут!

Когда директор повернулась к детям, они не очень дружно, но громко прокричали:

– Счастливого пути! Счастливого пути! Счастливого пути! Ура-а-а!

Она без тревоги и волнения не могла думать о расставании с остающимися ленинградскими и местными детишками и уж совсем не ожидала такого мажорного прощания.

По лицу Нелли Ивановны пробежала легкая судорога и, не сдерживая слёз, но широко улыбаясь, она кинулась к детям и, крепко обнимая, стала целовать всех подряд.

– Нелли Ивановна, не плачьте! – подбодрил ее Коля

Октябрьский. – Мы скоро встретимся!

От последних слов ребенка слезы еще сильнее потекли из глаз директора. «Перестарались вы, мои дорогие воспитательницы, с обещанием скорой встречи…» – успела подумать директор, но тут же неосознанно сама включилась в игру:

– Да, да, Коленька, я приложу все силы, чтобы эта встреча состоялась как можно быстрее!

Вслед за ней со слезами кинулись целовать детей и отъезжающие сотрудницы.

Возглавляемая Никитичем колонна подвод выехала на единственную улицу деревни, по которой дети и взрослые приехали сюда три года назад.

Многие из деревенских провожали подводы далеко за околицу, продолжая распихивать гостинцы, главным образом драники.

Виктор глянул на подводу Спичкина и увидел, что рядом с телегой, держась за Валеркину руку, идет Даша.

Когда Даша остановилась, махая рукой Спичкину, Стогов, поравнявшись с ней, приложил большой палец правой руки к своему носу и, улыбаясь, пошевелил четырьмя другими пальцами.

Дарья беззлобно, но громко произнесла:

– Дурак!

Едва подводы остановились возле райисполкома, Нелли Ивановна с болью в сердце отметила, что картины их эвакуации повторяются с точностью до наоборот, словно в фильме с отматывающейся назад кинолентой. Тогда они выгрузились из вагонов в тупике и на подводах подъехали к райисполкому, с трепетом ожидая места пристанища. Сейчас, загруженные, они с таким же трепетом ждут отъезда от райисполкома к теплушкам, стоящим в том же самом тупике.

«Даже не верится, что прошло три томительных года, начавшихся с веры и надежды на скорое возвращение домой», – мысленно произнесла Нелли Ивановна.

Заботами Галины Андреевны Овчинниковой вагоны были вымыты, на нарах лежали ватные матрасы, подушки, накрытые солдатскими фланелевыми одеялами. По словам Галины Андреевны, упоминание в военном городке о детях блокадного Ленинграда служило паролем для безвозмездной передачи не только постельного белья, но и комплекта алюминиевой посуды, начиная с чайных ложек и кончая кастрюлями и большими бачками-термосами.

Устраивались неспешно, неоднократно меняясь местами с

учетом соседей по «купе», готовясь к длительному путешествию. Мать Виктора хотела ехать вместе с сыном, но по соображениям стеснительности она, как и воспитательница Александра Гавриловна, должна была ехать в «женском» вагоне.

Вскоре подали «Овечку», и Виктор тотчас узнал и паровоз, и машиниста дядю Фрола. Они обрадовались встрече, словно родные. Виктор влез в будку и с трепетом потрогал рычаги, зная, что двигать их нельзя, пока идет погрузка.

– Это, брат Витюха, признак благополучной поездки, если тебя привез сюда и увозит отсюда один и тот же паровоз и машинист.

– Дядя Фрол, а можно я поеду с вами? Это же недолго, всего-то восемьдесят километров.

– Да я что, я не против. Только твое начальство должно дать согласие. Ступай договорись!

Виктор опрометью кинулся к первому вагону, возле которого стояли директор и Галина Андреевна.

– Нелли Ивановна, разрешите мне поехать на паровозе. – Виктор торопился изложить свою просьбу, видя, как директор недовольно морщится и пытается задать вопрос. – Я на нем уже ездил, когда учился здесь, сам давал пар, гудок, как учил машинист дядя Фрол. Он хочет (Виктор посчитал, что словосочетание «он хочет» звучит убедительнее, чем «он не против»), чтобы я ехал с ним! Ну как?

– А вот так! Спроси его: может, он вместо тебя поедет в вагоне, а ты поведешь состав? Тогда на тебе будет вся ответственность за то, что мы вместо Томска приедем в Хабаровск, или за то, что поезд сойдет с рельсов и мы поедем по шоссе! Нет, дорогой мой кочегар, я тебя увезла из Ленинграда, я тебя и привезу туда. От твоих авантюр у меня пол головы седых волос. Мне можно надеяться, что ты, как все, поедешь в вагоне, или пойти к твоему дяде Фролу и сказать, что я не разрешаю?

– Не надо, – огорчился Стогов, – я поеду, как все, среди мелюзги и горшков.

Он медленно повернулся и пошел к своему вагону.

– Значит, вам досталось от него еще в Ленинграде? – спросила Галина Андреевна.

– Да нет, это так, гипербола. Парень он надежный, толковый, был моим помощником по всем хозяйственным делам. К тому, что я вам о нем рассказывала, можно еще много чего добавить. Но, знаете, все его выходки носили благородный характер – тот же побег на фронт. Ведь он и его друг хотели найти отца своей одноклассницы Эльзы Пожаровой и, представьте себе, нашли его адрес.

Они сели, постелив газету на штабеле шпал, и спокойно беседовали, словно за спиной у них не было массы проблем и забот, от которых ночью часто невозможно было заснуть.

– Скажу откровенно, Нелли Ивановна, мне очень жаль расставаться с вами. Я сожалею, что встречи у нас были редкие и, как правило, короткие. Извините меня, я сейчас убегаю, но к отходу поезда приду с дочкой, она хочет проститься с Виктором, ведь они сидели за одной партой.

– Мы ждем вас! – Растроганная Нелли Ивановна вытирала глаза.

Уже стало заметно темнеть, и к вечеру похолодало. Все устали ждать отправления поезда. Виктор успел сбегать к дежурной по станции, но та сказала, что распоряжения еще нет, и добавила, что, когда понесет жезл машинисту на отправку, предупредит всех в вагонах.

– Теть, а я могу сбегать в центр? Мне надо!

Его беспокоило, что Нина не пришла, несмотря на договоренность.

– Нет, малец, ожидать твоего возвращения я не имею права. Решай сам!

«Все, не придет, а обещала… Наверное, нашла занятие поинтереснее. Ну и наплевать! Подумаешь, одесская селедка! Нет, не селедка – камбала, которая лежит на дне без движения». Разволновавшись, Виктор не замечал, что уже вслух проговаривает в адрес Нины эти обидные слова, пристально глядя при этом в сторону вокзала, откуда могли появиться Овчинниковы.

И когда он уже вконец отчаялся в последний раз увидеть Нину, заметил вдалеке две женские фигуры, быстро идущие по шпалам в сторону поезда. Одна из них, пониже ростом, вдруг побежала, не боясь споткнуться и упасть.

Это была Нина. Виктор рванулся навстречу. Схватившись за руки, они молча пошли к вагонам. Оба от волнения долго не знали, с чего начать разговор.

– Мама рассказала, что ты просился ехать с машинистом…

– Ага, я умею. Это не сложно, ты тоже можешь научиться управлять паровозом… – Виктор схватился за эту тему, как за соломинку, спасаясь от мучительного молчания.

– При чем тут паровоз? – прервала его Нина. – Ты понимаешь, что мы расстаемся и, может, больше никогда не встретимся? У меня это просто не укладывается в голове. Я бы поехала с вами. Но мама! Она одна без меня долго не выдержит. Всем кажется, что она здорова, а на самом деле я часто застаю ее ночью в кухне

с таблетками и пузырьками.

– Давай поклянемся, Нина, что будем часто писать друг другу. Раз в неделю обязательно… Нет, лучше каждые три дня и рассказывать обо всем, что делали, думали, чувствовали…

Виктора словно прорвало. Он боялся остановиться, чтобы успеть высказать переполнявшие его чувства. Сейчас он не думал о том, как будет воспринята его нынешняя говорливость, как оценена его прежняя сдержанность. Сознание протестовало против того, что он не увидит Нину завтра, послезавтра, а может быть, никогда…

– По вагонам! Дается отправление! – раздалась команда женщины в форме железнодорожника, идущей со стороны станции.

– Витька, милый Витька! – Нина сдавила его руку. – Не знаю, как я сяду за парту, где твое место будет пустым.

– Виктор! – раздался тревожный голос Нелли Ивановны. – Быстро в вагон!

– Нина! Ребята! Хватит! – К ним приблизилась Галина Андреевна. – Если вы дороги друг другу, обязательно встретитесь! Эта разлука – проверка вашей дружбы. – Она помогла освободить руку Виктора из руки дочери. – Беги, не огорчай Нелли Ивановну!

Виктор догнал свой вагон, прыгнул животом на пол, быстро вскочил и обернулся. В вечерней мгле постепенно растворялись два женских силуэта.

Эпилог

Воспоминания двух седых мужчин о своем сибирском детстве иногда со стороны напоминали словесную перепалку ровесников-мальчишек.

– Виктор, ты забыл! Не так это было! – с жаром размахивая руками, протестовал Валерий Сергеевич.

– Это ты забыл, флегматик-склеротик! – беззлобно возмущался раскрасневшийся Стогов. – Думая, что заблудился, ты орал на всю тайгу так, что не только белки, но и волки разбежались. А мы с Гешкой стояли сзади тебя и давились от смеха.

– Люди добрые! Не верьте ему! – с мольбой обращался Валерий Сергеевич к смеющимся женщинам и детям.

Устав за ночь от воспоминаний о сибирской эпопее, Виктор Павлович предложил сделать передышку.

Предложение поддержала и Нина Петровна:

– Дорогие мои, невозможно все удержать в памяти: что-то забывается, какие-то детали событий утрачиваются… Но не стоит горевать по этому поводу. Важно то, что вы помните главное – ужас блокады и трудную жизнь за ее чертой. И потом… Вы нашли друг друга спустя сорок лет. Это почти чудо!

– Виктор, а как Нина Овчинникова? Ты про нее что-нибудь знаешь? – не удержалась Эльза Сергеевна.

– Да-да, интересно, – поддержала ее Марина.

– Ну, это сага для следующей ночи, если мы выдержим.

– Выдержим! – вмешался Валерий Сергеевич. – Доктор Нина

Петровна не даст нам умереть, не дослушав до конца эту повесть.

– Ну, Виктор, не томи, хоть коротко, в двух словах, – настаивала Эльза Сергеевна. – Как сложилась ее судьба?

– Да в целом-то нормально. Овчинниковы перебрались в Томск, где Нина окончила Томский государственный университет, потом аспирантуру, докторантуру. Мама ее стала каким-то крупным партийным деятелем. Словом, прикипели к Томску. – Виктор Павлович сделал паузу, задумался. Потом добавил: – Я был привязан службой к Украине, она, возможно, боялась оставить маму одну или не хотела. Мы оба постепенно пришли к выводу, что наши отношения не имеют будущего, поэтому переписка между нами постепенно сошла на нет. И это почти естественно: детские грезы, как правило, это замок, построенный весной из талого снега. У меня сохранилось чувство благодарности к этой семье, – тихо закончил он.

– А у меня идея! – Марина подошла к окну. – Гляньте, какой дивный восход солнца! Пойдемте на набережную!

– Прекрасное предложение! – подхватила Нина Петровна.

– Но… – Валерий Сергеевич настолько выразительно глянул на ноги Виктора Павловича, что тот безошибочно понял мысли друга.

– Валерка, я сейчас, как в детстве, обгоню тебя, если ты не помчишься на «трамвайной колбасе»[33]. У меня протезы-скороходы! Так что на набережной проверим, кто на что способен!

Москва еще спала, досматривая последние сны. А в это время по набережной медленно шли три пары самых счастливых людей, объединенных воспоминаниями, симпатиями, дружбой и схожестью судеб.

notes

Примечания

1

Репара́ция – возмещение убытков от войны страной, по вине которой началась война.

2

Ремеслу́ха – так в обиходе часто называли ремесленные училища, созданные в октябре 1940 г.

З

«Дзержи́нка» – Ленинградское военно-морское училище им. Ф. Э. Дзержинского.

4

«Буржу́йка» – маленькая железная печь с дымовой трубой, выводимой в форточку.

5

С началом блокады жителям города рекомендовали носить с собой записки со своим адресом.

6

Товарные вагоны называли товарняками, теплушками, телятниками.

7

Во́лковка. – Имеется в виду Волковское кладбище, где в блокаду хоронили в братских могилах умерших в Московском районе.

8

«Летучая мышь» – так часто называли керосиновую лампу.

9

Облоно́ – областной отдел народного образования.

10

Так в Сибири называли кастрированных жеребцов.

11

Пу́ты – петли из толстых веревок, надеваемые на передние ноги лошадей, чтобы они не уходили далеко во время выпаса.

12

Трут – кусок высушенного древесного гриба.

13

Я́я – сибирская река, впадающая в более крупную реку Чулым.

14

ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия, специальный орган по борьбе с контрреволюцией и саботажем (1917–1922).

15

Дра́ники – лепешки из тертого картофеля.

16

Суп «О’пуасо́н» – рыбный суп (фр.).

17

Сибало́нец – от «сиблаг» (сибирский лагерь), прозвище бывшего ссыльного.

18

Пи́мы – сибирское название валенок.

19

Че́тверть – бутыль объемом в три литра.

20

Лярд – топленый свиной жир.

21

Крупору́шка – агрегат для шелушения крупяных зерен.

22

КИМ – Коммунистический интернационал молодежи (*сокр.*). Нередкое имя мальчиков в советское время.

23

«Трехлине́йка» – керосиновая лампа.

24

Ток – поляна, на которой собираются тетерева для брачного ритуала.

25

Коса́ч – так называют самца тетерева.

26

Роно́ – районный отдел народного образования.

27

Шаро́шка – режущий инструмент для выработки углублений.

Наркомпро́с – Народный комиссариат просвещения (*сокр.*).

29

Снегу́рки – так называлась старая модель коньков для фигурного катания.

30

Обеча́йка – боковая часть корпуса скрипки.

31

Ленд-лиз – договор с США о снабжении вооружением и продовольствием стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне (*англ.*).

32

Испо́дки – так в Сибири называют рукавицы.

33

«Трамвайная колбаса» – металлическая сцепка у последнего вагона трамвая, стоя на которой можно было ехать, держась за тормозной резиновый шланг.